

Патрисия Вентворт

Убийство в Леттер-Энде. Приют пилигрима

М.: АСТ, 2017

Содержание:

- Патрисия Вентворт. Убийство в Леттер-Энде (роман, перевод Д. Вознякевича), стр. 5-242
- Патрисия Вентворт. Приют пилигрима (роман, перевод А. Анваера), стр. 243-509

ПАТРИЦИЯ ВЕНТВОРТ

В детективах Патриции Вентворт
есть все: увлекательный сюжет,
захватывающая интрига и удивительная,
типично британская главная героиня –
мисс Мод Сильвер, элегантная и слегка
эксцентричная пожилая леди. Сама
Агата Кристи не раз признавалась: во
многом Мод Сильвер стала прототипом
легендарной мисс Марпл.

ПАТРИЦИЯ
ВЕНТВОРТ

УБИЙСТВО
В ЛЕТТЕР-ЭНДЕ

.....
ПРИЮТ ПИЛИГРИМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В29

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Wentworth

LATTER END
PILGRIM'S REST

Перевод с английского *Д. Вознякевича*
(«Убийство в Леттер-Энде»)
и *А. Анваера* («Приют пилигрима»)

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора и
литературного агентства Andrew Nurnberg.

Вентворт, Патриция.

В29 Убийство в Леттер-Энде. Приют пилигрима : [сборник] /
Патриция Вентворт ; [пер. с англ. Д. Вознякевича, А. Ан-
ваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. —
(Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-089389-8

Молодую хозяйку поместья Леттер-Энд, красавицу Лоис, находят мертвой... Кто из многочисленных членов эксцентричного семейства мог подсыпать отраву в ее кофе? Полиция выясняет, что Лоис ненавидела вся женская половина семьи. А по завещанию все деньги достаются ее мужу Джимми...

Однако Мод Сильвер уверена: разгадка тайны убийства в Леттер-Энде кроется не в деньгах и не в завещании, а в отношениях между его обитателями.

Об усадьбе «Приют пилигрима» ходят скверные слухи: все его владельцы, собиравшиеся продать имение, становились жертвами несчастных случаев.

Но слухи слухами, а когда нынешнему хозяину, отставному майору Пилгриму, чудом удастся избежать гибели при загадочных обстоятельствах, ему хватает здравого смысла обратиться за помощью к Мод Сильвер. Расследование начинается...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089389-8

© Patricia Wentworth, 1946, 1947
© Перевод. Д. Вознякевич, 2016
© Перевод. А. Анваер, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

УБИЙСТВО
В ЛЕТТЕР-ЭНДЕ

Глава 1

Когда миссис Леттер вошла в комнату, ей показалось, что там темно – из-за того, что все в ней было черным. Ковер на полу, обои на стенах, длинные прямые шторы были бархатно-черного цвета. Но комната оказалась не такой темной, как она подумала. В одно незанавешенное окно лился свет. Лоис Леттер оказалась лицом к этому свету, усевшись напротив человека, называвшего себя Мемноном. Между ними стоял маленький, накрытый черной бархатной скатертью стол, и по контрасту с ним старик в кресле казался очень большим.

Сев на указанное место, миссис Леттер посмотрела на него с любопытством. Если этот человек думал, что может поразить или напугать ее своими уловками, то он ошибался. Напрасно она сюда приехала. Но когда все твои подруги что-то делают, делаешь и ты. В противном случае о чем же тогда разговаривать? О Мемноне все вели разговоры. Он высказывал совершенно потрясающие вещи. Описывал прошлое и предсказывал будущее. Умел представить настоящее интересным и значительным, а не унылым и скучным.

Лоис смотрела на Мемнона в упор и почти ничего не видела на свету, кроме его силуэта и очертаний кресла. Кресло стояло симметрично к окну, выделялось на его фоне – высокая дуговая спинка, крепкие расширяющиеся подлокотники. Над спинкой возвышалась голова старика в бархатной шапочке. Лоис не знала, почему так уверена, что он старик. На это не указывал ни его голос, ни фигура. Никто не называл его стариком, просто создавалось такое впечатление. Из-за бьющего в глаза света Лоис не могла разглядеть его лица, видела только светлый, расплывчатый овал – гораздо выше, чем можно было ожидать. Видимо, Мемнон отличался высоким ростом, и еще у него были довольно длинные руки.

С этими мыслями Лоис поставила сумочку на колени, откинулась назад и непринужденно улыбнулась. Далеко не каждая женщина ее возраста могла сидеть лицом к свету с таким хладнокровием. Однако тридцать семь лет ничего не отняли от великолепия ее гладкой кожи, лишь улучшили цвет лица, его черты, овал и сделали ее гораздо привлекательнее, чем в двадцать лет. Госпожой себе, своим мыслям, своей жизни. И в значительной мере госпожой Джимми Леттера, его мыслям и его жизни.

Продолжительное молчание вызвало у нее легкое презрение. Чтобы лишить ее самообладания, темной комнаты и пристального взгляда старика недостаточно. Миссис Леттер еще не знала положений или обстоятельств, над которыми была бы не властна. Она безмятежно шагала по жизни, вышла замуж во второй раз. Джеймс Даблдей оставил ей деньги. Осложнения с его завещанием были успешно преодолены. В преемники ему Лоис избрала Джимми Леттера и знала, что сделала верный выбор. Все иметь невозможно, и завещание тогда еще не утвердили. Энтони бывал очень обаятельным – когда хотел. Но ведь не свяжешь свою жизнь с бедным кузеном, когда можно выйти за богатого – в тридцать пять лет уже понимаешь, что, если достанет ума, можно иметь мужа и не терять любовника.

Нельзя сказать, что Джимми богат – денег у него оказалось гораздо меньше, чем ей представлялось. Но, к счастью, с завещанием Джеймса Даблдея все обошлось, а Леттер-Энд был предметом ее мечтаний – небольшая, красивая, не тронутая войной усадьба нуждалась только в деньгах, и теперь Лоис сможет их на нее потратить.

Если бы только усадьба принадлежала Энтони... Но это еще возможно...

Эта мысль легко пронеслась в ее сознании. После визита к Мемнону Лоис собиралась пообедать с Энтони. Улыбка ее стала совершенно естественной.

Неожиданно миссис Леттер заметила, что Мемнон неотрывно смотрит на нее. Его глаза были глубоко посажены и казались черными. Он произнес низким шепотом:

– Дайте мне свою руку – обе руки.

Лоис Леттер заколебалась. Басовитый шепот вызвал в комнате странные отзвуки. На столе между ними лежал хрустальный шарик. Свет из окна падал на его сторону, и шар сиял, как полумесяц. Лоис опустила на него взгляд.

– Вы не смотрите в шарик? Я думала, вы им пользуетесь. Потому и приехала.

Старик поднял руку, и шарика не стало. Лоис не разглядела, что с ним произошло. Полумесяц погас. Когда Мемнон пошевелился, ей показалось, что шевелится и ткань плаща. Старик снова прошептал:

– Дайте мне свои руки.

Лоис вытянула их так, словно что-то отталкивала, и он встретил их своими – ладонь к ладони, палец к пальцу, вертикально, как сложенные в молитве руки. Его и ее. Две пары рук. Соприкосновение было покалывающим. Покалывание прошло по ее рукам и по всему телу вниз, к ступням. Дыхание ее участилось. Лоис хотелось заговорить, отодвинуться. Но впервые в жизни она не сделала того, что хотела. Сидела неподвижно, терпела соприкосновение и покалывание. Не могла отвести взгляда от его глаз. Было ощущение контакта, ощущение, что ее исследуют, обыскивают.

Потом все это вдруг прекратилось. Мемнон опустил веки, отвел руки, откинулся назад и сказал:

– Вам нужно очень беречься.

Ее что-то встревожило – что-то в его интонации, в очень низком, еле слышном голосе. Лоис убрала руки со стола, сложила их на коленях и поинтересовалась:

– Чего мне беречься?

Мемнон ответил:

– Яда.

Это слово будто прошелестело в воздухе. Миссис Леттер почувствовала, как оно завибрировало где-то глубоко в ее сознании. Она подождала, когда вибрация пройдет, и спросила:

– Что вы имеете в виду?

– Что вам нужно беречься.

– Яда?

– Совершенно верно.

– То есть кто-то попытается отравить меня? Так вас понимать?

Мемнон произнес немного громче:

– Может быть... – В его голосе прозвучала нотка сомнения.

Она подумала: «Он ничего не знает определенно – только догадывается. Это ерунда». Вслух спросила:

– И это и все? Какой смысл в совете беречься, если вы не говорите ничего больше?

Старик долго медлил с ответом.

– Всем нам нужно охранять дом своей жизни. Как вам охранять свой, сказать не могу. Могу лишь предупредить, что он под угрозой.

– Ему угрожает яд?

– Да.

– Какой?

– Этого я сказать не могу. Есть много разновидностей. Одни угрожают душе, другие телу. Так что берегитесь. Я могу только предостеречь вас.

Лоис выпрямилась и спокойно заговорила, стараясь не поддаваться подспудно возникшему страху:

– Думаю, вы должны сообщить кое-что еще. Кто мне угрожает?

– Кто-то, находящийся рядом.

– Мужчина или женщина?

– Мужчина... женщина... видимо... не знаю. Возможно, это вы сами. Яд очень близок – вы связаны с ним.

Лоис засмеялась. Ее смех всегда вызывал восхищение. Сейчас он, как колокольчик, серебристо звенел в комнате.

– Поверьте, я не собираюсь травиться.

Мемнон произнес так тихо, что она едва расслышала:

– Существует не один вид яда.

Глава 2

Энтони Леттер, стоя у колонны, видел, как Лоис входит во вращающуюся дверь и идет по вестибюлю к внутреннему салону ресторана «Люкс». Он не спешил ей навстречу. Всегда было приятно наблюдать, как Лоис входит в помещение – у нее была очень красивая походка, и держалась она так, словно приобрела всю землю. Землю и Джимми Леттера. Губы его слегка сжались. Бедняга Джимми. Каково чувствовать себя приложением к кому-то? Не слишком приятно, однако небеса помогают лишь тем, кто сам себе помогает. Так или иначе, здесь была Лоис, цветущая, в черном костюме, подчеркивающим ее стройность и цвет кожи. Белая камелия, символ безупречной жизни, вставлена в ее петлицу под новым, самым удачным углом, и волнистые, золотисто-каштановые волосы уложены по последней моде. Пойдя навстречу ей, Энтони подумал, что ни разу не видел ее прическу в беспорядке. Другие женщины бывали возбужденными и неряшливыми, у них выбивались пряди волос, носы блестели, но у Лоис – никогда. По иронии судьбы на ум ему пришли стихотворные строки Бена Джонсона¹:

Как же на пир не нарядиться,
Напудриться и надушиться,
Чтоб впечатленье создавать...

Пожимая ей руку, он подумал, осмелится ли процитировать эти строки Лоис. И если да, вспомнит ли она продолжение.

Но, леди, нужно меру знать...
Все слишком выпренне, кричаще.

Собственно говоря, Бену та леди нравилась неряшливой.

Энтони чуть не рассмеялся вслух и подумал, что лучше вести себя сдержанно. Раньше они с Лоис откровенно флиртывали, но теперь времена изменились, и она стала женой Джимми.

Когда они шли к обеденному залу, одно из больших зеркал отразило их бок о бок. Лоис подумала, что они представляют собой красивую пару. Высокий, стройный Энтони выглядит замечательно. Лучше, чем два года назад. Ему двадцать девять лет – в этом возрасте мужчины выглядят лучше всего. Она старше его на восемь лет, но об этом никто не догадается. Возраст не властен над ее красотой. Никто не даст ей больше двадцати семи. Никто не подумает, что она старше Энтони, с удовольствием отметила Лоис.

Они подошли к своему столику и сели, продолжая серьезный разговор под видом легкого обмена любезностями. Действительно ли Энтони снова в форме? Как ощущается уход из армии после пяти лет службы? Понравится ли ему работа в издательской фирме?

– Ты – и книги? Скучноватая работа! – Ослепительная улыбка превратила ее слова в комплимент.

Энтони холодно заметил:

– Знаешь, я люблю книги – и притом очень.

И подумал, с какой горячностью он выложил бы ей все свои планы два года назад. Теперь же это представлялось невероятным.

Лоис сказала, по-прежнему глядя на него и по-прежнему улыбаясь:

– Уверена, дорогой, что ты добьешься большого успеха.

Слово «дорогой», пусть и ничего не значащее в ее устах, покорило его. Энтони отозвался:

– Наверняка буду повсюду находить бестселлеры.

Лоис засмеялась:

– Ты ничуть не изменился.

¹ Бенджамин Джонсон (1573–1637) – английский драматург

– Вот как? Позволь ответить тебе комплиментом на комплимент. Ты выглядишь замечательно. Правда, всегда так выглядела.

– Спасибо, дорогой! Но все-таки не всегда, тебе не кажется? Боюсь, что в определенном возрасте.

– Тебе не нужно беспокоиться об этом.

– Не глупи, – сказала она совершенно естественным тоном.

Вот это хуже всего – очень легко быть естественной с Энтони. Так было всегда. Как Лоис с этим ни боролась, существовало искушение дать себе волю, расслабиться, перестать играть роль и стать собой – такой собой, какой Энтони, видимо, ничуть бы не восхищался.

Она засмеялась своим приятным смехом:

– Дорогой мой, если я выгляжу хотя бы хорошо, это настоящее чудо. У меня только что произошла потрясающая встреча.

– Вот как? Послушай, я заказал обед – примешь ты его таким, как есть?

– Да, конечно. Ты должен знать, что мне нравится, – если не забыл. Но право, дорогой, насчет потрясающей встречи я серьезно. Я была у Мемнона.

Он спокойно посмотрел на нее.

– У Мемнона?

Не успела она ответить, как официант принес рыбу. И в эту минуту Лоис вдруг осознала, что была последней дурой, оставив Энтони.

Когда официант ушел, Лоис принялась взахлеб рассказывать о Мемноне, так как ни за что на свете нельзя было допустить молчания. Что-то во взгляде Энтони, в его сухом, легком тоне проникло сквозь ее защиту и потрясло так, как ничто не потрясало долгие годы. Нужно говорить, интересно рассказать о своем посещении, вновь обрести чувство контроля над ситуацией.

Когда Энтони сказал: «Тот самый шарлатан!», она едва не рассмеялась.

– Возможно. Но, дорогой, как это было увлекательно! Вполне стоило тех денег, что я ему заплатила.

Энтони приподнял брови – странно изогнутые брови, черные на смуглом, насмешливом лице. Глаза под ними тоже казались черными, пока на них не упал свет, и стало видно, что они серые.

– И много ты заплатила ему?

– Десять фунтов. Только никому не говори, ладно? Мы в очень стесненных обстоятельствах, дом нуждается в ремонте, но к Мемнону ходят все, и лучше умереть, чем отстать от жизни. Собственно говоря, думаю, я несколько лет была мертвой – война и все прочее. Но теперь... – она встретила с ним взглядом, – я оживаю вновь.

– Очень интересное ощущение. И что этот фокусник сказал тебе?

Лоис откинулась на спинку стула. Не стоит брать его натиском, он всегда терпеть этого не мог. Лучше продолжать рассказ о Мемноне. Она произнесла дрожащим голосом:

– Он был... жутковатым.

– Обычный прием.

– Нет, правда. Он прямо-таки напугал меня.

Энтони слегка удивился:

– Должно быть, ловкач. Что он делал – или говорил?

Он пристально посмотрел на Лоис. Ее природный румянец сменился бледностью. Кажется, этот шарлатан действительно напугал ее. Раньше Энтони не думал, что это возможно, но Мемнону, очевидно, удалось. Ему не пришло в голову, что бледность Лоис как-то связана с ним.

Снова появился официант с подносом. Когда он отошел, Лоис очень тихо произнесла:

– Это было страшно.

– Только не говори, что он приставал к тебе! Однако уверен, ты вполне могла дать ему отпор. Осадить фокусника было бы новым впечатлением – а для чего еще стоит жить? Неужели скажешь, что потеряла самообладание?

– Ничего подобного не было. И я серьезно говорю – это было страшно.

Его брови приподнялись:

– Только не говори, что он вызвал призраки всех несчастных, кого ты пронзила взглядом или заморозила неприступностью!

Лоис очень тихо проговорила:

– Я серьезно.

– Ты ждешь, что я стану ободрять тебя, втыкать соломинки в волосы – они испортят твою прическу – и стонать в такт варварской мелодии, которую сейчас исполняет оркестр? Мы попадем в колонку светской хроники, если ты этого хочешь: «Майор Энтони Леттер, только что поступивший в издательскую фирму, основанную его знаменитым двоюродным дедушкой Изикиелом»...

Лоис перебила его мягким, обиженным голосом:

– Я хочу рассказать тебе об этом. Будешь слушать?

Она была бледной, трогательной. Такой он ее ни разу еще не видел.

– Так что же этот тип сообщил тебе?

Лоис так понизила голос, что Энтони едва ее слышал:

– Он сказал... мне нужно беречься... яда.

Энтони откинулся на спинку стула.

– Какое странное заявление!

– Да, так ведь? Не очень приятное.

– Совершенно неприятное. С чего он это взял?

Румянец ее возвращался – чистый, яркий, больше всего украшавший ее. Однако без него она выглядела моложе.

«Странно», – подумал Энтони.

Лоис ощутила странное облегчение. Теперь он внимательно смотрел на нее, внимательно слушал. Она рассказала ему больше, чем собиралась рассказывать – ему или кому бы то ни было.

– Он говорил очень странные вещи. Сказал, что кто-то хочет отравить меня – совершенно всерьез.

– Еда здесь не настолько скверная.

– Оставь свои шутки. Это было ужасно. Испугать меня нелегко – ты это знаешь. Но он... почти... испугал.

– Хотел, чтобы у тебя по коже побежали мурашки, и, похоже, добился своего.

Лоис покачала головой:

– Не совсем. Но не очень приятно слышать, что кто-то – находящийся рядом – хочет тебя отравить.

– Он так сказал?

– Да, так – кто-то находящийся рядом. Но не сказал, мужчина это или женщина. Ответил, что не знает. Знаешь, он даже сказал, что, возможно, это я сама. – Лоис нервно засмеялась. – А я ответила, что ни в коем случае не стану травиться. Я слишком люблю жизнь, чтобы от нее отказываться.

– Да – думаю, любишь.

Лоис взяла сигарету и подалась к Энтони, чтобы прикурить. Когда кончик сигареты засветился красным и между ними поднялся дымок, она с недоумением произнесла:

– Он сказал очень странную вещь – что существует не один вид яда.

– Как банально – и как верно!

– Тогда это не показалось банальным.

Энтони засмеялся:

– Этот человек обладает чарами – иначе женщины не платили бы ему по десять фунтов.

Лоис недовольно нахмурила слегка выщипанные брови.

– Он очень старый – ничего подобного не было... Ладно, давай поговорим о чем-нибудь другом.

Глава 3

Энтони вышел из ресторана и сел в автобус. Ему определенно требовалось сменить обстановку.

Выйдя из автобуса, он пошел к одному из многоквартирных домов, выстроенных перед войной для конторских служащих. Этот дом не пострадал от войны и, если не считать стекол и окраски, был таким же, как по завершении строительства в 1938 году. В доме был автоматический лифт, и Энтони поднялся в нем на пятый этаж, нажал кнопку электрического звонка, и дверь ему открыла Джулия Уэйн.

Джулия и ее сестра Элли Стрит были дочерьми мачехи Джимми Леттера от второго брака. Энтони и Джимми были двоюродными братьями по линии Леттеров. Когда девочки росли в Леттер-Энде, а Энтони проводил там все свои свободные дни, между ними установились своеобразные отношения близости, привязанности, фамильярности, способные развиться во что угодно от презрения до любви. Собственно говоря, они представляли собой широкую раму, пригодную почти для любой картины.

Возможно, Энтони думал о Джулии, когда сравнивал Лоис с менее удачливыми женщинами, которые могут становиться возбужденными и неряшливыми. Открывающая ему дверь Джулия была именно такой. Ее вьющиеся темные волосы оказались взъерошенными, нос был испачкан в чернилах. Разумеется, будь волосы прямыми, это смотрелось бы хуже, но ни одна девушка не выглядит лучшим образом, изображая пугало. Настроение у самой Джулии немедленно испортилось. Она ожидала рассыльного от булочника и даже не вытерла с лица чернила, – а за дверью оказался Энтони, в которого она влюбилась два года назад... Этого было достаточно, чтобы воспламенить и самый мягкий характер, а Энтони вдобавок только что обедал с Лоис. Конечно же, Джулия изгнала его из сердца – это возможно, когда поставишь себе такую цель. Любовь умерла. Последний раз они виделись два года назад. Посмотрим, шевельнется ли мертвое чувство в своем саване.

Энтони поймал ее сердитый взгляд через порог и подумал, что за прошедшие два года она почти не изменилась. Пусть и не в самом лучшем виде, однако это была все та же Джулия. Высокий лоб, крепкий подбородок, но кости изящные, а между лбом и подбородком темные глаза с густыми ресницами, способные быть страстно радостными или страстно горестными. Джулия была максималисткой, и теперь ее взгляд казался страстно озлобленным.

Энтони положил руку на плечо Джулии, смеясь, развернул ее, вошел в комнату вместе с ней и закрыл за собой дверь.

Передней там не имелось, была одна большая комната, разделенная перегородками на ванную, гостиную, кухню. Стоял диван, определенно служивший по ночам кроватью. Были два удобных кресла. Простой крепкий стол оказался завален рукописями, в остальном же комната выглядела на удивление прибранной, цвета в ней были приятными – темными, густыми, спокойными. На полу лежали две ковровые дорожки. Энтони понравилась комната Джулии, он даже хотел сказать ей об этом, но передумал.

– Дорогая, у тебя нос в чернилах.

Она сразу же вспыхнула. Все та же прежняя Джулия.

– Если приходишь, когда я работаю, принимай меня такой, как застал. Ты и раньше видел меня с измазанным чернилами носом!

– Видел. Но, как не раз указывал, без чернил ты выглядишь лучше.

– Мне все равно, как я выгляжу!

– Дорогая, к сожалению, это очевидно. Причешись, умойся, а потом можешь посвятить меня в семейные дела.

– Некогда мне, – сказала Джулия. Но ее вспышка уже угасла. Внезапно ей больше всего захотелось где-нибудь укрыться от насмешливого взгляда Энтони.

Она вошла в одну из комнатушек. Когда вышла, чернил на носу не наблюдалось, а волосы были аккуратно причесаны.

- Честно говоря, я не ждала тебя так скоро. Обед с Лоис обычно занимает больше времени.
- Откуда ты знаешь, что я обедал с ней?
- Разве ты не говорил мне? Нет, это она сказала – неужели Лоис промолчит!
- Дорогая, это похоже на женскую неприязнь.
- Это и есть неприязнь.

В ее глазах заискрилась насмешка и тут же угасла. Какой смысл говорить Энтони о Лоис? Он был увлечен ею два года назад, и даже если теперь увлечение прошло, возможно, он лелеет память о ней. Мужчины сентиментальнее женщин. И всегда, всегда, всегда терпеть не могут, если одна женщина дурно говорит о другой.

Джулия рассмеялась.

- Над чем ты смеешься?
- Над нами, – ответила она.
- Почему?
- Тебя как будто не было здесь две минуты, а не два года.
- Потому что я сказал тебе о чернилах? Так это же по-свойски.

Джулия кивнула. Когда она не злилась на него и не страдала от сердечных мук, между ними быстро возникало то взаимопонимание, что использует слова, но вряд ли нуждается в них. Сейчас она не сердилась, и сердце ее билось спокойно. Она чувствовала себя юной и счастливой, словно время унеслось вспять на двенадцать лет, Энтони приехал домой на каникулы и входил на чай в ее классную комнату. Джулия умывалась и причесывалась, и пока мисс Смизерс была там, они вели себя в высшей степени чинно, но как только чаепитие заканчивалось, могли взять и удрать в сад...

Они сели рядом на диван: Энтони в прекрасном новом костюме, стоившем, должно быть, целое состояние, и Джулия, уже не маленькая девочка, трудолюбивая писательница, в старом красном халате, испачканном чернилами, как недавно ее нос.

Энтони спросил:

- Ну, как тут все – и все?
- Ты не виделся с Джимми?
- Нет. Я звонил ему. Через день-другой поеду в Леттер-Энд. Хотел узнать, будешь ли ты там.

Джулия свела свои черные брови.

– Возможно, придется поехать. Только не хочется. Послушай, что тебе говорила Лоис? – Она полезла под диванную подушку, вытащила пачку сигарет. Протянула ему. – Закуривай.

- Спасибо, я курю свои.
- Эти недостаточно хороши для тебя?
- Ты высказываешь то, что у меня на уме. Сдержи гнев, дорогая, и закури одну из моих.

Если Джулия хотела рассердиться, подобное желание прошло. Вместо этого она рассмеялась. Энтони демонстрировал свою обычную манеру вызывать ее на словесный поединок, только сейчас ей этого не хотелось.

Энтони зажег спичку и поднес ей огня. Их губы оказались совсем близко. Сердце Джулии с мучительной неожиданностью зачастило. «О Господи, все начинается снова! Как ужасно быть женщиной!»

Она откинулась назад и нахмурила лоб. Лицо ее закаменело, мышцы напряглись, а подбородок приобрел резкие очертания.

- Что тебе говорила Лоис? – повторила она.

Энтони затянулся сигаретой.

– От нее и Джимми я узнал, что в Леттер-Энде состоится обычная семейная вечеринка. Элли и Минни живут там, так ведь?

- Да, там!
- А что ты имела в виду, говоря, что придется поехать?

Джулия выпустила струйку дыма.

- Лоис сказала тебе, как она ведет дом?
- С ее слов я понял, что там царит общинный дух – один для всех, все для одного.
- Ты считаешь, что Лоис проникнута общинным духом?
- Честно говоря, нет. Но она довольно восторженно говорила о прелести этих отношений.

Джулия, хмурясь, пристально смотрела на него.

– Сказала она, кто там занимается работой?

– Насколько я понял, миссис Мэнипл все еще трудится на кухне, но почти без помощников.

– Из деревни приходит девочка, она из семьи Пеллов, очень славное дитя. Даже Лоис не может ожидать, чтобы Мэнни мыла все эти каменные полы.

– Она сказала, что Мэнни уже не справляется с работой.

– Мэнни готовит замечательно, но Лоис уволит ее, как только найдет кого-то другого. Мэнни ненавидит ее, и она это знает. Конечно, она уже старая. Помнит, как крестили Джимми.

– Так, ему сейчас сколько – пятьдесят один год?

– Она была тогда судомойкой – значит, ей около семидесяти. Сейчас Джимми противится ее увольнению, но ему не устоять против Лоис. Так, это кухня. Говорила она, кто делает остальную работу? – Джулия подалась вперед, глаза ее сверкали. – Раз в неделю из деревни приходит миссис Хиггинс, помощник садовника насыпает в ведра уголь, а всю прочую приятную работу по дому выполняют Минни и Элли! Будет тебе Лоис трудиться!

Энтони пробормотал:

– Один для всех, все для одного...

– Все для Лоис, – резко произнесла Джулия. – Ты обедал с ней. Похоже по ее рукам, что она занимается какой-нибудь домашней работой? У Элли были такие красивые руки...

– Ну так почему они это терпят? Почему не уволятся и не найдут приличную работу?

Джулия затянулась сигаретой.

– Какую работу может найти Минни Мерсер? Она ничему не училась, а ей скоро стукнет пятьдесят. Безвылазно жила в Рейле, а после смерти доктора Мерсера поселилась в Леттер-Энде. Она душка и ангел, только не нужно делать вид, будто она может позаботиться о себе. Об нее все вытирают ноги. Пока домом управляли Джимми и мама, это не имело значения, они любили ее, и она была рада служить им. В службе Лоис хорошего мало.

Голос ее затих, но глаза продолжали говорить. Они яростно бросали вызов: «Ну, давай! Встань на ее защиту! Скажи, как прекрасно будет стать половой тряпкой для Лоис! Скажи, как тебе самому это нравилось два года назад!»

Энтони молчал. Слегка изогнул губы в саркастической улыбке и ждал, чтобы Джулия поняла по его молчанию, что ведет себя глупо. Когда на ее щеках выступил предательский румянец, он заговорил:

– Насчет Минни я с тобой согласен – ей деваться некуда. Но Элли могла бы найти работу, разве не так?

– Не станет искать – из-за Ронни. По-моему, им не стоило вступать в брак, ничего не имея, но они были по уши влюблены друг в друга, все вокруг создавали семьи, поэтому и они тоже поженились. Ронни изучал управление имением под руководством агента старого полковника Фортеस्कью, и работа ему была, в общем, обещана, но тут мистер Банкер ушел на покой. Теперь, когда Ронни лишился ноги, устроиться ему нелегко. Полковник Фортеस्कью очень порядочен – он будет сохранять это место, сколько сможет. По-моему, он сам управляет имением, но ему это уже не по силам. Старый Банкер умер перед самым концом войны, и беда в том, что работать Ронни не в состоянии – его все еще мучают сильные боли, и ему пока нельзя сделать протез. Он лежит в госпитале в Крэмптоне, и Элли может ездить к нему два-три раза в неделю. Вот что держит ее в Рейле, из-за этого она работает по дому вдвое больше, чем следует, и дальние поездки на велосипеде выбивают ее из сил. Она буквально превратилась в тень.

Пикировка между ними прекратилась. Джулия говорила, а Энтони слушал, словно они по-прежнему были членами одной семьи, жили в одном доме, и никакая Лоис не нарушала его покой, не рвала семейные узы. Он сказал:

– Понимаю. И Элли непробивная – всегда была такой.

– Все женщины не могут быть пробивными. И, по-моему, мужчины не любят таких.

– Не любят, если только это не скрывается самым тщательным образом.

Джулия посмотрела на него с презрительной усмешкой.

– Вот-вот! Помню, как ты говорил, что я никогда не выйду замуж, если не прикрою бархатной перчаткой свою железную руку. Что ж, мужа у меня нет.

Энтони умиротворяюще улыбнулся:

– А ты и не хочешь мужа. Видишь, я знаю все ответы. Ты ненавидишь, терпеть не можешь и презираешь мой злополучный пол, и вовсе не мечтаешь связать свою судьбу с кем-нибудь из мужчин. Но поверь, дитя мое, самые свирепые мужененавистницы хотят сознавать, что при желании могли бы заполучить одно из этих презренных существ. Например, в старости тебе сможет служить утешением воспоминание, скольких ты отвергла. Ты ведь будешь отвергать нас?

– А как ты думаешь?

– Ну, не знаю, а хотел бы знать. Разумеется, из чистого любопытства. Допустим, я скажу: «Дорогая, я страстно люблю тебя». Как ты отреагируешь?

Смелости и честности Джулии было не занимать. Смелость оказалась на высоте, но честность подкачала. Она с приятным удивлением услышала свой смех и слова:

– Когда полюбишь меня страстно, тогда узнаешь.

Энтони произнес каким-то странным голосом:

– Этот вопрос откладывается. Пожалуй, нам лучше вернуться к Элли. Какие-то деньги у Стрита есть?

Джулия, будто бы запыхавшись после быстрого бега, сделала глубокий вдох.

– У них есть около трехсот фунтов, и они берегут их, как помешанные, чтобы обставить свой дом, если Ронни получит работу у полковника Фортескью. Дом у них есть, но без обстановки.

– Скоро ли Стрита выпишут из госпиталя?

– Они не знают. Собственно, потому я туда и еду. Слушай, не говори никому об этом, но Элли думает, что Ронни из госпиталя выпишут, если ей будет куда забрать его. Старшая медсестра сказала ей об этом, когда она в последний раз была там. Видишь ли, ему нужен дом. Они думают, что если будут жить вместе, это пойдет ему на пользу. Вопрос в том, можно ли это устроить?

– Джимми...

– Дело не в Джимми, и ты это знаешь. Дело в Лоис. Джимми, не колеблясь, скажет да, но если Лоис скажет нет – значит нет. Ты думаешь, я не могу быть справедлива к ней, но я стараюсь, как могу. С моей и Элли точки зрения, Джимми наш брат, и Леттер-Энд всегда был нашим домом. С точки зрения Джимми, Элли и я его сестры, он нас очень любит, и Леттер-Энд по-прежнему наш дом. Но с точки зрения Лоис, мы никто, вообще не родственники. Лоис считает, что мачеха Джимми ушла, вышла замуж за человека по фамилии Уэйн, а когда он погиб в автокатастрофе, вернулась в Леттер-Энд, родила близнецов и, пользуясь добротой Джимми, вырастила их там. Лоис полагает, что Джимми проявляет прискорбную слабость в этой истории. По крайней мере, когда мама умерла, он мог выгнать нас, чтобы мы сами зарабатывали себе на жизнь, а вместо этого делает вид, будто мы его сестры и будто ему нравится, что мы живем там. Видишь, я стараюсь быть совершенно справедливой.

Энтони лениво выпустил струйку табачного дыма.

– Да, совершенно.

– Знаешь, я понимаю ее точку зрения. Она вышла замуж за Джимми, а не за близнецов – дочерей его мачехи. Меня бесит ее двуличие – убеждает Джимми, что она ангельски терпит там Элли, а сама обходится с ней как с уборщицей, заставляет до смерти работать. Знаешь... – Голос Джулии сильно задрожал, – не будь у меня решительности и многих других качеств, на твой взгляд, не подобающих женщинам, я, возможно, сама работала бы судомойкой в Леттер-Энде.

Энтони выпустил очередной клуб дыма.

– Дорогая, это вполне достойное женское занятие.

Взгляд его обратился к рукам Джулии, лежавшим на коленях поверх старого красного халата. На правом указательном пальце синело пятно не до конца смытых чернил. Ногти очень красивой формы не знали лака. На пальцах не было колец. Руки были такими, как их создала природа, а создала она их превосходно. Они были не маленькими, не белыми, но очень красивыми.

Энтони неожиданно выпалил:

– Нет!

– Что нет?

– Я забыл о твоих руках. Пусть все женщины с отвратительными пурпурными ногтями поработают судомойками – это пойдет им на пользу! У тебя вторые – нет, третьи – по красоте руки в Европе. Первые две пары у скульптур. И если ты не станешь ухаживать за ними, то окажешься в особом круге ада, существующем для тех, кто уничтожает произведения искусства.

Джулия сказала то, что раньше не приходило ей в голову:

– Как жаль, что мое лицо не гармонирует с ними.

Эти слова вырвались у нее невольно, оставив чувство, будто она приоткрыла некую дверь и что-то выпустила наружу.

Энтони покачал головой:

– Дорогая, ты нашла бы это очень неудобным – тебя окружали бы толпы на улицах. Оставь классическое совершенство музеем, тебе было бы не по себе на холодном белом пьедестале. Давай вернемся к делам. Когда, сказала, ты едешь в Леттер-Энд?

– Я не говорила. Еще не приняла решения.

– Может, поедешь вместе со мной в пятницу?

Джулия немного помолчала. С сигареты на халат упал пепел. Она раздраженно смахнула его и сказала:

– Возможно. Я еще не сообщила Лоис, что приезжаю.

– А нужно сообщать?

Джулия кивнула:

– Да, нужно. Обычно я там не остаюсь. – Она говорила больше, чем собиралась. – Собственно, я не оставалась там с тех пор, как Джимми на ней женился. Мы... – Она сделала паузу, – недолюбливаем друг друга.

– Ты меня удивляешь.

Ответом ему был сердитый взгляд. Джулия подалась вперед и, взяв окуроч, словно дротик, с силой бросила его в камин.

– Удивляю? Ну, ладно же, скажу откровенно! Я ее смертельно ненавижу!

Глава 4

Элли Стрит накрывала на стол к ужину. Поскольку должны были приехать Энтони и Джулия, она особенно старалась. Радующие глаз цветы стояли в вазе из старого стекла – более красивого, чем серебро, – и все было начищено до блеска. К сожалению, придать блеск себе она не могла. Голландское зеркало между портретами прадеда Джимми с широким галстуком и прабабушки в бледно-желтом атласном платье с высокой талией и с бирюзовой повязкой на волосах отражало Элли Стрит с беспощадной четкостью – ее застиранное ситцевое платье, худое бледное лицо, вьющиеся светлые волосы, ставшие прямыми и бесцветными, выступающие вперед плечи, вялую походку. Неудивительно, что Ронни поглядывает на свою хорошенькую медсестру.

Требовалось побыстрее закончить работу, переодеться во что-то приличное и подкрасить лицо до приезда Джулии. Только Элли так устала, что ей было все равно. Эти десять миль до Крэмптона и обратно отнимали у нее чуть ли не все силы, но расписание автобусов ее не устраивало, а ей требовалось навещать Ронни. Ну что ж, здесь уже все в порядке, и она сможет спокойно посидеть двадцать минут перед тем, как начать одеваться к ужину. Элли отступила на шаг, чтобы напоследок оглядеть стол.

В коридоре слышались шаги, и вошла Лоис.

– О, ты уже закончила? Надеюсь, почистила серебро. Оно не выглядело должным образом.

– Да, почистила, – вяло отозвалась Элли.

Два года назад она была красивой, стройной и миловидной, обладала легким румянцем и хрупкостью дрезденской статуэтки. Этот тип внешности не выносит долгого утомления и напряжения. Если голландское зеркало не льстило ей, то и не лгало. Она стала просто тенью прежней Элли Уэйн. Подняв взгляд усталых голубых глаз на Лоис, она повторила:

– Да, я его почистила.

– Ну, эти ложки можно бы протереть еще раз. И... О, разве я не велела тебе поставить цветы в большую серебряную вазу? Она нравится Джимми.

Элли продолжала смотреть на нее. И наконец сказала:

– Лоис, тебе очень важна эта ваза? Мне уже некогда снова заниматься цветами.

Голос был под стать ей – мягким и очень усталым.

– Мне казалось, ты будешь рада сделать что-то для Джимми. Как-никак... – Лоис издала красивый серебристый смешок, – он немало сделал для тебя и для Джулии. Но, конечно, если это такой большой труд...

Она подошла к столу и стала вынимать по одному цветы, портя их и роняя капли воды на полированную поверхность.

Джулия подняла бы скандал. Элли лишь посмотрела и произнесла угасшим голосом:

– Я переставлю их. Лоис, прошу тебя – ты плещешь воду на стол.

Когда она вошла в подсобку, чтобы взять серебряную вазу, там была миссис Мэнипл.

– Что такое, милочка? Еще не закончила? Тебе нужно полежать с полчаса, пока они не пришли. Времени как раз хватит.

Добрая старая Мэнни. Элли благодарно ей улыбнулась. Должно быть, она очень старая, раз помнит рождение Джимми, но совершенно не менялась, не выглядела старше с тех пор, как Элли с Джулией потихоньку забегали в кухню за изюмом, свежим горячим джемом, булочками и сахарными мышками. Мэнни готовила замечательных сахарных мышек, розовых и зеленых, с шоколадными глазками. В пять лет сахарная мышка – большая радость.

Миссис Мэнипл обняла ее за плечи пухлой рукой.

– Иди, дорогая, приляг.

– Не могу, Мэнни. Миссис Леттер хочет, чтобы цветы стояли в серебряной вазе, а та нуждается в чистке. Ею не пользовались несколько месяцев.

Рука Мэнни напряглась. Элли отступила.

– Мэнни, ничего не поделаешь.

Миссис Мэнипл промолчала. Если она была не в состоянии сделать что-то другое для мисс Элли, то это могла. Ярко-розовый яблочный румянец ее больших, крепких щек потемнел, стал лиловым, как слива.

Она резко повернула голову через плечо и требовательно позвала:

– Полли! Иди сюда!

Потом взяла вазу из рук Элли.

– Ступай наверх, дорогая. Полли все сделает, и я присмотрю, чтобы сделала, как надо. Цветы я поставлю сама, и если не в том порядке, можешь переставить их, когда спустишься. И подрумянй щеки, а то мисс Джулия меня убьет.

Идя по коридору, Элли услышала ее довольный смех.

Она поднялась по черной лестнице, так было быстрее. И улыбнулась: Мэнни просто ангел. Однажды она сказала это Энтони, и он нарисовал на витраже шарж на Мэнни в ночной рубашке, облегающей ее формы, и с громадными крыльями, никак не способными поднять ее в воздух.

Элли собиралась войти в свою комнату, и тут ее окликнула Минни. Она занимала комнату, где раньше жила мисс Смизерс, а Элли ту, где, сколько помнила, жила вместе с Джулией. Элли открыла дверь и вошла. Минни Мерсер стояла у туалетного столика с зеркалом, прикалывая брошь, подаренную родителями на двадцать первый день рождения почти тридцать лет назад. Она представляла собой монограмму из двух переплетенных «М», усеянных мелким жемчугом, и жемчужины казались уже не такими белыми, как раньше. Эта брошь была у нее самой лучшей, и она надела свое лучшее платье ради Джулии и Энтони. Оно было не таким старым, как брошь, и хранилось очень тщательно, но застало начало войны и ее конец. «Стильным», по выражению Минни, оно никогда не было, и его ярко-синий цвет не шел к ее маленькому худому лицу, а облегающий покрой – к маленькому худому телу. Но оно было у нее лучшим, и она наивно им гордилась.

Когда Минни повернулась, в сознании Элли возникла мучительная мысль: «Вот как я буду выглядеть. Вот какой я уже становлюсь. О, Ронни!»

Тридцать лет назад Минни Мерсер была «хорошенькой Минни Мерсер» или «хорошенькой дочерью доктора Мерсера». Теперь ее черты заострились, а лицо покрылось морщинами. Густые светлые волосы выглядели бы красивыми, будь должным образом уложены. Они еще даже не поседели, просто казались вялыми, безжизненными. Но ни годы, ни что другое не могло отнять обаятельной улыбки Минни и доброты в ее глазах. Некогда они были ярко-голубыми, – со временем этот цвет потускнел. Однако доброта ее никогда не потускнеет.

Минни мягко сказала:

– Элли, дорогая, ты устало выглядишь. Сядь и расскажи мне о Ронни. Как он?

Элли опустилась в мягкое кресло.

– Изменений никаких. Лучше ему там не станет – так говорит старшая медсестра. Завтра я поговорю с Джимми.

– Он очень добрый, – произнесла Минни, отводя взгляд. – Думаю, не лучше ли – надеюсь, ты не обидишься на меня за эти слова, дорогая – не лучше ли поговорить сперва с миссис Леттер?

Лоис была «миссис Леттер» для Минни Мерсер, а Лоис звала ее просто «Минни» – красноречивая мелочь, указывающая на разницу между ними: между женой Джимми и жалкой нахлебницей Джимми. Это было одной из причин ненависти Джулии к Лоис. И закрепляло Минни в униженном положении.

Элли наморщила лоб. Похоже, у нее это уже входит в привычку. Ей было только двадцать четыре года, но на светлой коже уже образовалась легкая морщинка. Она проговорила:

– Что толку?

– Думаю, так может быть лучше.

Наступило короткое молчание. Минни снова повернулась к туалетному столику и принялась раскладывать по местам вещи – гребенку, щетку для волос, зеркало – подарки миссис Уэйн.

За ее спиной послышался усталый голос Элли:

– Она непременно откажет. Но если сперва поговорю с Джимми, то может... может...

Она не договорила. Никто из знавших Джимми Леттера не мог утверждать, что он способен выстоять против Лоис. Он всерьез скажет «да» – ему всегда было легче говорить «да», чем «нет».

Но эта черта его характера была на руку и нашим, и вашим – он не мог сказать «нет» и Лоис, которая наверняка сыщет десяток веских причин не предоставлять Ронни Стриту места в доме.

Минни повернулась к Элли.

– Дорогая, не беспокойся сейчас об этом. Знаешь, я подумала, не окажешь ли ты мне небольшую любезность...

– Само собой, окажу. Какую?

– Ну, в общем – это было так нелепо, – но сегодня со мной случился легкий обморок, когда мы занимались благотворительной работой в доме священника... Ничего страшного, сущий пустяк, но миссис Летбридж – ты знаешь, какая она добрая – так вот, она сказала, что позвонит по этому поводу миссис Леттер, а это, дорогая моя, никуда не годится. Я упрашивала ее, как только могла, но ты знаешь, какая она – очень добрая, но не очень тактичная, и мне страшно. Я подумала: может, ты позвонишь ей и попросишь этого не делать? Она собиралась навестить мисс Грин, но уже, наверно, вернулась. Можешь сказать ей, что я уже совершенно здорова.

– Да, немедленно позвоню. Она не должна сообщать Лоис – поднимется страшный шум.

Эта перспектива ужаснула Элли. Она сбегала по лестнице, но, подойдя к приоткрытой двери кабинета, с упавшим сердцем обнаружила, что опоздала. Высокий благозвучный голос Лоис был четко слышан:

– Сразу упала в обморок? Моя дорогая миссис Летбридж, какая это неприятность для вас! Я вам очень сочувствую... Да, я знаю – она *слишком* много работает, а потом с ней случаются нервные припадки. Разумеется, тут беспокоиться не о чем – но большое спасибо, что сообщили мне... Я сделаю все, что смогу – она ведь очень упрямая. – Лоис издала легкий смешок, чтобы смягчить сказанное. – Боюсь, вам придется освободить ее от рабочих собраний. Я буду в этом непреклонна. Добрых людей, как вы говорите, мало – мы должны о ней позаботиться. Спасибо, что сообщили мне.

Элли услышала щелчок телефонной трубки. Слегка вздрогнула, повернулась и побежала вверх по лестнице. Вошла в комнату Минни, тяжело дыша.

– Элли, дорогая!

– Мин, я опоздала. Лоис была там... разговаривала...

– С миссис Летбридж?

Элли кивнула.

Минни вздохнула:

– Что ж, ничего не поделаешь. Дорогая, тебе не следует бегать – ты совсем запыхалась.

– Ничего, это пустяк. Мин, слышала бы ты ее. «Добрых людей мало – мы должны о ней позаботиться». Джулия называет этот ее голос медово-змеиным. И знаешь, Мин, она сказала миссис Летбридж, что она больше не должна ждать тебя на рабочие собрания. Но ты воспротивишься, правда? Это у тебя единственное удовольствие.

Минни замерла. И через несколько секунд ответила:

– Дорогая, противиться у меня получается плохо. К тому же это расстраивает домашних, а я не хочу этого делать.

О Джимми она не упомянула, но он был на уме у обеих. Это его не следовало расстраивать. Минни сделала бы что угодно, вынесла бы что угодно, только бы не огорчать его. Обе это знали. «Она относится к нему, как я к Ронни», – подумала Элли. И с этой мыслью кое-что изменилось. Дочь доктора Мерсера жила здесь так долго, что все привыкли к ее привязанности и о причине такого отношения к ним даже не задумывались. А вот сегодня у Элли этот вопрос возник.

Минни терпеливо улыбнулась:

– Дорогая, тебе нужно одеться. Я приду, помогу тебе. Не будем этим вечером думать о неприятном, ведь приезжают Энтони с Джулией. Какая радость! Нам следует быть веселыми.

Когда они вошли в комнату Элли, Минни продолжала говорить:

– Ты не представляешь, как я рада, что наконец приезжает Джулия. Со стороны миссис Летбридж было очень любезно пригласить ее к себе, когда она приезжала повидаться с тобой, но то, что она не заночевала здесь, вызвало множество разговоров. И они наверняка расстроили твоего брата и... миссис Леттер. Ты наденешь голубое, так ведь?

Элли ответила:

– Да.

Она повесила хлопчатобумажный халат и надела голубое крепдешиновое платье. Оно стало ей великовато.

– Дорогая, взбей волосы и немного подрумянься. Джулия не должна видеть твою бледность.

Элли втирала в лицо крем наброшенным на плечи полотенцем. Следовало сделать это до того, как надевать платье. Но снимать его она уже не стала. Вот так всегда: сделать что-нибудь как нужно не хватает времени. Втерев остатки крема в кожу, Элли взяла пуховку и сказала:

– Мин, я боюсь, что Джулия устроит ссору с Лоис.

– Дорогая, она этого не сделает!

– Она может, – возразила Элли.

– Нет-нет!

– Возможно, она хочет этого.

Минни негромко ахнула:

– Никто не может *хотеть* ссоры.

– Джулия может.

– Дорогая моя, зачем?

– Чтобы устроить скандал. Джулия такая – сама знаешь. И она смертельно ненавидит Лоис.

В зеркале Элли видела, что Минни стоит прямо позади нее. Вид у нее был такой, будто она снова на грани обморока. Минни негромко произнесла дрожащим голосом:

– Ненависть – это яд.

Глава 5

Эта вечеринка радовала по-настоящему только Джимми Леттера. Все прочие облегченно вздохнули, когда она закончилась, однако Джимми был очень доволен. Он держался весело и очень оживленно. Семейство не собиралось вместе уже два года, и теперь он радостно оглядывал снова всех за столом – Элли сидела по одну его сторону, Джулия по другую, Энтони рядом с Элли, Минни рядом с Джулией, а его красавица Лоис улыбалась ему, сидя во главе стола. Это была традиционная семейная вечеринка, и к ней прибавилась Лоис. Лоис – его жена – его красивая, замечательная жена! Джимми не представлял, почему она вышла за него – ведь могла бы выбрать себе буквально любого мужа. Но все-таки Лоис стала его женой. И они собрались все вместе: Энтони вернулся из-за границы, и Джулия тоже здесь! Джимми нешуточно огорчился, когда она перестала приезжать и останавливаться в Леттер-Энде. Видимо, она ревновала из-за его женитьбы – и очень напрасно. Но такова уж Джулия – необузданная, своевольная. С детских лет этим отличается. Однако такая сердечная, что ее нельзя не любить. Джимми очень любит ее, а Лоис относится к ее ревности просто по-ангельски. Лоис настоящий ангел, в этом нет ни малейшего сомнения. Она говорила, что нужно только подождать, и Джулия приедет. И вот она приехала, и они обе здесь!

Джулия в красном платье – красивом темно-красном, как дамасская роза, – это приятный, очень идущий ей цвет. А Элли в голубом. Выглядит усталой, бедняжка. Расстраивается из-за Ронни. Жаль, что он лишился ноги. Какое счастье, что о ней заботится Лоис.

Жаль, что с ними уже не было бедной Марсии. Джимми посмотрел мимо Лоис на портрет, висевший на задней стене, – Марсия Уэйн в красном платье, очень похожем на то, что на одной из ее дочерей, на Джулии. Джулия заметно на нее похожа. Марсия была очень красивой, привлекательной женщиной, но несладкая у нее вышла жизнь – дважды теряла мужей и умерла слишком рано. Джимми был очень привязан к Марсии. Ей бы жить да жить. Он легкой печалью представил, как Марсия и Лоис счастливо живут под одной крышей в Леттер-Энде. И тогда, конечно, Джулия не уехала бы, и все они были бы одной счастливой семьей. Но, разумеется, им всем есть чему радоваться. И у него еще есть Лоис. Джимми улыбнулся ей и получил в ответ очаровательную улыбку.

Вечеринка на первый взгляд получилась вполне веселой. Об этом позаботились Лоис и Энтони. Они не давали всем скучать, Джимми тоже время от времени принимал участие в беседе. Джулия, хоть и была слишком молчаливой, вела себя очень достойно. Не хмурилась, не бросала сердитых взглядов, сказала то, что хотела сказать, была вежливой с Лоис и ласковой с Джимми.

Держаться с Джимми ласково было совсем нетрудно. В пятнадцать лет он был беспечным кудрявым подростком. В пятьдесят один год это описание все еще ему подходило. Он не стал ни выше, ни напыщеннее. Кудри слегка поредели на висках, но оставались такими же светлыми, почти без седины.

Миссис Мэнипл приготовила им превосходный обед. Когда Элли встала, чтобы сменить тарелки, Джулия тоже поднялась. Приятно снова заниматься делом вместе с Элли, и если Лоис торжествовала, Джулии на сей раз было наплевать. Она положила руку на плечо Минни, веля ей не вставать, и со смехом покачала головой сидевшему напротив Энтони.

– Оставьте – прошу всех, – я делаю это с удовольствием.

Все было как прежде, только во главе стола должна была сидеть мама, заботливая, добрая, красивая, а не Лоис в облегающем белом платье, надетом для того, чтобы продемонстрировать, какая у нее прекрасная фигура. «Я терпеть ее не могу, это так. Мне все равно, какая у нее фигура. Хотя нет, нет, *нет*! Она будто бы в купальнике! Если это и все, что привлекает Энтони, она может забирать его, и пожалуйста. Нет, не может – раз теперь она жена Джимми, – Энтони не пойдет на это. Он бы не приехал, если бы не порвал с ней». Дух ее воспарил и понесся в долгий, головокружительный полет с россыпью радужных огней в конце.

Миссис Мэнипл вручила ей блюдо яичницы с грибами и восхищенно посмотрела на нее.

– Ну, моя дорогая, у тебя превосходный цвет лица. Любопытно подумал бы, что мисс Элли городская мышка, а ты сельская. И румянец у тебя свой. Те, кто пользуется румянами, не знают, что ими мало кого можно обмануть. Мисс Элли, дорогая моя, осторожнее с этими тарелками, не обожгись.

Когда они вернулись в столовую, Джимми рассказывал одну из своих бесконечных историй:

– Тут я сказал Хэвершему – не тому, кого ты помнишь, Энтони – он умер, бедняга – а это племянник, сын того брата, что уехал на север. Чего ради – не помню. Определенно не затем, чтобы заниматься конструированием – с математикой у него были нелады. Думаю, он работал в транспортной конторе или... ну, это не важно, но этот Хэвершем его сын. Неплохой парень, однако в фермерском деле ни в зуб ногой. Начал рассказывать мне про урожай маслин в Италии – он был там в составе Восьмой армии – и чего только не говорил о том климате! А я сказал ему: «Знаешь, Хэвершем, маслины – это маслины, они очень хороши для итальяшек, но они не растут здесь, и все тут...»

Рассказ тянулся и тянулся. Он доставлял Джимми большое удовольствие и не вызывал никакого интереса.

Энтони не скучал – он впервые за несколько лет чувствовал себя так непринужденно. Он вырос в этой обстановке: семейные вечеринки, милые девушки, довольный Джимми, заражающий своей радостью окружающих. Что из того, если его истории неинтересны? Хороших рассказчиков сколько угодно. Только среди родных блистать не обязательно, это не главное. Родные – это родные. Их принимаешь такими, какие есть, и они принимают тебя так же. Лоно семьи чрезвычайно успокаивает.

Энтони повернул голову и поймал блестящий и твердый взгляд Лоис. В нем сквозило презрение к Джимми. Лоис будто призывала Энтони тоже его презирать. Внезапно он почувствовал к ней острую неприязнь как к чужой.

Когда обед закончился, Лоис отправилась в гостиную, забрав с собой обоих мужчин. Энтони хотел было остаться и помочь, но Джимми возразил: «Нет-нет – девочки все сделают», а Джулия подхватила: «Иди, играй – здесь будешь только путаться у нас под ногами».

В подсобке Джулия обратилась к Элли:

– Сколько человек будут пить кофе? Лично я нет, так что ставить чашку для меня не нужно. Какими вы пользуетесь?

– Старыми вустерскими. Мы с Минни тоже не будем, Джимми отказался от него, поэтому остаются только Энтони и Лоис, а она пьет кофе по-турецки.

Совершенно в ее духе! Ну, Энтони турецкого кофе пить не станет, он любит с молоком.

– Мэнни все уже приготовила. Лоис выпивает только одну чашку. Кладет туда чуточку ванили. И ставит на поднос бутылочку коньяка.

Джулия скривилась:

– Какая мерзость!

Остальные находились на террасе. За серой подпорной стенкой на ровной лужайке лежала тень кедра, представлявшего собой гордость Джимми. В этом году его раскидистые ветви усеивали шишки, словно на них гнездились стаи маленьких сов. На другой стороне лужайки красовался широкий цветочный бордюр, и его краски становились все ярче в лучах вечернего солнца. То был один из прекрасных безветренных вечеров, когда зной уже не затягивал дымкой нежную голубизну ясного неба.

Мужчины вошли неохотно, сперва один, затем другой. Вспышка гнева у Энтони уже прошла, и сейчас он чувствовал гармонию со всем миром.

Когда Минни Мерсер выходила из комнаты с кофейным подносом, Лоис поднялась и тоже вышла с террасы. Быстро проходя мимо нее, задела поднос, и чашка Энтони со стуком упала.

Минни продолжила путь на кухню, там вымыла и убрала чашки. Полли Пелл – худенькая девушка семнадцати лет с робким взглядом – протирала бокалы, очень медленно, тщательно, как учила миссис Мэнипл. Минни немного поговорила с ней о замужней сестре, первого ребенка которой только что окрестили, сочла, что выбранное имя очень хорошее, и вернулась в гостиную. Ей требовалось пройти мимо туалета на первом этаже – но мимо она не прошла. До ее ушей донесся такой мучительный, сдавленный звук, что после недолгого тревожного колебания она

подергала дверь, нашла ее незапертой и вошла. Лоис Леттер, тяжело дышавшая и тужившаяся в рвоте, склонилась над туалетной раковиной.

Потрясенная и встревоженная Минни оказала ей всю возможную помощь и, когда спазмы прекратились, вытерла рвоту на свой спокойный, методичный манер. Лоис, белая, как ее платье, сидела на маленьком жестком стуле, единственном, какой там был. Черты ее лица заострились, нежная кожа покрылась потом, однако когда Минни отвернулась от раковины, она сделала глубокий вдох и сказала:

– Мне уже хорошо.

– Помочь вам подняться по лестнице?

Лоис снова глубоко вдохнула и ответила:

– Нет, я не нуждаюсь в помощи. Все в порядке. Только погоди минутку.

– Подать вам что-нибудь?

– Немного воды...

Сделав два или три глотка, она выпрямилась.

– Мне уже хорошо – плохо не будет. Не могу понять, что со мной случилось. – Лоис нахмурилась. – Наверно, дело в грибах. Миссис Мэнипл, видимо, стала неосторожной. Ей эта работа уже не по возрасту. Нужно будет поговорить об этом с Джимми.

Минни Мерсер понимала, что говорить ничего не следует, однако на ее лице отразилось искреннее огорчение, и этого оказалось достаточно. Лоис тут же вспыхнула:

– Конечно, ты будешь ее защищать! Даже если она меня отравит! Но ведь на моем месте мог оказаться Джимми! Тогда бы ты не была такой спокойной, не жалела бы так миссис Мэнипл!

– Миссис Леттер...

На этом мягкий протест Минни оборвался.

Лоис встала, держась за спинку стула.

– Я сейчас не в состоянии спорить. Поднимусь к себе в комнату... Нет, ты мне не понадобишься. Возвращайся в гостиную. И ни слова никому – слышишь? Ни единого. Если я не спущусь через десять минут, поднимись ко мне. Но рвота больше не повторится – я в этом уверена. Просто не могу вернуться туда в таком виде.

И действительно, минут через десять Лоис открыла дверь гостиной и вошла. Ее белое платье струилось за ней, а на щеках розовел легкий румянец. Для Джимми и Элли Стрит она выглядела совершенно так же, как за обедом. Даже Минни не заметила почти никаких следов произошедшего. Джулия подумала: «Будь оно все проклято – она красива!»

Энтони изучающе посмотрел на Лоис, когда она проходила мимо. Сейчас румянец у нее не свой – он мог бы поклясться. А вот в столовой, несомненно, был свой. Он задался вопросом, с чем это связано...

Глава 6

Джулия погасила свет, подождала, пока к ней не вернулась способность видеть, и уверенно подошла к окну. Раздёрнула шторы и выглянула наружу. Три окна, выходящих на боковую сторону дома, были открыты настежь, и ночной воздух вливался в комнату приятным мягким приливом. Небо было ясным, но луна еще не взошла. За маленьким, строго распланированным садом чернели таинственные силуэты деревьев. Ветра не было. Под ясным небом все замерло.

Кровати ее и Элли стояли рядом. Джулия подошла к своей и легла, высоко подложив под голову подушки. Обе ждали этого момента: Элли – чтобы говорить, а Джулия – чтобы слушать. Когда она устроилась, Элли взяла ее за руку.

– О, Джулия...

Это был вздох полнейшего облегчения. А потом вдруг Элли расплакалась.

С утра до вечера, в течение многих дней у нее на душе копились слезы, и ночью она не смела их проливать. Это значило бы расслабиться, и она боялась, что потом не сможет взять себя в руки. Лишь теперь, когда рядом была сестра, дело обстояло иначе. Можно было поплакать, а когда Элли прольет достаточно слез, Джулия ее остановит.

Джулия дала ей поплакать, держа ее за руку и ничего не говоря, просто находясь рядом. Она была рядом всю их жизнь, и для Элли ее присутствие означало безопасность. Джулия всегда была ведущей, а она ведомой. Сестра вовлекала Элли в приключения и чудесным образом вызволяла из них. Где-то в глубине души Элли отчаянно держалась за мысль, что Джулия сумеет вызволить ее из создавшихся обстоятельств, и это было уже для нее не приключение, а угроза всему самому дорогому. Даже теперь, плача, она чувствовала исходящие от Джулии теплые волны утешения.

Вскоре она услышала голос Джулии, тоже теплый и настойчивый:

– Элли, хватит плакать.

– Я думала... у меня...

– Ну так прекрати! Платок у тебя есть?

– Да, – ответила Элли со всхлипом, выпустила руку Джулии, полезла под подушку, достала его и высморкалась.

– И больше не плачь! Скажи, в чем дело.

– В Ронни! – снова всхлипнула Элли.

– Он мог погибнуть, но не погиб, – произнесла Джулия. – Подумай об этом и перестань плакать.

– Я знаю – это дурно с моей стороны, да?

– Глупо, – ответила Джулия.

У Элли стало легче на душе. Есть что-то необычайно успокаивающее в том, когда тебе говорят, что твои страхи глупые. Она снова взяла руку Джулии и нашла ее утешающей, сильной.

– Наверно, ты права. Но старшая медсестра говорит, что в госпитале ему лучше не станет, и я очень боюсь, что Лоис не позволит ему находиться здесь.

– Не позволит, раз ты боишься. Чем больше страшишься таких людей, как Лоис, тем больше они втаптывают тебя в грязь.

Элли перевела дух.

– Знаю. Но ничего не могу с собой поделать – я боюсь.

– Это пагубно, – заметила Джулия.

Элли стиснула ее руку.

– Не надо так говорить. Я ничего не могу поделать – такова уж моя натура. Для Лоис я половик, и она будет вытирать об меня ноги, пока я не стану такой, как Минни, только гораздо менее доброй.

– Будет, если ты позволишь ей, – сказала Джулия.

– Я не могу остановить ее. Но завтра поговорю с Джимми – пользы от этого не будет...

– Не знаю – возможно, и будет. Я тоже поговорю с ним, и – возможно, Энтони. Вместе мы можем подвести его к мысли, что это его дом, и если он хочет, чтобы Ронни находился здесь, – ему решать.

Элли отозвалась угасшим голосом:

– Ты не знаешь Лоис – она как-нибудь обедеет его вокруг пальца. Она всегда это делает.

– Что ж, мы все же попытаемся.

Джулия скорее почувствовала, чем поняла, что Элли дрожит.

– Это ничего не даст – Лоис умеет настоять на своем. Ты знаешь старую миссис Марш...

– Она тут при чем?

– Вот слушай. Когда ее сын вернулся из Индии, она очень радовалась, и этот толстяк был добр к ней на свой глупый манер.

– Да, он был не таким уж плохим. Джо Марш мне, в общем, нравился.

Элли дернула ее за руку.

– Он стал еще толще и глупее. И женился на мерзкой девице из Крэмптона – совершенно бесчувственной. Лоис взяла ее сюда как швею. Право, это жуткая особа. Послушала бы ты, что говорит о ней Мэнни.

– Возможно, послушаю.

– Так вот, эта ужасная Глэдис с самого начала решила избавиться от миссис Марш и добила своего. Миссис Марш со своей негнущейся ногой не могла найти постоянную работу, но приглядывала за малышами, пока матери ходили в кино, и ей это нравилось. Притом это был ее коттедж, она жила там с тех пор, как вышла замуж за отца Джо, а Глэдис выгнала ее и отправила в приют для инвалидов.

После небольшой паузы Джулия поинтересовалась:

– Какое отношение это имеет к Лоис?

Элли с горячностью ответила:

– Да ведь Лоис надоумила и поддержала ее! Мэнни в ярости. Марши ей какая-то родня...

– Джимми в курсе?

– Не знаю – и не знаю, как это было сделано. Он думает, что ей пришлось лечь в больницу из-за ноги.

Джулия удивленно спросила:

– Почему ты не сказала ему?

– Это бессмысленно. Такие вещи происходят постоянно, только Джимми ничего не замечает. Лоис поступает по-своему, а он этого не видит. Она хочет захватить коттедж старого Ходсона для своих друзей – и вот увидишь, захватит.

– Джимми этого не сделает.

– Она его заставит. Ты не знаешь Лоис так, как я. Она убедит Джимми, что старому Ходсону гораздо лучше уехать к снохе. А там он возненавидит эту жизнь, и ему будет становиться все хуже. Лоис настоит на своем, и ее друзья получат коттедж на выходные.

Наступило молчание. Джулия могла бы сказать многое. Но подумала, что, пожалуй, лучше промолчать. Элли требовалось утешение, а не новые переживания. И Джулия молчала, потому что не могла придумать ничего утешительного.

Через несколько секунд Элли снова прорвало:

– И с Ронни будет то же самое – вот увидишь! Джимми скажет «да» мне, тебе и Энтони, а потом Лоис возьмется за него, и он скажет «нет». Она убедит Джимми, что Ронни будет гораздо лучше в госпитале или в санатории для долечивания, как миссис Марш лучше в приюте для инвалидов, а бедному старому Ходсону – в Лондоне вместе со снохой, которой не нужен тесть. Я бы не возмущалась так, если бы Лоис сказала честно, что это ее личное желание. Но нет. Она делает вид, будто так будет лучше для всех, вместо того чтобы признаться, что хочет этого для себя.

Джулия настойчиво сказала:

– Элли, перестань дрожать. И перестань взвинчивать себя из-за Лоис. Этим ничего не добьешься, только изнервничаешься. Она подлая тварь, я всегда это знала. Но она жена Джимми. Для Ронни можно будет кое-что сделать. Я здесь для этого. Первым делом нужно найти работу, где тебе позволят жить вместе с Ронни.

Элли вздохнула:

– Это бесполезно. Я пыталась. Поместила объявление, указав номер почтового ящика. Пришло только два ответа, и оба от тех, кто загружает прислугу по полной. Вся работа по дому – стряпня и прочее. Я не смогу выполнять ее и при этом заботиться о Ронни.

– Что ты написала в объявлении?

– Я хотела, чтобы оно выгодно отличалось среди других – сейчас место прислуги ищут многие. И написала: «Ищу работу по дому, где смогу жить вместе с мужем. Он потерял на фронте ногу».

– И получила всего лишь два ответа?

– Всего лишь.

Джулия лежала, хмурясь в полутьме. Взошла луна. Она видела спинки в изножьях кроватей. Видела массивный черный гардероб у противоположной стены. В трех окнах видно было освещенное небо. Неторопливо произнесла:

– Элли...

– Да?

– Если Ронни сможет поехать в хороший санаторий для долечивания, не будет ли там для него лучше, чем ссориться здесь с Лоис?

Элли отдернула руку.

– Я не смогу видеться с ним...

– Но если ему станет лучше? Он снова сможет работать, и вы всегда будете вместе.

Элли сказала сдавленным голосом:

– Не думала, что и ты будешь против меня.

– Я не против.

Оправдываться было не в духе Джулии.

– Ты не понимаешь.

– Тогда, может, объяснишь?

Элли снова взяла ее за руку.

– У нас нет никакой возможности. Мы провели вместе месяц, потом два выходных, а потом он лежал в госпитале. Это лишает нас возможности. Я езжу туда уже измотанной. Лицо у меня бледное, и часто я не могу найти темы для разговора. Не могу быть веселой, улыбчивой – такой, какой он хотел бы меня видеть. – Она снова расплакалась. – Джулия, у него такая хорошенькая медсестра!

Глава 7

Наутро Джулия после завтрака поговорила с Джимми Леттером наедине. Он курил на террасе трубку, она увела его в кабинет и плотно закрыла дверь. Гостиную Лоис изменила почти до неузнаваемости – там были новые чехлы, новые шторы, новые ковры, новые украшения, вся мебель стояла на новых местах. Но кабинета она пока еще не коснулась. На полу там лежали старые потертые ковры, на окнах висели старые коричневые шторы. На полках стояли старые потрепанные книги. Разумеется, там никто и никогда ничего не штудировал, но это была комната Джимми, а раньше его отца, и Джулия почувствовала себя гораздо спокойнее, когда привела его сюда. Она заперла бы дверь, но ключ был давно потерян, никто не знал, как и когда.

Сев на подлокотник одного из больших кресел, она сказала:

– Джимми, я хочу поговорить с тобой о Ронни.

Энтони часто говорил ей, что она напрочь лишена такта, и когда она бросала в ответ: «А какой смысл подходить к делу издали? Если я хочу что-то сказать, то говорю», он со смехом замечал: «Мне ли этого не знать!»

Ну вот, она сказала то, что пришла сказать, и Джимми нахмурился. Трубку он держал в руке, и между ними поднимался дымок. Не успел он и рта открыть, как Джулия поняла, что Лоис ее опередила.

– Знаешь, Джулия, это не годится – я имею в виду его пребывание здесь. Никуда не годится. Само собой, Элли этого хочется, да и я сам был бы доволен, если бы он жил в нашем доме, бедняга. Но, как говорит Лоис, Элли в гроб загонит себя заботой о нем. Видно же, что ей это не по силам. Да ведь бедный Ронни калека – ей никак с этим не справиться. Поверь, я и так очень о ней беспокоюсь. Здесь она дома, со всеми удобствами, Лоис заботится о ней, и все равно она похожа на привидение – бледная, понурая. А ты хочешь, чтобы она взялась за тяжелую работу сиделки. Слышать об этом не хочу!

Щеки Джулии вспыхнули красными флагами. Она редко приходила в такой гнев. Но ей хватало ума понять, что раз она ведет игру за Элли, то нужно сдерживаться. Будь это ее личная игра, она бы резко швырнула карты на стол и с удовольствием выложила бы все, что думает о Лоис. Но это была партия Элли.

Щеки ее горели, глаза сверкали ненавистью, но язык она держала на привязи. Джимми, поглядев на Джулию с легким беспокойством, поразился ее сходству с Марсией. А он не только был очень привязан к Марсии, но и уважительно относился к ее суждениям. Это уважение и сходство стали незаметно окрашивать его мысли. Молчание Джулии дало им время подумать. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал очень тихо:

– Джимми – помнишь, какой штат прислуги был здесь до войны?

– Это было давно, – ответил он. – Теперь все переменялось.

– Знаю. Но все равно, помнишь? Здесь была миссис Мэнипл, судомойка под ее началом, после полудня приходила служанка для черной работы, и миссис Хаггинс мыла кухонные полы. Это что касается кухни. Для остальной части дома был дворецкий, горничная, уборщица, служанка для черной работы до полудня и миссис Хаггинс, когда требовалась дополнительная работа – весенняя приборка или появление гостей.

Джимми сердито затаился трубкой.

– Какой смысл говорить об этом? Всем пришлось снизить расходы.

– Знаю, что пришлось. Но задумайся на минутку, Джимми, и ты поймешь, почему у Элли усталый вид. Она и Минни делают то, что делали мужчина и три служанки.

– Ты не учишь Лоис.

Джулия посмотрела на него.

– Да – Лоис я не учить.

Джимми отвернулся, подошел к письменному столу и принялся поднимать с него то одну вещь, то другую и резко ставить их на место. Когда повернулся, лицо его было багровым. Он сердито спросил:

– Как это понять?

Правая рука Джулии сжалась в кулак, и ногти впивались в ладонь. Нельзя показывать Джимми, что и она сердита. Этим его не проймешь. Мама никогда не сердилась ни на него, ни на других. Поэтому все ее слушали. Если бы только возмущение не кипело в душе – так, что начинаешь чувствовать, что тебе на все наплевать...

Но нужно думать об Элли. И Джулия заговорила таким сдержанным, рассудительным голосом, что удивилась сама.

– Послушай, Джимми. Я не хочу устраивать ссору. Я хочу высказаться. Хочу, чтобы ты меня выслушал, и только. Лоис ставит в вазу букеты цветов – вот и все, что она делает по дому. Сердиться на мои слова не нужно – это правда. Это ее дом, и она не обязана делать больше того, что желает. До этого она не жила за городом. Она подолгу жила в отелях, поэтому даже не знает, сколько в доме дел.

Джулия почувствовала, что она довольна собой. Она мягко разубеждает Джимми. Кто это сказал, что она лишена такта? И продолжала все оживленнее:

– У меня есть очень хороший план, и больших расходов он не потребует – уверяю тебя. Если миссис Хаггинс станет бывать здесь ежедневно, а не раз в неделю на кухню к Мэнни, дела значительно изменятся к лучшему. Видишь ли, и Минни, и Элли нельзя назвать сильными. Не с их мышцами заниматься тяжелой работой, и они ужасно от нее устают. А миссис Хаггинс сильна, как лошадь, – она быстро со всем справится. Минни и Элли будут заниматься тем, что полегче.

Джимми перестал сердиться. Вид у него стал недоуменным.

– Но миссис Хаггинс приходит. Я не раз ее видел.

– Приходит по субботам, драит кухонные полы, и только.

Джимми сказал с беспокойством:

– Я думал, она делает еще что-то. А потом еще жена Джо Марша – я видел ее здесь.

– Она только шьет для Лоис.

– Ты уверена, что не помогает по дому?

– Совершенно уверена.

Джулия помолчала, давая ему время осмыслить сказанное.

– Джимми – по поводу Ронни – выслушай, пожалуйста. Не занимайся Элли тяжелой работой, не ездь на велосипеде в Крэмpton, что ее изматывает, думаю, она могла бы заботиться о Ронни. Она была бы счастлива, а счастливые люди способны горы свернуть... Нет, послушай, пожалуйста. Он уже ходит с костылем. Если отдашь им старую классную комнату, ему не придется подниматься вверх, туалет прямо напротив. Все будет совсем необременительно – и, Джимми, как станет счастлива Элли! Ты всегда бывал к нам так добр.

Джулия уже не сердилась. Она припоминала все случаи, когда Джимми проявлял доброту, – их было множество, они уходили в прошлое все глубже, глубже, пока не исчезали из памяти. Она смотрела на Джимми с очаровательной улыбкой.

Он подошел к ней и обнял ее за плечи.

– Ладно, ладно, дорогая моя, – я подумаю. Очень хорошо, что ты это высказала. Очень хорошо, что ты снова здесь. Я сильно скучал по тебе. Ты не давала мне возможности сделать что-то для тебя в последние два года, так ведь? Но мы подумаем, что можем сделать для Элли. Она тревожится, правда?

– Она совершенно извелась.

– Ну-ну, мы не можем с этим мириться. Я сделаю, что смогу.

Глава 8

– Джимми – *дорогой!*

Джимми Леттер взъерошил свои светлые волосы.

– Ну, похоже, это хороший план. Джулия говорит...

Лоис со смехом подошла к нему и прижала ладонь к его губам.

– О, мой дорогой, раз это говорит Джулия... Нет, Джимми, право же – это уже слишком! Она знать нас не желает два года, а потом является и хочет перевернуть весь дом вверх тормашками. Знаешь, в конце концов это *наш* дом...

– Оно так...

Лоис засмеялась снова.

– Рада, что ты это признаешь! Но он перестанет быть нашим, если ты позволишь Джулии распоряжаться здесь. Она из этих неугомонных, беспокойных людей, а я не думаю, что нам нужны беспокойства.

Джимми нахмурился:

– Она говорит, Элли совершенно извелась.

Лоис вздохнула:

– Элли расстраивается из-за мужа. Не представляю, что нам тут можно поделать. Ей нужно взять себя в руки и не раскисать. А она становится истеричной.

Джимми продолжал хмуриться.

– Джулия говорит, ей не следует слишком много работать. Миссис Хаггинс приходит всего раз в неделю. Не можем ли мы привлечь ее к ежедневной работе?

Изящные брови Лоис поднялись.

– Наверное, можем – раз Джулия считает, что так нужно. Есть у нее еще предложения? Если да, то, само собой, ей нужно только высказать их.

– Зря ты так, – грубовато сказал Джимми. – Она не это имела в виду.

Лоис рассмеялась снова.

– Не это? Интересно, что же.

Она положила руки на плечи Джимми и поцеловала его в подбородок.

– Теперь, дорогой, послушай меня. Джулия не пробыла здесь даже суток и уже предлагает все тут переустроить, направить нас всех на путь истинный. Знаешь, это никуда не годится. Я бы возмутилась, если б не мой слишком уж мягкий характер. Насколько я понимаю, Джулия из сорта импульсивных, благонамеренных людей. Она очень любит Элли и очень любит настаивать на своем. Но право, дорогой, я не могу допустить, чтобы она так совалась в наши дела. Это уже не шутки.

Джимми обнял ее.

– Послушай, Лоис, не могли бы мы позволить Ронни пожить здесь – какое-то время?

Лоис отодвинулась от него. От ее веселости не осталось и следа.

– Да, конечно – если хочешь, чтобы здоровье у Элли пошатнулось. Джулия наверняка считает, что она в силах заниматься тяжелой работой сиделки. Я нет. Я думаю, что ей нужны покой и перемена обстановки. Собственно, я собиралась поговорить с тобой о своем плане. Нам нельзя и дальше жить таким беспорядочным образом. Я хочу иметь возможность устраивать приемы гостей. Я еще не приняла решения, но слышала о превосходном дворцеком и двух горничных. Конечно, они будут стоить больших денег, но, думаю, нам пора вернуться к цивилизации. Если Элли хочет остаться здесь, то пожалуйста, пусть остается, но я думаю, ей будет лучше сменить обстановку. Ронни могут перевести в санаторий для долечивания, а она может снять комнату поблизости от него. Я не хочу, чтобы, когда новый штат прислуги будет устраиваться, тут находилось много людей. Кстати, я слышала об очень подходящем месте для Минни Мерсер. Тетушка Бренды Грей нуждается в компаньонке. А Минни – прирожденная компаньонка, так ведь?

Джимми отступил на шаг.

– Постой-постой, Лоис, – как это понять? Относительно Минни. Она не уходит отсюда. Для этого нет никаких причин.

Лоис улыбалась.

– Дорогой, нет никаких причин ей оставаться. Вряд ли можно ожидать, что она будет работать под началом дворецкого.

– Об этом не будет и речи. Да ведь Минни живет здесь двадцать пять лет! Она была подругой Марсии. С какой стати ей уходить от нас?

Лоис грациозно пожала плечами.

– Не спрашивай меня. Но думаю, она вполне разумна. И мне не придется предупреждать ее о предстоящем выселении.

– Предупреждать о выселении? – Джимми ошеломленно глядел на нее.

– Дорогой, откровенно говоря, Минни не сможет приспособиться. Если у нее хватит ума это понять, мы будем избавлены от неприятностей. – Лоис улыбнулась снова и послала мужу воздушный поцелуй. – Приободрись, дорогой! Ты не представляешь, как будет хорошо, когда дом снова станет вестись подобающим образом.

Они находились в малой гостиной, окна ее выходили на распланированный сад. В течение более двухсот лет эта комната принадлежала хозяйке дома. Пока что Лоис оставляла комнаты в том же виде, в каком ее унаследовала Марсия от своей предшественницы, матери Джимми Леттера, скончавшейся при его родах. Для Лоис здесь были повешены светлые парчовые шторы, для ее ступней был расстелен выцветший ковер. Однако большая часть мебели сохранялась с прежних времен. Лоис собиралась обставить эту свою комнату на современный манер. Даже посылая Джимми воздушный поцелуй, она мысленно заменяла диван викторианской эпохи пружинной софой и отправляла акварельные наброски на чердак. Джимми питал сентиментальную привязанность к ним, их рисовала его мать, но когда комнату будут отделявать, рисунки придется снять. И Лоис собиралась позаботиться, чтобы их больше не развешивали.

Ни она, ни Джимми не слышали, как во время их разговора приоткрылась дверь. Рука, открывшая ее, не притворила ее снова. Выходя, Лоис нашла дверь приоткрытой.

Глава 9

Энтони едва не столкнулся с Минни Мерсер в коридоре прямо напротив своей комнаты – вернее, это она едва не налетела на него, и он еле избежал сильного столкновения, успев сделать шаг назад. Минни натолкнулась на его вытянутую руку, и ему пришлось поддержать ее, чтобы она не упала. Тут в свете из открытой двери он увидел ее лицо – совершенно белое и застывшее, – а глаза, устремленные в одну точку, казались почти бесцветными. Энтони провел на войне пять лет и способен был узнать шоковое состояние. Поддерживая Минни, он ввел ее в комнату, прикрыл дверь и усадил в кресло. Казалось, она не понимала, что Энтони делает, но когда он спросил: «Минни, что случилось?», ее руки задрожали. Она с трудом выпрямилась и положила руки на колени, безуспешно пытаясь унять дрожь. Глядя мимо него на какую-то далекую точку, она ответила:

- Мне придется... убраться отсюда.
- Минни, дорогая!
- Она хочет этого.
- Дорогая моя, не понимаю, о чем ты.

Минни очень медленно произнесла сдавленным голосом:

- Я прожила здесь двадцать пять лет... но все равно... она меня выгонит.

Энтони начал понимать, что происходит. Положил руку ей на плечо.

– Минни, ты ужасно выглядишь. Откинься на спинку кресла и расслабься, а я приготовлю тебе что-нибудь выпить. Потом, если хочешь, можешь рассказать мне все.

Минни покачала головой. Две слезы медленно выкатились из ее глаз и поползли вниз по щекам. Она сказала:

– Ты ничего не сможешь поделать – никто не сможет. Раз она решила выдворить меня, мне придется уйти.

Энтони придвинул стул и сел рядом с ней.

- Откуда ты знаешь, что она решила тебя выдворить?

Две слезы упали на ее дрожащие руки. На их месте появились другие, такие же горькие, тихие. Минни не повернула головы, не взглянула на него, не изменила голоса.

– Я пошла в малую гостиную спросить ее о чем-то – уже не помню о чем. Открыв дверь, услышала, как она произнесла мое имя. Она сказала: «Я слышала об очень подходящем месте для Минни. Тетушка Бренды Грей нуждается в компаньонке. Минни – прирожденная компаньонка».

Лицо Энтони помрачнело и посуровело.

- С кем она разговаривала?
- С Джимми. – Ее сдавленный голос впервые дрогнул.
- А он что сказал?
- Он как будто не понял.
- Так-так?

– Она говорила с ним. Сообщила, что я съезжаю, и Джимми спросил, почему. Она внушила ему, что я сама хочу съехать. Сказала, что это хорошо, так как ей не придется предупреждать меня о выселении. Здесь будет дворецкий и две горничные, и она сказала, что я не смогу приспособиться.

- Но, Минни, ты жила здесь в те годы, когда тут был полный штат прислуги.

– Двадцать пять лет, – проговорила Минни, – это долгий срок. Но я помогала Марсии, после ее смерти заботилась о девочках. А теперь для меня здесь нет места.

- Джимми не позволит выдворить тебя, – сказал Энтони с надеждой.

Она повернулась лицом к нему. Слезы продолжали струиться, но взгляд Минни был уже не застывшим, а кратким и очень печальным, как ее голос:

– Дорогой мой, нельзя втягивать его в эту историю. Так не годится. Не нужно вставать между мужем и женой. Это нехорошо и лишь приводит к неприятностям. Раз она хочет, чтобы я ушла, я ничего не могу поделать – только уйти. – Руки ее продолжали дрожать. Минни встала. – Энтони,

ты был очень добр. Извини, что я расклеилась. У меня просто не было времени взять себя в руки. Шок, неожиданная встреча с тобой... и твоя доброта.

Минни быстро вышла из комнаты, оставив позади весьма рассерженного молодого человека. Легко было сказать, что никто ничего не сможет поделать, но Энтони никак не собирался опускать руки. Подумал, что, видимо, лучше всего будет поговорить с самой Лоис. Джимми можно довести до крайности, но невозможно удержать там, не задев одного из полудюжины его принципов. Изгнание Минни – затронет ли оно какой-то из них или нет? Не исключено. Разговаривать с Джимми очень трудно. Он будет уступать, уступать, уступать, а потом вдруг упрется и ни в какую. Энтони видел это десятки раз – иногда речь шла о пустяках, иногда о важных проблемах. Но мелкие или значительные, все вопросы были как-то связаны с Леттер-Эндром...

Гостеприимство его дома как раз и может оказаться той почвой, на которой Джимми будет упорно стоять до конца. Энтони был почти уверен, что Лоис не заставит его выгнать из дома Элли или Джулию, как бы ни подольщалась к нему. Относилось ли это и к Минни, он не знал. Может быть, да, может, и нет. Джимми непредсказуем. Энтони решил, что стоит поговорить с Лоис, и, если дело дойдет до ссоры, он с большим удовольствием выложит все, что о ней думает. Само собой, сперва нужно будет поговорить с Джимми. Пусть Джимми скажет ему о планах Лоис. Он охотно выложит все близкому человеку.

Из окна Энтони увидел Лоис, идущую с корзинкой к розарию. Нужно поговорить минут десять с Джимми и последовать туда за ней. Если возникнет ссора, розарий для этого превосходное место – от дома далеко, никто не вмешается.

Разговор с Джимми занял четверть часа. Кузен был так расстроен, что нуждался в утешении. Он расхаживал взад-вперед по кабинету, ерошил волосы и спрашивал, почему Минни захотела покинуть их после стольких лет.

– Я думал, она любит нас всех, думал, она здесь счастлива. Но Лоис говорит, она хочет съехать – я не могу этого понять!

– Может, Лоис сумеет уговорить ее остаться.

Джимми повеселел:

– Да-да, – Минни не может всерьез хотеть уйти – Лоис должна убедить ее!

– Думаю, Лоис сможет. Очевидно, Минни взбрело в голову, что она здесь нежеланна.

Вот и все, что отважился сказать Энтони, но Джимми ухватился за это.

– Вот-вот! Чего только не выдумывают женщины. Минни всегда себя принижала. Она совершенно бескорыстна – всегда была такой, – и готова сделать для каждого все, что угодно. Может, вообразила, что стала никому не нужна. Как нам теперь быть?

– Ты не будешь против, если я поговорю об этом с Лоис?

Джимми повеселел еще больше.

– Нет, конечно, нет – с какой стати? Блестящая идея. Знаешь, меня очень расстраивает мысль, что я не докопался до сути дела. Не помню, чтобы меня что-то так сильно расстраивало. Мне это не по душе, Энтони, совершенно не по душе. Да ведь – дай припомнить – Минни на три года младше меня, а мне пятьдесят один. Она живет здесь двадцать пять лет. Когда она поселилась здесь, ей было двадцать три, она была очень хорошенькой. И с тех пор она здесь, как родная. Никак не могу этого понять. Иди, поговори с Лоис, и постарайся добраться до сути.

Энтони нашел ее в самом романтическом окружении. Красивая миссис Леттер в своем розарии, солнце первых дней осени ярко освещает ее золотисто-каштановые волосы, безупречную свежую кожу, никогда не покрывавшуюся ни загаром, ни веснушками. Льняное платье медового цвета превосходно сочетается с сентябрьскими цветами. Корзинка на ее руке заполнена розами всевозможных медно-красных оттенков.

Чувство меры Энтони возмущено. Ссора здесь станет вопиющей нелепостью. Что ж, может, в ней и не будет необходимости. Как-никак, в уме Лоис не откажешь. Нет ни малейшего смысла расстраивать Джимми, устраивая скандал.

Когда он подошел, Лоис очаровательно улыбнулась.

– Как мило с твоей стороны! Я как раз хотела, чтобы кто-нибудь понес корзинку.

Энтони взял корзинку с цветами.

– Ты любишь, чтобы тебе прислуживали, так ведь?

– Очень.

– Джимми говорит, ты собираешься снова завести целый штат прислуги – дворецкого и горничных.

Лоис срезала ножницами еще одну розу и беззаботно сказала:

– Да – это будет облегчением!

Вместо того чтобы опустить розу в корзинку, Лоис поднесла цветок к носу Энтони.

– Ну? Разве не так?

– Может быть. Сейчас Джимми очень расстроен.

Она издала журчащий смешок.

– Это из-за Минни. Ничего, переживет. Надеюсь, ты не подстрекал его?

– Он не нуждается в подстрекательстве. Послушай, Лоис, мы были хорошими друзьями и никогда не ходили вокруг да около. Почему ты выгоняешь Минни? Я знаю, ты сказала Джимми, что она хочет уйти, но я с этим не примирюсь.

– Дорогой, как грозно!

– Я хочу знать, зачем ты это делаешь.

Теперь Лоис щелкала ножницами: срезала то лист, то засохший бутон. Она с улыбкой поглядывала на Энтони.

– Видишь ли, я думаю, что она живет здесь слишком долго.

– Почему?

– Мой дорогой Энтони, она прирожденная компаньонка для старой леди. Я не старая леди, и мне компаньонка не нужна. Откровенно говоря, мне не нужна Минни. Я не хочу сидеть с ней за столом, не хочу встречать ее в доме – она мне действует на нервы. Минни может уйти и стать сокровищем для старой мисс Грей.

– И быть съеденной заживо, как все остальные ее компаньонки за последние пятнадцать лет!

Лоис засмеялась:

– О, Минни против не будет. Она прямо-таки просит, чтобы об нее вытирали ноги.

Помолчав немного, Энтони сказал:

– Знаешь, Лоис, я бы не стал особенно давить в этом деле на Джимми. Я знаю его всю жизнь, он способен на неожиданные поступки. Думаю, это одна из тех проблем, которые лучше...

Он стал подыскивать подходящее слово, и Лоис подхватила:

– Лучше для кого, дорогой?

Энтони ответил:

– Для тебя.

– Право же, Энтони!

– Лоис, послушай! Джимми от тебя без ума, пляшет под твою дудку. Ты думаешь, что знаешь его. Думаешь, что он покладистый, и он действительно такой – до известного предела. Не советую теснить его за этот предел. Иначе он может стать непредсказуемым.

Лоис презрительно засмеялась.

– Столько шума из-за Минни Мерсер! Будто она что-то собой представляет!

Энтони взглянул на нее как будто с оценивающим выражением.

– Не глупи. Ты разумная женщина, и не строй из себя дуру. У Джимми есть привязанности. Уверяю, тебе лучше относиться к ним с уважением. В противном случае можешь разбить что-то такое, чего уже не склеишь. Если не хочешь видеть Минни за столом, отведи ей комнату – она будет счастлива. Она не станет соваться на твои вечеринки – будет только рада оставаться в стороне. И от нее будет польза. Я знаю, что она штопала для Марсии и для всех в доме.

– Благодарю – Глэдис Марш шьет все, что мне нужно. И развлекает меня. Послушал бы ты ее рассказы о деревенских жителях! Нет, Энтони, этот разговор бессмысленен. И не продолжай, иначе я рассержусь. – Лоис нежно посмотрела на него и рассмеялась. – Будь на твоём месте кто-то другой, я бы вышла из себя, но ты не должен пользоваться моим хорошим отношением. – Она подошла поближе.

Энтони сурово произнес:

– Минни живет здесь долгое время.

Щеки Лоис окрасил природный румянец. Она вкрадчиво заговорила:

– И влюблена в Джимми. Дорогой, что же ты молчишь об этом? Влюблена все то долгое время, о котором ты твердишь. Знаешь, я не нахожу это достоинством.

Энтони улыбнулся. Будь здесь Джулия, она поняла бы по этой улыбке, как он разозлен.

– Моя дорогая Лоис, хочешь, чтобы я поверил, будто ты ревнуешь его к Минни? Прошу тебя, будь серьезной, если можешь. Мы в течение двадцати пяти лет считали Минни членом нашей семьи. Другой у нее нет. Мы все немало пользовались ее добротой, но очень привязаны к ней. Она любит всех нас гораздо больше, чем мы того заслуживаем. Она обожает Джимми. Так наивно, смиренно, что даже самое ревнивое на свете существо не могло бы не сделать исключения из правила. Будь великодушна, оставь бедняжку в покое. Если выгонишь Минни, ее это просто убьет. Джимми всегда видел в ней члена семьи. Оставь ее в покое, он никогда не посмотрит на Минни иначе.

Улыбка Энтони исчезла. Смуглое лицо было серьезным.

Лоис подняла розу и легонько ударила его по щеке.

– Дорогой, тебе следует быть адвокатом. Я чувствую себя коллегией присяжных. И теперь мне нужно обдумать свой вердикт.

– Лоис, измени его.

– Посмотрим. А теперь пошли, поможешь мне с цветами.

Глава 10

Недели через две после этого мисс Мод Сильвер приняла посетителя. Поскольку он явился не по записи, она его не ждала. Мысли ее были заняты приятными семейными делами. Племянница Этель, муж которой управлял банком в одном из центральных графств, написала отрадное сообщение о том, как ее сын Джонни обживается в частной школе. Весьма отрадное, ничего не скажешь. Не хочется думать, что ребенок тоскует по дому. Но Джонни разумный и спокойный парнишка и, наверно, будет хорошо успевать.

Жаловаться на жизнь мисс Сильвер не могла. Она не только ничуть не пострадала во время войны, но и ее квартира в Монтегю Меншнз осталась цела, не считая же нескольких разбитых окон. Шторы пострадали, что правда, то правда, но они достойно несли долгую службу, и теперь она смогла заменить их ярко-синими, под цвет ковра. Этот ярко-синий цвет она до сих пор называла «павлиньим», но теперь его все зовут «бензиновым». Роза, названная как угодно иначе, все равно будет пахнуть приятно, но цвет под таким отвратительным названием, как «бензиновый», теряет половину своей привлекательности, по крайней мере, для слуха. Поэтому мисс Сильвер продолжала называть свои шторы «павлинье-синими».

Потертый край ковра был теперь упрятан от взгляда под книжный шкаф, и сам ковер мог еще служить два или три года, но она подумывала о новых чехлах для старых викторианских кресел с широкими сиденьями, гнутыми ножками и резными ореховыми подлокотниками. Она приобрела бы их этим летом, если б Джонни не пошел в школу, но ей доставляло искреннее удовольствие помогать Этель в его экипировке.

Мисс Сильвер очень прямо сидела в одном из кресел, ждущих новых чехлов, аккуратная и старомодная, начиная с волос, с челки, завитой мелкими колечками, и изящных локонов сзади. Волосы удерживала в строгом порядке сетка, а ноги в черных нитяных чулках – зимой чулки были бы шерстяными – были обуты в черные, расшитые бисером шлепанцы. Где она доставала бисер, было такой же глубокой тайной, как и те, раскрывать которые ей приходилось в профессиональной деятельности. Детектив-сержант Эббот из Скотленд-Ярда, ее преданный поклонник, утверждал, что эта тайна непостижима. Одета мисс Сильвер была в темно-коричневое платье искусственного шелка с отвратительными зелеными и оранжевыми точками и черточками, образующими бессмысленные группы. Два года назад платье было новым, и в носке оно оказалось неважным. Фрэнк Эббот надеялся на его скорую кончину. Оно было заколото у горла брошью из мореного дуба в форме розы с жемчужиной посередине. Пенсне ее поддерживала тонкая золотая цепочка. Поскольку мисс Сильвер пользовалась линзами только для чтения мелкого шрифта, цепочка была прикреплена к левой стороне лифа платья золотой брошью. Юбка выглядела бы вышедшей из альбома с фотографиями конца девятнадцатого века, если бы ее подол был на несколько дюймов длиннее и доходил до пола.

О том, что мисс Сильвер продолжала духовно жить в том времени, отчетливо свидетельствовали мебель середины пятидесятих годов и картины на оклеенных узорчатыми обоями стенах – это были репродукции наиболее знаменитых полотен Викторианской эпохи. Время от времени хозяйка перевешивала картины из спальни в гостиную и наоборот. Сейчас картина «Мыльные пузыри»² висела над камином вместе с «Черным брауншвейгским гусаром»³ и «Монархом горной долины»⁴ по обеим сторонам, а «Надежда»⁵, «Пробуждение души»⁶ и «Гугенот»⁷ украшали другие стены. Каминная полка, верх книжного шкафа и различные столики были заставлены фотографиями в плюшевых и серебряных рамках. Иногда они сочетались – серебряная филигрань на плюше. Но на фотографиях были юные – большей частью очень юные.

² Художник Джон Эверетт Милле (1829–1896)

³ Он же

⁴ Художник Эдвин Генри Ландсир (1802–1873)

⁵ Художник Джон Фредерик Уоттс (1817–1904)

⁶ Художник Джеймс Сент (1820–1916)

⁷ Художник Д.Э. Милле

Были маленькие дети всех возрастов – дети, которые могли бы не родиться, если б мисс Сильвер не вмешалась, чтобы вывести на свет сокрытые причины зла и спасти невинных. Отцы и матери детей тоже были на фотографиях – сильные молодые мужчины и хорошенькие юные женщины с долгом благодарности маленькой, немодно одетой старой деве с четкими чертами лица и мышиного цвета волосами. Это была ее портретная галерея, перечень ее дел, и она ежегодно пополнялась.

Мисс Сильвер перечла постскрипtum письма Этель Беркетт:

«Не знаю, как благодарить вас за все. Джонни в этом году больше чулок не понадобится, но если у вас осталась эта серая шерсть, буду очень благодарна за чулки для Дерека. Он растет очень быстро».

Вкладывая письмо обратно в конверт, она улыбнулась. Шерсть для чулок Дерека была смотана в клубок, и полдюйма резинки уже связано.

Когда она встала, чтобы отложить письмо, ее бесценная Эмма открыла дверь и объявила:

– Мистер Леттер...

Мисс Сильвер увидела художавого мужчину со свежим цветом лица и обеспокоенным видом. Таким было ее первое впечатление от Джимми Леттера – художавость, свежесть и беспокойство. Когда усадила его напротив, продолжая работать спицами, она пришла к выводу, что это живущий за городом джентльмен, редко бывающий в Лондоне. Его одежда от хорошего портного была отнюдь не новой. Еще довоенной. Такая хорошая ткань появилась вновь лишь совсем недавно.

Если одежда этого джентльмена была старой, а возраст средним, беспокойство его, поняла мисс Сильвер, началось недавно. Длительная тревога оставляет заметные следы. На свежей коже мистера Леттера не было удручающих складок. От глаз расходились морщинки, оставляемые смехом, губам смех тоже придавал характерную форму. В чем бы ни заключалась его тревога, срок ее был небольшим. Мисс Сильвер улыбнулась и спросила:

– Чем могу быть полезна?

Джимми Леттер ломал голову, зачем пришел к ней и как ему уйти. Эта улыбка изменила направление его мыслей. Приятная маленькая женщина, дружелюбная маленькая женщина. С ней уютно. И комната уютная. Неплохие картины. Ему вспомнилось, что такая же, как над камином, висела в гостиной миссис Мерсер, когда он и Минни были детьми. Эта маленькая женщина чем-то напомнила ему Минни. С ней спокойно – она тебя не торопит. Джимми ответил:

– Ну, не знаю – то есть не знаю, можете ли вы здесь что-то поделать. И нужно ли что-то делать.

– Но ведь вы приехали ко мне, мистер Леттер.

Он потер переносицу.

– Да, понимаю: совершаешь такие поступки, а потом сознаешь, что свалил дурака.

Мисс Сильвер снова улыбнулась:

– Если для вас это очень важно, я не буду так думать.

– Ну, ладно, – сказал Джимми и стал возиться с извлеченной из кармана связкой ключей. – Знаете, в прошлом году я услышал о вас от Стеллы Дандес – моей дальней родственницы. Как только она вас не расхваливала.

Спицы мисс Сильвер щелкали. Чулок Дерека вращался. Руки она держала низко, вязала очень быстро, на континентальный манер.

– Я очень радовалась, что смогла помочь миссис Дандес. Дело было пустяковым.

– Для нее нет – она очень дорожила этим жемчугом. Говорила, что просто чудо, как вы нашли вора.

Мисс Сильвер опустила голову.

– Мистер Леттер, у вас что-нибудь украли?

– Нет, ничего. – Джимми позвякал ключами. – Честно говоря, дело гораздо серьезнее. Послушайте, если я все расскажу, это останется секретом, так ведь?

Мисс Сильвер негромко кашлянула.

– Естественно, мистер Леттер. Это само собой разумеется.

Он заколебался, раскачивая ключи туда-сюда.

– Думаю, вам приходилось выслушивать довольно странные истории?

Она улыбнулась снова.

– Не нужно спрашивать, что мне говорят другие клиенты.

– Конечно, конечно – я другое имел в виду. Но обсуждать это не следует. Собственно, я сам в это не верю. Дело в Лоис – моей жене. Она думает, что ее кто-то пытается отравить.

– Боже мой! – произнесла мисс Сильвер. А потом спросила: – Почему она так думает?

Джимми Леттер взъерошил волосы.

– В общем, все началось с ее визита к этому типу Мемнону. Полагаю, вы слышали о нем.

Мисс Сильвер неодобрительно кашлянула и отозвалась:

– О да.

– Так вот, он сказал, чтобы Лоис береглась яда. И знаете, она не думала об этом, пока у нее не начались эти странные приступы.

– Что за приступы?

Джимми выглядел очень обеспокоенным и говорил с тревогой.

– Тошнота и рвота. Раньше у нее не было ничего подобного, и начались они ни с того ни с сего.

– Ваша жена не ходила к врачу?

– Нет – не хочет к нему обращаться.

– Почему?

– Говорит – какой смысл? Если кто-то хочет отравить ее, врач не сможет им помешать – тут ничего нельзя поделать, так ведь? Вот что она говорит.

– Не могу с этим согласиться. Мне бы хотелось узнать побольше о приступах. Когда произошел первый?

– Недели две назад. Лоис была в городе и отправилась к этому типу Мемнону, и он ее предостерег, как я вам сказал. Она вернулась домой – мы устраивали семейную вечеринку. После обеда, когда все мы сидели в гостиной, Лоис вдруг выбежала из комнаты. Вскоре вернулась, и о том, что произошло, я узнал только впоследствии, но, кажется, ей было очень плохо. Это был первый раз.

Мисс Сильвер покашляла.

– Долго отсутствовала?

Джимми уронил ключи и нагнулся за ними.

– Около четверти часа – не дольше.

– Вы специально заметили время?

– Я всегда замечаяю, когда ее нет.

– И как ваша жена выглядела, когда вернулась?

Он ответил с полнейшей простотой:

– Я подумал: какой красивой она выглядит.

Мисс Сильвер несколько секунд молча вязала. Потом спросила:

– Видел ее кто-нибудь во время приступа?

– Да, видела Минни Мерсер – мисс Мерсер.

– Я попрошу вас назвать всех домашних. Вы сказали, у вас была семейная вечеринка. Сейчас я хотела бы знать, ела или пила миссис Леттер что-нибудь такое, к чему не притрагивались остальные.

– Только кофе, – сообщил Джимми Леттер.

Глава 11

Выяснив, что кофе по-турецки пила только миссис Леттер, что его приготовила кухарка на кухне, добавив в него чуточку ванили, и чашку поставили на поднос вместе с сахарницей и графинчиком с коньяком в кладовой, куда мог войти любой из домашних, мисс Сильвер медленно покачала головой и сказала:

- Совершенно непонятное происшествие. Когда случился очередной приступ?
- На другой день, после ленча.
- Был он сильнее или слабее?
- Примерно таким же.
- Видели вы этот приступ?
- Да, видел. Ее сильно рвало, бедняжку.

Мисс Сильвер быстро вязала.

- Но ваша жена вскоре оправилась? Болезненных последствий не было?
- Слава богу, нет.
- Так, мистер Леттер, – что ела ваша жена за ленчем, чего не ели другие?

Джимми снова взъерошил волосы.

- Это и приводит меня в недоумение – ничего такого.
- Кофе не пила?
- Нет.
- Спиртного?
- Лоис не пьет спиртного за едой. Худеет, понимаете – но у нее очень красивая фигура, ей не

нужно худеть.

Резинка на чулке Дерекы была уже длиннее дюйма. Спицы быстро мелькали.

- Мистер Леттер, будьте добры, скажите, что вы ели.

Джимми потер нос.

– Так, постараюсь вспомнить. Наверно, смогу, мы с Минни потом все перебрали, чтобы выяснить, от чего Лоис стало плохо, но ничего не нашли. На столе были холодная баранина, салат-латук, свекла, помидоры и картофель в мундире. Потом пикантный сыр, но Лоис его не ела, и фруктовый салат в сиропе. Она съела порцию, но его ели и я, Элли, Энтони и Джулия.

- Салат был в разных салатницах?
- Да.
- Кто подавал его?
- Поднос стоял перед Лоис. Она взяла одну салатницу, потом раздала остальные.
- Себе она взяла сама?
- Да, определенно.
- У нее была какая-то причина брать именно эту салатницу, а не другую?

Джимми снова уронил ключи, но на сей раз не стал их поднимать.

- Да: в ней не было сливок. Я даже не подумал об этом – Лоис не ест сливок.

Мисс Сильвер на несколько секунд прекратила вязать и серьезно посмотрела на него.

- Кто имел доступ к ним после того, как кухарка приготовила салат?

Джимми пустился в объяснения:

– Энтони – мой двоюродный брат Энтони Леттер – собрал тарелки и унес их. У нас нет надлежащего штата прислуги, поэтому мы обслуживаем себя сами... Джулия и Элли, мои сводные сестры – миссис Стрит и мисс Уэйн – ходили туда-сюда... Минни тоже. Я не хотел, чтобы она что-то делала, и без нее там было много людей, но она тоже ходила. Кажется, Джулия принесла сыр, а Минни салатницы. Она всегда что-то делает – такая услужливая.

Мисс Сильвер положила вязанье на подлокотник кресла и встала.

– Думаю, мистер Леттер, прежде всего вам нужно продиктовать мне сведения о своих домашних. Чтобы у меня не возникало путаницы.

Подняв ключи и последовав за ней к письменному столу, Джимми виновато подумал, что в этой путанице виноват только он. Если бы его мачеха не вышла снова замуж, объяснить все было бы гораздо легче, но тут еще и Минни, никакая не родственница...

Тут Джимми пришло на ум, что, если бы не Марсия с ее близнецами, Минни вообще не появилась бы в доме. Он понял, что не может представить себе последние двадцать пять лет жизни без нее и не видит без нее будущего. А мисс Сильвер тем временем достала ярко-красный блокнот, написала заголовок и, не отводя карандаша, ждала нужных ей сведений.

Нельзя сказать, что манера, в которой Джимми излагал их, могла что-то прояснить. Но мисс Сильвер была опытной и настойчивой. Когда он уклонялся в сторону, она возвращала его назад, когда путался, находила нить и распутывала ее. В конце концов она аккуратным почерком записала в свой красный блокнот всех:

Мистер Джеймс Леттер, 51 год – владелец усадьбы Леттер-Энд, деревня Рейл.

Миссис Леттер, 37 лет, в прошлом миссис Даблдей – состоит в браке два года.

Энтони Леттер, 29 лет – двоюродный брат, недавно демобилизованный, собирается вступить в семейный издательский бизнес младшим партнером.

Мисс Джулия Уэйн и миссис Стрит, по 24 года – близнецы, дочери мачехи мистера Леттера. Муж миссис Стрит находится в госпитале в Крэмптоне. Мисс Уэйн занимается литературной работой в Лондоне, но часто приезжает в Леттер-Энд в последние две недели. До этого был большой перерыв.

Мисс Минни Мерсер – дочь покойного доктора Джона Мерсера, семейного врача жильцов Леттер-Энда. В доме появилась после того, как миссис Уэйн вернулась в Леттер-Энд. Близнецы родились через несколько месяцев.

Миссис Мэнипл, 70 лет, кухарка-экономка – работает в Леттер-Энде пятьдесят четвертый год.

Полли Пелл, 17 лет – судомойка.

Миссис Хаггинс – приходящая по вызову прислуга.

Не особенно длинный список, не так уж много сведений, но потребовалось немало времени, чтобы их записать.

Мисс Сильвер выпрямилась в кресле и, не откладывая карандаша, негромко кашлянула, привлекая к себе внимание.

– А теперь, мистер Леттер, скажите мне, держит ли кто-нибудь из этих людей зло на вашу жену?

– С чего бы?

– Вот я и хочу узнать от вас. К примеру, вы сказали, что мисс Уэйн, которая сейчас приезжает часто, не бывала у вас долгое время из-за напряженных отношений. С кем у нее случилась ссора? С вашей женой?

– Ну, собственно, это не было ссорой. Видимо, я создал у вас неверное впечатление. Надеюсь, вы этого не записали. Просто они оказались недовольны друг другом – во всяком случае, Джулия. Лоис отнеслась к этому по-ангельски – она никогда не держит зла – и всегда говорила, что Джулия станет приезжать. Так и вышло.

– Соры не было?

Джимми покачал головой:

– Для нее не было причины. Я очень люблю Джулию – любил всегда, – но она часто вспыливает. Девушка очень добрая, но импульсивная – не дает себе времени подумать. Элли совсем другая – мягкая. Жаль ее, муж потерял ногу...

Он принялся рассказывать о Ронни Стрите, но мисс Сильвер вернула его к теме разговора.

– Все понятно, мистер Леттер. Надеюсь, он вскоре будет в состоянии получить то место, о котором вы говорили. Теперь о мисс Мерсер. Вы сказали, что она покидает ваш дом, прожив там двадцать пять лет. Это из-за какого-то разрыва с вашей женой?

Джимми заметно огорчился:

– Нет-нет – конечно, нет. Она хочет уйти.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, это не ответ на мой вопрос. Почему мисс Мерсер хочет уйти?

Он провел ладонью по волосам.

– Не знаю. И это меня беспокоит – я знал Минни до того, как она поселилась в нашем доме. Видите ли, моя мать умерла при моем рождении, и отец не мог этого перенести. Отправился за границу – в путешествия, понимаете. Так вот, миссис Мерсер взяла меня к себе. Она только что потеряла ребенка. Минни родилась три года спустя. Мой отец женился снова, когда мне исполнилось пятнадцать. Я жил у Мерсеров, пока не пошел в частную школу, и потом приезжал к ним на каникулы. Минни мне все равно что сестра.

Мисс Сильвер пытливо рассматривала его маленькими неяркими глазами.

– Сестры и жены не всегда ладят, мистер Леттер.

Джимми потер нос.

– Да, это так. Не понимаю, почему женщины не живут в ладу друг с другом. Вот и Лоис – с Минни невозможно поссориться. Она из тихих, мягких девушек – вечно делает что-то для других, никогда не думает о себе. Но Лоис говорит, что Минни действует ей на нервы. – Он снова с силой потер нос. – Почему?

– Не знаю, мистер Леттер. Вполне возможно, что миссис Леттер тоже не знает. Но вы сказали достаточно о желании мисс Мерсер уйти из вашего дома.

Вид у него стал жалким.

– Я напрямик спросил Минни, почему она хочет уйти, но толку не добился. Достаточно взглянуть на нее, чтобы понять, как она несчастна. Я попросил ее остаться, но Минни лишь побледнела как полотно и вышла из комнаты.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Так вот, мистер Леттер, двое ваших домашних не в особенно хороших отношениях с вашей женой. Что скажете о миссис Стрит?

Джимми около четверти часа рассказывал, как ангельски Лоис относится к Элли: «Заботится о ней, будто мать. И конечно, как она говорит, нельзя селить беднягу Ронни Стрита в нашем доме – Элли будет только совершенно выбиваться из сил».

Мисс Сильвер мысленно добавила Элли Стрит к перечню тех, кто не имеет особых причин любить миссис Леттер. Ее вопросы об Энтони Леттере тоже дали пищу для размышлений.

– О, Энтони добрый приятель Лоис – познакомился с ней еще до меня. Не скрою, он заставлял меня нервничать. Конечно, он немного младше ее, но Лоис выглядит гораздо моложе своих лет. И они постоянно бывали вместе – знаете, я не думал, что у меня есть шанс. Энтони красивый парень. Я никак не думал, что она обратит на меня внимание, но обратила – не могу понять, почему. Правда, Энтони последние два года был за границей – только что демобилизовался. Я говорил вам об этом.

У мисс Сильвер возник еще вопрос:

– У вашей кухарки, миссис Мэнипл, есть причина недолюбливать вашу жену?

– Нет-нет.

– Она не получила предупреждения об увольнении?

Джимми ужаснулся:

– Разумеется, нет! Она же присутствовала при моем крещении.

Мисс Сильвер написала еще несколько строк в красном блокноте. Потом закрыла его, подняла взгляд и заговорила:

– Попрошу вас рассказать побольше о вашей жене и ее приступах. Два описанных вами произошли около двух недель назад. Думаю, вы не приехали бы ко мне, если бы после них ничего не случилось. Теперь, когда я знаю о ваших домашних, расскажите мне о более поздних случаях. Например, когда миссис Леттер начала думать, что кто-то пытается ее отравить?

– После второго приступа. Она рассказала мне, что ходила к этому типу Мемнону и что он предостерег ее относительно яда.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Когда произошел очередной инцидент, мистер Леттер?

Джимми потер нос.

– Не знаю. Я был в отъезде – пришлось ехать в Девоншир, улаживать дела одной старой родственницы. Когда вернулся, Лоис ничего не сказала, но теперь говорит, что, пока меня не было, дважды чувствовала себя плохо. Признаться, я не придавал этому особого значения – решил, что у нее просто случилось расстройство желудка. Эти расстройства иногда случаются, так ведь?

Что, например, в первый раз у нас было очень вкусное блюдо с грибами – там мог оказаться несъедобный гриб. Во второй раз фруктовый салат, политый кюммелем, – расстройство мог вызвать он. А когда я вернулся домой, Лоис выглядела совершенно здоровой, поэтому я решил, что у нее просто навязчивая идея из-за слов этого Мемнона.

– Вполне естественно, мистер Леттер.

– Однако на другой день после моего возвращения ей стало очень плохо, когда она выпила кофе.

– Кофе по-турецки, приготовленный специально для нее?

– Да. Лоис пила его, и мы разговаривали, и вдруг она сказала: «С этим кофе что-то неладно», поставила чашку и выбежала из комнаты. Я пошел за ней. Ее очень сильно рвало, бедняжку. Когда я смог оставить ее, то пошел взять кофейную чашку. Ее унесли в кладовую, но гуща сохранилась. Наутро я повез чашку в Крэмpton, в большую аптеку. На дне чашки оставалось много гущи, ее подвергли анализу.

– Так, мистер Леттер?

Джимми посмотрел на нее растерянно.

– И ничего не нашли.

Мисс Сильвер кашлянула.

– У вашей жены болезненное воображение?

– Я бы не сказал.

– Тогда существуют только две возможности. Первая – миссис Леттер вызвала эти приступы тем, что одержима мыслью о яде. Другая... – Мисс Сильвер выдержала небольшую паузу. – Мистер Леттер, приходило вам в голову, что с кофейной гущей в чашке могли что-то сделать?

Джимми как будто очень встревожился.

– Как это понять?

Она серьезно ответила:

– Если в кофе был добавлен яд, гущу могли выбросить, чашку вымыть и налить в нее другой кофе.

Джимми воззрился на нее.

– То же самое сказала Лоис, когда я вернулся и сообщил ей об анализе в аптеке. Сказала, что чашку, наверно, вымыли и сделать это мог кто угодно.

– Мистер Леттер, кто находился в столовой?

– Энтони, Джулия, Элли, Минни, Лоис и я.

– А миссис Мэнипл и эта девочка Полли в кухне?

– Да.

– Кто отнес чашку в подсобку?

– Минни.

– Была у кого-нибудь из остальных возможность вымыть ее?

– Минни этого не делала, – с жалким видом ответил Джимми. – Я ее спрашивал. Спрашивал всех – Лоис сказала, что, должно быть, кто-то из них ее вымыл. Но все ответили, что не мыли ее.

– Что сказала на это ваша жена?

– Что вымыть чашку мог кто угодно из них.

– Это действительно так?

– Видимо. Элли уходила поговорить с миссис Мэнипл, Джулия уходила искать ее. Вместе с Энтони.

– Они все время были вместе?

Джимми потер нос.

– Нет, не были – они часто ходили туда-сюда. Честно говоря, это раздражало: Лоис вбила себе в голову, что кто-то пытается ее отравить, и значит, думала, что это кто-нибудь из домашних.

Мисс Сильвер ненадолго закрыла глаза. Она видела в иллюстрированных изданиях снимки красивой миссис Леттер и теперь старалась припомнить эти фотографии. Посмотрев на Джимми, она произнесла:

– Я видела снимки вашей жены и хотела бы освежить свою память. Нет ли у вас случайно ее фотографии?

Джимми достал из внутреннего кармана бумажник и с гордостью протянул ей. Внутри был миниатюрный портрет на слоновой кости. Видя, как пристально разглядывает его мисс Сильвер, пояснил:

– Сходство здесь полное.

Мисс Сильвер долго разглядывала миниатюру. За это время ее представление о Лоис Леттер как о страдающей истерической фантазией особе рассеялось. Это был портрет решительной, волевой женщины. Очертания щек и челюсти, форма подбородка, изгиб губ красноречиво свидетельствовали об этом. Красивые красные губы были суровыми. Глаза при всей их красоте и ясности тоже казались суровыми. Эта женщина знала, чего хочет и как это заполучить.

Мисс Сильвер вернула бумажник, сказав, что сходство, очевидно, поразительное. Затем, когда Джимми подтвердил это, остановила на нем серьезный взгляд и спросила:

– Мистер Леттер, хотите узнать, что я думаю об этих происшествиях?

– Да, да, конечно, хочу.

– Но сперва скажите, пожалуйста, имел последний приступ тяжелые последствия? Например, вернулась ли ваша жена к компании в гостиную, как в прошлом случае?

– Да, вернулась, – ответил Джимми. – Рад сообщить, что Лоис выглядела совершенно здоровой.

Мисс Сильвер убедительно заговорила:

– Тогда сомневаюсь, что это была попытка отравления. Думаю, кто-то играл с ней шутку. Разумеется, очень дурную, злобную, однако не рассчитанную на серьезные последствия. Симптомы, которые вы описали, могут быть вызваны безвредным рвотным средством, ипекакуаной – лекарством, которое есть в большинстве домов. У него приятный сладковатый вкус, неосязаемый во фруктовом салате или в кофе – особенно если в последний добавлены сахар и коньяк.

Лицо Джимми так внезапно приняло свое естественное выражение ребячливости, что ей на ум пришло нелепое сравнение с резиновой маской, которую можно растянуть до печального вида или сжать до веселого. Мисс Сильвер отогнала эту неуместную мысль и ответила улыбкой на его улыбку.

– Это замечательно... – начал было Джимми, но вдруг умолк. – Но никто в доме не станет устраивать такую шутку. Кто мог бы?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, вы всерьез хотите, чтобы я ответила на этот вопрос?

Он уставился на нее.

– Еще бы, конечно.

– Тогда мне нужно приехать к вам и пожить в вашем доме.

– Вы приедете?

Она кивнула:

– Если хотите, чтобы я взялась за это профессионально.

Джимми отодвинулся вместе со стулом назад, хотел было встать, но передумал.

– Ну, не знаю, – неуверенно заговорил он. – Нет – право, не знаю. Не могу поверить, что кто-то из домашних способен на такое, никак не могу. Не считаю возможным поместить их под пригляд детектива – это приведет к всевозможным ухищрениям.

– Им будет необязательно знать, что я детектив.

Джимми покраснел.

– Нет, сделать этого я не могу, – торопливо сказал он и поднялся со стула. – Большое спасибо, что позволили приехать и увидеться с вами. У меня прямо-таки камень с души свалился. – В его голосе слышалось беспокойство. – Будьте добры, скажите, сколько с меня... я вам что-то должен, помимо огромной благодарности, так ведь?

При виде ее улыбки он почувствовал себя наивным мальчишкой.

– Нет, мистер Леттер, если не решите нанять меня. – Мисс Сильвер встала и протянула руку. – Позвольте дать вам совет?

– Буду очень признателен.

Джимми задержал в руке ее маленькую, прохладную ладонь. Она высвободила ее и заговорила:

– Не старайтесь объединять в одном доме людей, чуждых друг другу. До вашей женитьбы мисс Мерсер, в сущности, была хозяйкой в доме. Теперь она в ином, возможно, нелегком положении. Думаю, ее решение сменить место жительства разумно. Пожалуйста, не пытайтесь разубедить ее. То же самое с вашими двумя юными сводными сестрами, миссис Стрит и мисс Уэйн – пока вы не женились, Леттер-Энд был их домом. Думаю, им не стоит по-прежнему смотреть на него так. Всячески поощряйте их, если возможно, даже финансово, создать для себя дома и центры интересов... – После паузы мисс Сильвер добавила: – Думаю, вам следует подумать о пенсии своей старой экономке, если это можно сделать любезно. Такие старые слуги не всегда приспосабливаются к новым хозяйкам, а она, проработав у вас более пятидесяти лет, вполне заслужила обеспеченный покой. И вот еще что. Я настоятельно советую миссис Леттер не есть и не пить ничего такого, что приготовлено отдельно или тем более специально для нее. Всего доброго, мистер Леттер.

Глава 12

Через два дня Энтони Леттер позвонил Джулии в ее квартиру.

– Можно приехать, повидаться с тобой?

– Если тебя не пугает жуткий беспорядок. Я привезла из Леттер-Энда множество своих вещей – главным образом, книги – и распаковываю их. Весь пол в книгах.

Войдя через двадцать минут, Энтони обнаружил, что это преуменьшение. Книги не только валялись по всему полу, но и стояли стопками на всех стульях, громоздились на раздвижном столе и на диване, служившем кроватью Джулии. Сама Джулия в красном халате, похоже, стиранном с тех пор, как он видел его последний раз, но быстро покрывавшемся пылью, хмуро посмотрела на него.

– Ужас, так ведь? Не знаю, что происходит с книгами при распаковке – их кажется в десять раз больше. Должен прийти человек, повесить полки вокруг окна, и не знаю, как буду есть или спать, пока он не закончит. Я подумала, может, составить большие стопы по обе стороны двери?

– Ладно, давай сделаем каждый по стопе. Нет, я буду подносить тебе книги, а ты составлять их. Твоя одежда не пострадает, а моя определено.

– Пострадают твои драгоценные колени брюк! – отозвалась Джулия. – Ладно.

Они принялись составлять книги. Минуты через две Энтони спросил:

– Ну, как дела?

– Отвратительно!

Энтони приподнял бровь:

– В каком смысле?

Джулия с силой положила на стопу толстую книгу и ответила:

– Во всех, какие только могут прийти тебе в голову! Лоис клянется, что ее кто-то пытается отравить, Джимми, можно сказать, рвет на голове волосы, Элли своим беспокойством доводит себя до болезни, а у Минни совсем больной вид. Не знаю, как только я все это вынесла. Если бы не Элли, я бы не появлялась там, но оставить ее одну не могу. Мне требовался повод, чтобы приехать туда, вот я и привезла эти чертовы книги, но завтра поеду опять. Ты, наверно, не сможешь тоже поехать?

– Смогу, дорогая, – но ты говоришь это слишком уж соблазнительно.

Энтони увидел в ее взгляде такую мольбу, что противиться ей было трудно.

– Энтони, поехали! Право, это ужасно. Не думаю, что смогу разобраться с этим в одиночку, а разобраться нужно. У меня есть идея...

– Какого рода?

Джулия заколебалась.

– Эта проблема с ядом – она неприятна и, возможно, серьезна. У Лоис было пять приступов рвоты. Сами по себе они не страшны – ее вытошнит, и она снова в полном порядке. Так вот, либо она шутит над нами, либо кто-то шутит над ней. Она не хочет обращаться к врачу и клянется, что кто-то пытается ее отравить. – Джулия издала презрительный смешок. – Отравители так не действуют. Нет – она делает это сама или же делает кто-то, чтобы напугать или наказать ее.

Энтони покачал головой:

– Сама Лоис определенно этого не делает.

– Да, я тоже так думаю. Слишком уж некрасиво. Значит, делает кто-то другой. Кто?

– Не знаю. Ты упомянула, что у тебя есть идея. Скажешь, в чем она заключается?

– Да, должна сказать. У меня ужасное подозрение, что, возможно, это Мэнни.

Он посмотрел на нее с тревогой, потом на его лице отразилось облегчение.

– Мэнни?

– Кто еще есть в доме? Элли, Минни, я, ты, Джимми? Понимаешь? Но Мэнни – тут я не уверена. Она ужасно сердилась, что миссис Марш отправляют в приют. Сказала – и это совершенно справедливо, – что Глэдис Марш не отважилась бы на это, если бы ее не поддерживала Лоис. Мэнни вся кипит из-за коттеджа Ходсона, из-за того, что Лоис не хочет

видеть Ронни в Леттер-Энде, и... да еще многого. Бедная Минни стала последней каплей. Мэнни знает, что она уходит, и, естественно, знает, что причиной этому Лоис. А у нее в углу кухонного шкафа стоит бутылка с настойкой ипекакуаны, ей ничего не стоит добавить чайную ложечку в блюдо или напиток, приготовленные только для Лоис.

– Дорогая, до чего пыльное у тебя воображение!

– Если бы. Я бы не хотела так думать, но почти уверена, что это Мэнни. А это опасно, Энтони.

Энтони спокойно сказал:

– Доказательств нет. Что ты собираешься предпринять?

Он сидел на подлокотнике заваленного книгами кресла. Джулия, хмурясь, подняла на него взгляд.

– Не знаю... наверно, поговорю с ней.

Губы Энтони насмешливо изогнулись.

– И что станешь делать, если Мэнни, обливаясь слезами раскаяния у тебя на плече, во всем признается?

Джулия слегка побледнела.

– Наверно, нужно будет рассказать все Джимми, убедить его отправить Мэнни на пенсию.

– Пенсии для престарелых отравителей, – язвительно произнес Энтони. – Дорогая, наглости тебе не занимать! Но, предположим, она не признается – тогда что?

Глаза Джулии расширились. В косом свете из окна за его спиной они походили на озерца темной от торфа воды в солнечных лучах. Она медленно заговорила:

– Я не знаю. Не представляю, что тут делать. Это не дает мне спать по ночам. Понимаешь, Лоис у всех вызывает ненависть, а когда тебя ненавидят все окружающие, непременно происходит что-то жуткое. Это как в наэлектризованном воздухе – неизвестно, куда ударит молния.

Энтони холодно сказал:

– Дорогая, побереги драматизацию для великих романов.

Глаза Джулии гневно вспыхнули.

– Можешь смеяться, но ты не знаешь, каково это! Я не драматизирую, я излагаю тебе факты! Лоис то ли боится, то ли... не знаю что. Знаешь, каково это, когда человек ничего не выказывает, но чувствуешь, что он внутренне напряжен, это с ней и происходит. А Джимми не позволяет ей ни есть, ни пить ничего, приготовленного для нее специально. Хочет, чтобы она отказалась от своего отвратительного кофе по-турецки, она не соглашается, поэтому он, бедняга, тоже пьет его, и видно, что через силу. Конечно, он прекрасно знает, что раз сам пьет его, никто не станет устраивать такие шутки.

– Значит, приступов рвоты больше не было?

– После твоего отъезда нет. Послушай, это похоже на обвинение, разве не так? – Губы ее слегка растянулись, но до улыбки дело не дошло. Джулия взяла небольшую стопку книг, положила на большую стопу и сдержанно добавила: – Но, естественно, устраивать эти шутки ты не мог.

Энтони сидел, покачивая ногой, и наблюдал за Джулией.

– Ты хотела сказать мне комплимент – любезно отдать должное моей законопослушности?

– Нет. Ты вне подозрений, потому что...

Джулия внезапно прикусила губу и умолкла. Какую безмозглую дуру делает из тебя ревность. Однако если она постоянно тебя донимает, ты однажды не выдержишь и говоришь то, чего никак не собиралась.

Он насмешливо посмотрел на нее.

– Лестно, но неубедительно. Я бы хотел знать, почему ты не видишь во мне возможного отравителя.

Джулия ответила серьезно и бесхитростно:

– Потому что Лоис тебе нравится. Она была очень дорога тебе.

Энтони покачал головой:

– Дорогая, это не так.

Она неожиданно вспыхнула.

– Ты был влюблен в нее!

– Это совсем другое, мое дитя.

Вчерашний огонь давно догорел, вчерашний пепел остыл;
И ничего не купишь на деньги, что в прошлом году пропил.

У Джулии радостно екнуло сердце: Энтони говорил то, во что ей больше всего на свете хотелось верить. Екнуло и упало снова. А что еще он мог сказать? Не скажет ведь он ей или кому бы то ни было, что до сих пор влюблен в жену двоюродного брата. Она уныло проговорила:

– Завтра мне нужно вернуться туда, и там будет сущий ад. Новая прислуга Лоис явится только через две недели, поэтому нам придется держаться там до тех пор. Элли и Минни работают, поэтому не могут уехать. Да и деваться им некуда. Минни, рада сказать, не пойдет к этой отвратительной старухе мисс Грей, Элли пока что не смогла найти комнату – Ронни отправляют в Брайтон, а там полно приезжих. Мне придется быть рядом, пока они там. Только надеюсь, что обойдется без финальной ссоры с Лоис.

Энтони издал сухой смешок.

– Уверена в себе?

Джулия резко заговорила:

– Я не должна ссориться с ней из-за Элли. И постоянно твержу это себе. Знаешь, Энтони, я не даю волю ненависти к ней, но могу дать.

– Дорогая, ты превосходно притворяешься.

Джулия посмотрела на него – глаза ее были мрачными, свет из них исчез, а брови сошлись в прямую черную линию.

– Я много думала об этом. Ненавидеть можно по-разному. Думаю, ненавидеть умом нормально. Умом ненавидишь не людей – ненавидишь отвратительные поступки, которые, наверно, всем ненавистны. Это нормально, но когда начинаешь ненавидеть сердцем, это опасно, это выводит тебя из душевного равновесия, и ненависть затмевает твой разум. Ты не знаешь, куда она тебя заведет, что вынудит сделать. Я всеми силами стараюсь ненавидеть только поступки Лоис, но иногда мне становится страшно.

Энтони встал. Слова Джулии сильно его затонули, но он не хотел этого показывать. Поднес ей с полдюжины книг и, когда она взяла их, положил руки ей на плечи и слегка встряхнул ее.

– Ты глупое дитя, но намерения у тебя добрые. Следуй им! Элли не будет пользы, если ты подольешь масла в огонь.

Джулия засмеялась, давая выход радости, которую всегда испытывала, когда он ее касался. Между ними не только шел разговор, но и, казалось, проходил сильный ток. Джулия искренне сказала:

– Я не хочу ссоры.

Глава 13

Энтони поехал в Леттер-Энд на другой день. Нехотя – интуиция восставала против этой поездки, но он поехал. Не по просьбе Джулии. Ему было трудно отказать ей, но он отказал. И надеялся упорствовать в своем отказе, однако в тот же вечер ему позвонил Джимми. Сказать «нет» Джулии было возможно, хотя и трудно. Сказать то же самое Джимми во время трехминутного телефонного разговора оказалось никак нельзя.

– У меня есть очень важная причина желать твоего приезда. Собственно, я хочу поговорить с тобой о девочках. Им потребуются какие-то деньги. Старая Элиза Рейвен оставила мне кое-что – ты знаешь, что я ездил улаживать ее дела. Так вот, я хочу передать эти деньги девочкам. Подумал, что, может, ты будешь их попечителем. А потом Минни – не скрою, я очень из-за нее расстраиваюсь. Мне нужно поговорить с тобой.

Говорить все время «нет» невозможно. Впоследствии Энтони задавался вопросом, изменилось бы что-нибудь, если бы он не приехал. Могло измениться очень многое, могло не измениться ничего. То, что зависело от злого умысла, возможно, было уже подготовлено. То, что зависело от случайности, могло случиться так, как случилось. Или, возможно, ничего случайного не было, и тогда трагедия оказалась бы гораздо тяжелее. Как повлияло на произошедшее его присутствие в Леттер-Энде, он так и не сумел решить. Несомненным было только, что, узнай он о предстоящем, то даже в последнюю минуту, даже в деревне Рейл, развернул бы машину и вернулся в город.

Энтони взял с собой Джулию. Что до ее настроения, то барометр поднялся, небо разъяснилось, светило солнце. То, что это был не по сезону дождливый сентябрьский день, не имело значения. Джулия возила свою погоду с собой, и когда рядом находился Энтони, пасмурных дней не случалось. Пусть бы бушевала буря, пусть бы произошло одно-два землетрясения, вспыхнул пожар – все равно бы потоками лился солнечный свет, красовались бы очаровательные радуги. В тот день ей было совершенно не важно, что идет дождь, что в сельской местности их взгляд упирается в мокрые живые изгороди и белые завесы тумана. Все равно можно было говорить. И Джулия говорила:

– А Лоис все-таки досталось по кумполу.

– Дорогая – что за выражение!

Она засмеялась:

– Знаю, знаю! Но иногда нужно давать себе волю. Иначе становишься зажатой и церемонной. Вот пишу я, соблюдая все правила.

– *Dulce est desipere in loco!*⁸[8] Ладно, от кого досталось Лоис по кумполу?

– От Джимми. Он встретился со старым Ходсоном на тропинке, и Ходсон отчитал его, как следует: «Такого не случилось бы во времена вашего отца, тем более деда – выгнать из дома бедного человека, чтобы пустить туда чужаков!» И все в таком духе. Джимми только стоял, разинув рот. А когда произнес: «Но я думал, вы хотели уехать к снохе», Ходсон ответил: «А кто сказал вам такую грязную ложь, мистер Джимми?»

Энтони присвистнул:

– И что последовало? Кстати, как ты все это узнала?

– Я была там. И не помню, когда так радовалась. Джимми сообщил Ходсону, что произошло недоразумение, что он может жить в этом коттедже, сколько хочет. Потом отправился домой и вышел из себя. Я ушла, но перед этим слышала, как он сказал Лоис, что она должна оставить управление усадьбой ему. Надеюсь, этот урок пойдет ей на пользу.

– Добрая надежда не принесет вреда, – сухо заметил Энтони. – Когда все это произошло?

– Перед моим отъездом оттуда. Энтони, я очень расстраиваюсь из-за Минни. Думаю, у Элли все будет хорошо, если мы поможем ей продержаться еще полгода. Джимми хочет оказать ей денежную помощь, и если она снимет комнату в Брайтоне, то сможет каждый день видеться с

⁸ Отрадно предаться безумию там, где это уместно! (*лат.*)

Ронни, и ей не придется заниматься изматывающей работой по дому. Думаю, у нее все будет в порядке – мне нужно так думать, иначе просто взорвусь. Но Минни – знаешь, она гордая при всей своей мягкости. Денег у Джимми не возьмет ни в коем случае. Вот что меня пугает – ей не на что будет жить. И вид у нее ужасный – Джимми очень расстраивается из-за этого. Сделать что-то может только Лоис. Мог бы ты поговорить с ней?

Энтони хмуро смотрел на длинную мокрую дорогу, убегающую в туман.

– Уже говорил.

– Есть какая-то польза?

– Тогда я подумал, что да. По крайней мере, что есть надежда. Теперь так не думаю. Дело в том, что Минни действует на нервы Лоис – и тут ничего не поделаешь. Там все будет выметено под метелку и устроено по-новому. Думаю, после этого появляться в Леттер-Энде все мы будем нечасто.

После долгого молчания Джулия заговорила:

– Это почти как... ампутация, правда? Я не должна бы ощущать этого, потому что редко там бываю, но все равно больно. Глупо с моей стороны, но в числе некоторых вещей мне больше всего не нравится, что мамин портрет висит на стене за креслом этой женщины. Меня это больно ранит.

– Джимми отдаст тебе этот портрет, если попросишь.

Лицо Джулии потемнело.

– Не могу! Это все равно что выгнать маму из дома – ради нее!

Какое-то время они ехали в молчании, их обволакивал туман. Создавалось впечатление, что они находятся в комнате с белыми стенами, такой маленькой, что невозможно отодвинуться друг от друга. Энтони улавливал ее мысли – их ритм и окраску. Что улавливала Джулия, оставалось ее секретом. Вскоре она произнесла:

– У меня возникло желание поехать не туда.

Энтони непринужденно отозвался:

– Желания ничего не стоят. Куда тебе хочется?

– В Леттер-Энд десять лет назад.

Он засмеялся:

– Я только что окончил школу, а вам с Элли было по четырнадцать лет.

– И там не было никакой Лоис. Это был бы рай, правда? – Потом Джулия сказала с неожиданной силой: – Знаешь, что она теперь сделала? Взяла в дом эту мерзкую Глэдис Марш.

– А что случилось с Джо?

– Уехал к сестре в Девоншир. Будто бы затем, чтобы вступить в дело шурина. На самом деле его терпеть не могут в деревне – возмущаются тем, что он отправил мать в приют. А Глэдис терпеть не может Рейл – им хочется уехать. Наверняка чем скорее, тем лучше. Но пока что Глэдис в Леттер-Энде и ведет себя гнусно.

– Что она там делает?

– Что-то шьет, прислуживает Лоис – и по обязанности или нет подслушивает под дверями. Элли уперлась, сказала ей, что она должна сама убирать свою комнату, но та задрала нос: «Вот еще. От домашней работы грубеют руки, и я к этому не привыкла». – Джулия издала гневный смешок. – Я сказала Элли, что подниму скандал на весь дом, если она сдастся, и Элли держится. Теперь Глэдис корчит из себя аристократку – с оскорбленным видом стирает пыль тряпкой и щеткой, словно никогда в жизни не делала уборки в комнате.

Энтони успокаивающе положил левую руку на колено Джулии.

– Дорогая, выключи газ и остынь! Если будешь так кипеть, то вся выкипишь и вспыхнешь, а этого нам не нужно. Лучше расскажи мне о своей новой книге.

Джулия бросила на него взгляд, гневный и вместе с тем нежный.

– Я занята не книгой, а этими неприятностями. Не могу писать, когда творится такое.

Однако тем не менее принялась рассказывать о книге.

Глава 14

Едва ступив в Леттер-Энд, Энтони убедился, что лучше было бы оставаться в городе, махнув рукой и на Джимми, и на дела. Десять дней назад, когда он уезжал, обстановка в доме казалась нерадостной, но то был рай по сравнению с тем, что обнаружилось теперь. Вид Минни прямо-таки ужаснул его. Она походила на лунатичку, не замечавшую окружающих в каком-то горестном сне. Ему вспомнилась картина, которую он видел однажды и с тех пор не мог забыть. Художник изобразил девушку, которую вот-вот расстреляют как шпионку. На картине она выглядела еле живой. И вспоминалась ему при каждом взгляде на Минни Мерсер. Неудивительно, что бедняга Джимми беспокоился из-за нее.

Во время разговора в кабинете с двоюродным братом Энтони забеспокоился и о нем. Что-то было неладно, и ему стоило лишь увидеть за ужином его и Лоис, дабы понять, что между мужем и женой возникли трения. Лоис выглядела превосходно и не упускала возможности покрасоваться. На Джимми она поглядывала с легким презрением. Обращалась к нему «дорогой» ледяным голосом – который тут же ласково смягчался при обращении к Энтони. Потом понижался почти до шепота, который Джимми, сидевший на другом конце стола, тщетно пытался расслышать.

Энтони сидел рядом с ней. От хозяйки нельзя отворачиваться. Нельзя пересест на другое место. Он говорил довольно громко, старясь сделать разговор общим. Отвечала только Джулия. Элли выглядела изможденной. Минни пребывала будто во сне, а Джимми определенно находился в каком-то странном настроении. Обычно пьющий меньше всех, он налил себе такую большую порцию виски, что Лоис подняла брови, и выпил, почти не добавляя содовой. Потом повторил.

Вспоминая впоследствии этот вечер, Энтони задался вопросом, мог ли он своим поведением что-то изменить. И пришел к безысходному сознанию, что слишком много людей было вовлечено во все это. Существовало очень сильное подводное течение. Его усилий оказалось бы недостаточно, чтобы остановить поток, несущий их к катастрофе.

Если бы Джимми не попросил Джулию спеть, не настаивал бы, пока отказ не стал глупостью; если бы Энтони не пошел в сад с Лоис; если бы Джимми не взвинчивал свое упрямство, уязвленные чувства и смутные подозрения большими дозами виски; если бы Глэдис Марш не вздумала принимать ванну... Что проку во всех этих «если бы»? Порой нарастающий гнев, подобно огню, начинает поглощать то, что предназначено для тушения, обращать все усилия обуздать его в еще больший жар.

Устраивая в гостиной перестановки, Лоис убрала оттуда пианино. Считалось, что оно где-то хранится, но Джулия откровенно сказала, что Лоис его продала. Однако в классной комнате было старое пианино, и все перешли туда, когда Джимми потребовал, чтобы Джулия спела.

Лоис подняла брови и издала ледяной смехок:

– Мой дорогой Джимми, как допотопно! Я полагала, что с «чутьочкой музыки после ужина» давно покончено!

Он бросил на нее возмущенный взгляд:

– А вот я люблю музыку после ужина. Я хочу послушать пение Джулии. Не слышал его несколько лет. Садись и начинай. Может, пение подсластит этот отвратительный кофе.

Брови Лоис поднялись опять.

– Тебе не обязательно его пить.

– Черт возьми, ты прекрасно знаешь, почему я его пью.

Лоис засмеялась.

– Последняя причуда Джимми! – сказала она Энтони. – Если меня отравят, он отравится тоже. Трогательная преданность – не так ли? – Взяла свою чашку с подноса и подошла к окну, где Энтони стоял вполоборота к комнате. – Настроение у него отвратительное, правда? – Она даже не потрудилась понизить голос. – Мы поссорились из-за коттеджа Ходсона. Понимаешь, мне он нужен для Гринэйкров. И все было уже устроено – старик собирался ехать к снохе в Лондон, где за

ним был бы должный присмотр. Но теперь Джимми разбивает мой замечательный план, говорит, что не потерпит этого. Что скажешь об этом? Я вне себя.

Энтони улыбнулся:

– Думаю, тебе лучше оставить этот коттедж в покое.

Лоис подалась к нему поближе.

– Пошли в сад, утешь меня. У тебя нет противоестественной тяги к сентиментальным песенкам, правда?

– Я хочу послушать, как поет Джулия.

Она бросила на него острый, язвительный взгляд, села на диван у окна и закурила.

Чуть поколебавшись, Энтони сел тоже. Он выпил свой кофе и поставил чашку на поднос. Джимми, кривясь, упорно допивал свой. Чашка Лоис, где оставалась только гуща, стояла между ними на широком дубовом подоконнике.

Энтони обратил взгляд на Элли, одиноко сидевшую в углу. Ему стало интересно, о чем она думает. Если бы он узнал, его бы это не особо обрадовало. Она вновь и вновь возвращалась к тому, что произошло днем в госпитале. Ну и что там произошло? Элли твердила себе: «Ничего – ничего – ничего». Но бессмысленно это говорить, когда ты сама не своя от горя. Ничего не произошло – совершенно ничего. Следует все время это повторять. Кажется, будто сидишь в лодке, которую заливают вода через невидимую течь, и воду нужно без остановки вычерпывать. Но если течь слишком велика, это бесполезно – вода зальет лодку.

Ей представлялось лицо Ронни, радостное, сияющее, каким она увидела его, войдя в госпиталь. И оказалось, что радовался он не ей. Элли с полминуты думала, что муж рад видеть ее, а потом он сказал, что медсестру Блэкуэлл переводят в Брайтон, в тот же санаторий, что и его. Медсестра Блэкуэлл была той самой хорошенькой смешливой девушкой. Она всегда выглядела такой свежей, будто ей не о чем было заботиться, кроме своей внешности. Ронни сказал: «Разве это не замечательно?» Элли ответила: «Замечательно...» Ее голос прозвучал утешающим эхом. И она почувствовала себя утешающей. В сердце проник какой-то холод.

Джулия взяла несколько аккордов и запела. Ее голос Энтони однажды назвал голосом сливок и меда – благозвучным, мягким, но ограниченного диапазона. Контральто часто бывают негибкими. Голос Джулии свободно лился в старых народных песнях, которые требовал Джимми, – «Барбара Аллен», «Дочь бейлифа». На манерно растянутое замечание Лоис: «Какая-то детская школа, вам не кажется?» – никто не обратил внимания.

Джимми попросил «веселую, что ты пела – со всеми животными. Мы еще называли ее “Зоопарк”».

Джулия засмеялась совершенно искренне.

– «Путь любовь найдет»? Ладно.

Она проиграла оживленную прелюдию и запела старую очаровательную песню:

По тропинкам горным,
По бурным волнам;
По пустыням черным,
По белым снегам;
В пучинах бездонных
Океанских вод;
В дебрях потаенных
Путь любовь найдет.

Даже не старайся
Ей грозить тюрьмой;
Даже не пытайся
Мнить любовь слепой;
Как ей ни препятствуй,
Сыщет в мраке брод;
В ходе трудных странствий
Путь любовь найдет.

Сокола ты сможешь
Приучить к руке;

Чудо-птицу феникс
Стиснуть в кулаке;
И голодной львице
Сунуть руку в рот;
Но сквозь твои границы
Влюбленный путь найдет.

На последнем слове Лоис встала и бросила окурок в окно. Голос ее отчетливо прозвучал сквозь заключительные аккорды Джулии:

– Ну, оставляем вас наслаждаться народными песнями. Я к ним равнодушна. Мы с Энтони идем в сад.

Об этом Энтони тоже впоследствии задумывался. Если бы он остался там, сказал с такой же откровенностью холодно и совершенно правдиво, что любит старые песни, любит слушать, как их поет Джулия, изменилось бы что-нибудь? Возможно, Лоис тоже осталась бы, стала бы возиться с вещами, которые постоянно носила в сумочке – портсигаром, зажигалкой, пудреницей; говорить, не понижая голоса; играть на нервах у Джимми. Похоже, лучше было уйти с ней в сад, оставив Джулию повышать Джимми настроение.

Энтони перешагнул через низкий подоконник и протянул Лоис руку. Она задела свою чашку подолом платья. Чашка упала на пол и покатилась, но осталась цела.

Минни вышла из своего угла, чтобы поднять ее. Осмотрела чашку, потом поставила вместе с блюдцем на поднос.

– Чашка не разбилась, – сказала она, – только с ручки откололся крохотный кусочек. Марсия очень любила эти чаши, их осталось мало. Я рада, что она не разбилась.

Она говорила так, словно разговаривала с собой – словно была одна в комнате или одна в своем сне. Потом взяла поднос и ушла.

В саду Энтони всеми силами старался развлекать хозяйку. Во всяком случае, избрал для себя роль занимательного гостя. К сожалению, чтобы разыграть сцену, требуются двое. У Лоис была своя идея для сцены, какую она хотела разыграть. Прекрасный солнечный вечер; теплый воздух; пение птичек; яркие осенние краски цветочного бордюра – такой являлась декорация. А персонажи – что могло быть более многообещающим, чем скучающая красавица и мужчина, у которого некогда пределом мечтаний было заняться с ней любовью?

Лоис начала показывать ему, что не будет против его ухаживаний. Будь это и все, то ничего особенного. В словесной пикировке Энтони мог держаться с ней на равных. Но с каждой минутой он ощущал в этой сцене что-то подспудное. Какой-то ток под опасно сильным напряжением, готовый заискриться.

Он начал искренне жалеть, что не остался дома. А потом Лоис внезапно изменила тон. Из него исчезла беспечность. Она сказала доверительным, искренним голосом:

– Энтони, я здесь смертельно скучаю.

Он с облегчением улыбнулся:

– Что я должен ответить – «Спасибо за комплимент»?

Теперь нахмурилась она:

– Я не могу жить здесь. Глупо было пытаться.

– Да ведь ты только начинаешь, – заметил Энтони. – Недели две назад ты только и говорила о том, что собираешься сделать.

Лоис сказала странно унылым тоном:

– Утрачено главное. Я не могу жить в деревне. Сниму квартиру в городе.

– Не думаю, что ты сможешь склонить Джимми жить там.

– Смогла бы, если бы постаралась, но стараться не стану.

Энтони проницательно посмотрел на нее. Такой Лоис он еще не знал. Она казалась подавленной и смотрела мимо него с каким-то застывшим выражением, ее зрачки сузились от света. Он небрежно произнес:

– Какой смысл ты вкладываешь в эти слова? Или не вкладываешь никакого?

Она негромко и упрямо ответила:

– Вкладываю. Думаю, ты понимаешь, что это за смысл.

– Надеюсь, что нет.

– Не надейся. Я не хочу и дальше жить так.
Энтони продолжал небрежным тоном:
– Потому что вы с Джимми поссорились?
– Нет, – Лоис сделала эффектную паузу, а потом добавила внезапно потеплевшим голосом: – Энтони, неужели ты не понимаешь, что жить и дальше так я не могу?
– Честно говоря, не понимаю.
– Не понимаешь? Так постарайся! Постарайся, прошу тебя. Два года назад я была дурой. Вот – говорю это сама. Если бы знать, что этот вопрос с Даблдеями не будет рассматриваться в суде... Знаешь, я не могу жить без денег – бессмысленно делать вид, будто это не так. В этом отношении я всегда была совершенно честной, правда?
– Совершенно.
– Я не могу жить без денег и не могу жить без людей. Мне нужно вернуться в город.
Энтони серьезно заговорил:
– Лоис, по-моему, ты ведешь себя глупо. Чего ради ты устраивала все эти перемены, если не собираешься жить здесь? Освобождаешь комнаты в доме, нанимаешь новый штат прислуги. Собираешься принимать гостей, приглашать людей сюда. Джимми не станет тебе препятствовать – он любит большое общество.
Она рассмеялась:
– Нет, препятствовать мне Джимми не станет.
Энтони не ожидал ее смеха, но невольно тоже засмеялся.
– Хорошо, тогда чего ты хочешь?
Лоис повернула голову и, улыбаясь, посмотрела мимо него.
– Скажу. Или, может, сам догадаешься. А когда я чего-то хочу, то обычно добиваюсь этого.
– Вот как?
Их взгляды встретились. Ее глаза искрились. Ток снова стал опасным. Она опять засмеялась:
– Я сниму квартиру в городе. Ты станешь навещать меня там, так ведь? По выходным можно будет устраивать здесь вечеринки, чтобы заставлять слуг пошевеливаться и давать деревне пищу для сплетен.
– Звучит замечательно. А теперь, может, вернемся в дом?
– И присоединимся к поющим? – Лоис понизила голос. – Боишься оставаться со мной наедине, дорогой?
Энтони нахмурился:
– Послушай, Лоис...
– Что, святой Антоний?
Его взгляд из-под нахмуренных бровей стал холодным.
– Надеюсь, ты понимаешь, что за игру ведешь.
– А ты?
– О, конечно. Ты поссорилась с Джимми и хочешь вызвать у него раздражение, флиртуя со мной. Говорю совершенно серьезно и откровенно, что у тебя ничего не выйдет и тебе следует быть осторожнее. Я не позволю использовать себя для того, чтобы раздражать Джимми!
Лоис посмотрела на него с соблазнительной улыбкой.
– Из тебя вышел бы очень симпатичный священник. Не подумывал о том, чтобы принять духовный сан?
– Лоис, послушай! Ты скучаешь. Ты сердита на Джимми...
– А ты кружишь мне голову. Продолжай, дорогой! Это так волнующе!
– Да, продолжаю. Я сказал, что тебе следует быть осторожнее, прислушайся же к моему совету. Я уже видел Джимми в раздражении – не часто, раза три-четыре. Так вот, тут неизвестно, чего от него можно ждать. Как-то он не поладил с отцом – мне об этом рассказывала Марсия, – тогда ему было около двадцати. Так он ушел из дома и пропал. Около года не знали, жив он или нет. Потом он вернулся – с самым приветливым видом, как ни в чем не бывало. Однако никогда не рассказывал, где был и что делал. Это Джимми в совершенно ином свете, правда?
– О да, очень интригующе. Хочешь предупредить меня, что Джимми исчезнет из моей жизни, если я погуляю с тобой полчаса в саду при дневном свете? Знаешь, кажется, я смогу это пережить.
Энтони посмотрел на нее с мрачной суровостью.

– Я пытаюсь тебя предостеречь. Ты постоянно добиваешься, чего хочешь. Уезжают девочки, уезжает Минни. Все мы разъедемся по своим делам, и дом станет всецело твоим. Ладно – ты этого хочешь. Но Джимми это не нравится. Он семейный человек и не видит никаких причин, мешающих семье по-прежнему вести родовую жизнь в Леттер-Энде. Это вовсе не современно – родственники так больше не живут. Так вот, обходись с ним помягче, пока все меняется. Большинство людей не любит перемены. Джимми ненавидит их. Он вознес тебя на высоченный пьедестал. Сейчас не время его раскачивать: падать будет очень далеко.

Энтони было безразлично, разозлится Лоис или нет. Она не выказывала гнева, но стояла там, подняв лицо к его лицу и неотрывно глядя на него веселыми глазами.

– Ты говоришь, я добиваюсь, чего хочу. Я сказала тебе, что обычно так и бывает.

– Избавляешься от нас, так?

– Думаешь, я хочу избавиться от тебя?

На последнем слове было сделано отчетливое ударение. Лоис шагнула вперед и оказалась очень близко к нему. Не настолько, чтобы коснуться, но создалось ощущение касания – очень беспокойное ощущение.

Энтони часто бывал рад видеть Джулию, но больше всего обрадовался в эту минуту, когда она появилась из-за угла тисовой изгороди примерно в десяти футах. Джулия подошла к ним и твердо произнесла:

– Джимми хочет поиграть в бридж. Пойдете в дом, чтобы нас стало четверо?

Глава 15

Игра в бридж не была увлекательной, но, по крайней мере, давала возможность не общаться с глазу на глаз. Джимми был слегка пьян, обидчив – возникшая у него подозрительность уже исчезла, но оставался во всех отношениях собственной противоположностью. У него имелись великолепные карты, и он играл ими с чрезмерным пренебрежением ко всему, кроме сиюминутной прихоти. У Джулии, его партнерши, вид был отсутствующий. Выражение лица казалось замкнутым. С начала до конца она не произнесла без необходимости ни единого слова. Лоис выглядела просто скучающей. Если она ничего не говорила, было ясно, что это не стоило труда. Нет, игра была не увлекательной, но гораздо предпочтительнее уединения с Лоис.

– Боюсь, завтра мне придется уехать чуть свет, – обратился Энтони к кузену. – Мне нужно успеть на встречу с одним человеком. В Лондоне он будет проездом – едет на юг из Шотландии. Мне важно встретиться с ним. Думаю, лучше всего подойти к нему во время завтрака. Свободного времени у него будет мало.

Джимми хмыкнул:

– Как-то неожиданно, а?

– Не сказал бы. Неожиданным был мой приезд. Пришлось рассчитывать время, так как ты хотел увидеться со мной по делу.

Лоис подняла брови:

– По делу?

– По моему делу, – ответил Джимми Леттер.

Джулия внезапно устремила взгляд на Энтони. Ее сонное лицо оживилось. Она ничего не сказала, почти сразу же взяла карты и принялась сдавать.

Лоис засмеялась:

– Надеюсь, ты не ожидаешь, что кто-то из нас встанет проводить тебя?

В половине одиннадцатого все пожелали друг другу доброй ночи.

Энтони поднялся в комнату, которую занимал с десяти лет. Она находилась на втором этаже, но отличалась от остальных спален тем, что там имелась дверь на черную лестницу. Лестница круто спускалась от площадки, по ее левую сторону располагалась маленькая швейная мастерская, где работала служанка Марсии Уэйн в те дни, когда служанки шили для хозяев, а по правую – комната, которую до сих пор называли «комнатой Энтони». Там же находилась и ванная.

Когда он шел принять ванну, по лестнице поднималась какая-то женщина. Энтони замедлил шаг, дабы дать ей пройти, и увидел, что она пошла по коридору к старой швейной мастерской. Перед тем как войти туда, женщина оглянулась на него. Он увидел чрезмерно завитые светлые волосы, чрезмерно подкрашенные ресницы, алые губы и пытливые голубые глаза.

Энтони вошел в ванную и закрыл дверь. Если это была Глэдис Марш, то его не удивляло, что она не ладила с Джулией и Элли. Открыв краны и мысленно поблагодарив Мэнни за то, что нагрела воду, он подумал, что если бы Джо Марш не повел себя так по отношению к матери, то, видимо, тоже не остался бы без работы у Лоис.

Энтони нежился в горячей воде и размышлял. Худшее позади. Он выедет еще до семи часов, и ничто не заставит его снова приехать в Леттер-Энд – может, уже никогда. Серьезны намерения у Лоис или нет, но ясно, что она собирается устроить сцену. Зачем? Энтони думал об этом тогда, думал в ужасные дни впоследствии – и никак не мог найти ответ.

Отбросив эти мысли, он задумался о своих делах с Латимером. Без сомнения, его книга была замечательной. Правда, фирма решила, что некоторые эпизоды нужно переработать, и Энтони поручили работу с автором, известным своей обидчивостью. Энтони служил вместе с Латимером в начале войны, и между ними возникло нечто вроде дружбы. Пожилые партнеры похлопали новичка по спине и предложили заняться этим. «Тебе нужно будет проявить такт. Мы не хотим терять его, но не можем напечатать эти главы в таком виде». Энтони задался вопросом, насколько раздосадуется Латимер, а потом поймал себя на мысли, что должен быть благодарен ему за такой хороший повод для раннего отъезда. Никто, кроме Джулии, не знал, что он и Латимер обедали

вместе. И теперь можно будет устроить то же самое. Завтрак после проведенной в поезде ночи, очевидно, не время для оценки по достоинству тактичного подхода, но как предлог для раннего отъезда вполне годится.

Энтони вернулся в свою комнату и осознал, что, видимо, проведет здесь последнюю ночь. Его книги по-прежнему заполняли полки огромного старого книжного шкафа до потолка высотой – на нижней полке стояли переплетенные тома его детских сочинений; на следующей – книги, полученные в школе в виде призов, которые остались непрочитанными; и так далее, от любимых в подростковом возрасте вещей до длинных рядов небольших изданий в кожаных переплетах на самом верху. Кое-что ему хотелось забрать. Что до остальных, что делать с реликтами своей юности? Их следовало сдать в утиль во время войны, но он явственно представлял Джимми, властно говорящего, топнув ногой: «Вещей мистера Энтони не касаться!» Если Энтони не мог решить, что делать с книгами, то с фотографиями тем более – там были групповые снимки в школе, в колледже – бесконечные ряды лиц, спортивных курток, фуфаек. Единственный выход – сжечь. Годы войны создали неодолимую пропасть между ним и тем, что было запечатлено на фотографиях.

Энтони постоял, глядя на несколько последних групповых снимков, и пришел в уныние. Билл Роджерс погиб в битве при Эль-Аламейне, Джервис под Дувром, Мэплтон при бомбежке Лондона, Энсти в Бирме, Дэнверс во Франции, Макдональд пропал без вести неизвестно где. Не стоит оглядываться назад. Хорошие ребята, с которыми он дружил, однако жизнь продолжается... Он подумал, что у войны есть и другая сторона. Томпсон стал бригадным генералом. Странно, у солдат он не пользовался особым уважением. А Энтони Леттер, которого тогда очень уважали, остался всего лишь капитаном. Все зависит от везения. Хотя ему повезло, что остался жив после Эль-Аламейна, что получил рану, после которой два года не участвовал в боях... Возмущало же то, что он сломал ногу во Франции, когда его подвозил на джипе парень, впервые севший за руль этой машины и сам не получивший даже царапины.

Энтони решил попросить Джулию убрать все ненужное ему из комнаты, но потом передумал – это могло обидеть Джимми. И тут негромкий звук заставил его обернуться.

Кроме обычной двери в этой комнате имелась еще одна. Ее не заметишь, если не знаешь о ее наличии: она оклеена теми же обоями, что стены, и ручки с этой стороны у нее нет. Комната некогда была сдвоенной, и каморка за оклеенной дверью представляла собой гардеробную, но, сколько Энтони помнил, гардеробная служила платяным чуланом Марсии. Пользоваться ею во время игры в прятки строго запрещалось, но они всегда пользовались. Это казалось очень соблазнительным. Из каморки был выход на площадку главной лестницы. Оттуда не имелось выхода в комнату Марсии, находившуюся на другой стороне, но можно было проскользнуть из ее двери в чулан, оттуда в его комнату, а потом на площадку черной лестницы, а там подняться или спуститься, а то и выйти через вращающуюся дверь снова на площадку главной лестницы. Стратегически очень важно.

Все это пронеслось в голове Энтони, когда он обернулся, не особенно удивившись, так как все здесь давно знал. Оклеенная обоями дверь открывалась. Через секунду она открылась, и вошла Лоис.

Это его потрясло. Энтони перенесся мыслями в прошлое – ее там не было. Ей нечего делать в чулане Марсии. Эта первая инстинктивная реакция сменилась мыслью «Конечно, теперь эта каморка принадлежит ей», но тут же пришло потрясающее заключение – ей нечего делать в его комнате.

Уже наступила полночь. Очевидно, все остальные в доме спали – по крайней мере, Энтони на это надеялся. Он был в пижаме, она в negligé, какое носят соблазнительницы во всех альковных сценах: нечто прозрачное, телесного цвета, сползающее с плеча. Энтони так рассердился, что не мог ни найти слов, ни произнести их. Лоис не ждала этого и торопливо заговорила:

– Мне нужно поговорить с тобой. Энтони, пожалуйста, выслушай.

– Лоис, ты в своем уме? Мы не можем разговаривать здесь – вот так. Ради бога, возвращайся в свою комнату.

Она тихо засмеялась серебристым смехом.

– Думаешь о моей репутации, дорогой?

Энтони резко ответил:

– Я думаю о Джимми. Тебе тоже стоит о нем подумать.

Лоис подошла поближе и сказала:

– Лучше буду думать о тебе.

– Лоис...

– Ты уже два года не целовал меня. Не хочешь поцеловать сейчас?

– Лоис...

– Раньше ты не был таким холодным, мой милый.

– Раньше ты не была женой Джимми. И приходится тебе напомнить, что два года назад – это два года назад.

– Тогда ты меня любил.

– А теперь не люблю ничуть.

Она засмеялась и, сощурившись, посмотрела на него.

– Иосиф!

Энтони был так сердит, что ее слова не могли его задеть. Раз Лоис на это напрашивается, пусть получает.

– Ты в самом деле стремишься быть женой Потифара? Это отвратительно, тебе не кажется?

Дверь снова пришла в движение. На обоях были изображены букеты фиалок на белом фоне, и эти букеты шевельнулись. Энтони заметил это поверх плеча Лоис – плеча, с которого сползло ее чертовое одеяние. Дверь открылась полностью, и вошел Джимми.

Только этого и не хватало, чтобы превратить всю сцену в дрянной фарс. Однако несмотря на ярость Энтони понимал, что у этого фарса зловещий оттенок. Джимми, в голубой пижаме, с сильно взъерошенными светлыми волосами, должен был походить на комичного мужа, но не походил. Его фигура представлялась трагичной. Шагнув вперед, он смотрел на них. Его светлые глаза казались неподвижными между покрасневшими веками, лицо было мертвенно-бледным, залитым потом. При виде его даже Лоис утратила дар речи. Заговорил Джимми:

– Марш к себе в комнату!

– Право же, Джимми!

– Я слышал, что ты говорила.

Лоис издала отрывистый смешок, пожала плечами и прошла мимо него.

Энтони напоследок удивило, что хотя она едва не задела Джимми, он не шевельнулся, чтобы избежать столкновения. Ее словно бы не было здесь, и спустя секунду не стало. Дверь в стене закрылась за Лоис, но для Джимми Леттера ее не стало еще раньше. Больше не было никакой Лоис.

Вся сцена длилась одну минуту. Энтони овладел собой и приготовился спасти то, что еще можно было спасти. Произнес: «Джимми, старина...» – и Джимми обратил на него взгляд светлых глаз.

– Я слышал, что она сказала. – Потом: – Она сказала «Два года назад». Я хочу знать... что произошло... два года назад.

Его голос звучал без всякого выражения – ни следа его обычной манеры говорить. Между словами были жуткие паузы. У Джимми – у которого слова не поспевали друг за другом их бывало слишком много, чтобы аккуратно сложиться во фразу. А теперь эта однообразная монотонность: «Я хочу знать... что произошло... два года назад».

– Ничего особенного. Поверь мне. Я был влюблен в нее и сделал ей предложение. Она отказала мне и вышла за тебя. Вот и все. Я думал, ты знаешь.

Джимми кивнул. Сказал по-прежнему с трудом:

– Твоей... вины... нет...

Энтони подошел и положил руку ему на плечо.

– Слушай, Джимми, – заговорил он, – не придавай этому слишком большого значения. Ничего дурного не случилось. Право, не придавай. Я скажу тебе чистую правду. Ради бога, поверь мне. Лоис поссорилась с тобой – из-за коттеджа старого Ходсона...

– Она солгала мне по поводу коттеджа.

Плечо под рукой Энтони было холодным и твердым, как лед. Он упорно продолжал:

– Так вот, вы поссорились, и Лоис разозлилась. Она злится, если не добивается своего. И решила отомстить тебе. Лучшим способом для этого ей показался флирт со мной. Мы знаем друг

друга достаточно хорошо, чтобы разговаривать напрямик – и я сказал ей, что у нее ничего не выйдет. Тут вышла Джулия и позвала нас в дом. Женщины не любят оставлять ссору незаконченной – они ищут способа рассчитаться и оставить за собой последнее слово. Я искренне верю, что это привело Лоис сюда. Это было чертовски глупо с ее стороны, и ты имеешь полное право гневаться, но не думай, что здесь пахло чем-то худшим. Завтра в шесть утра я уеду и не стану появляться здесь – можешь мне поверить. Джимми... Господи...

Джимми Леттер посмотрел на него тяжелым взглядом и произнес:

– Это бесполезно. Я слышал, что она сказала.

С этими словами он повернулся и вышел через дверь в стене.

Глава 16

Энтони уехал из Леттер-Энда, пока все еще спали. Шаги его гулко раздавались в коридоре, словно дом опустел. Когда он отодвинул засовы и повернул в замке ключ, казалось, что кто-нибудь должен проснуться. Он вышел на улицу, трава была в росе, дул легкий ветерок. Вывел свою машину и с чувством избавления выехал на дорогу.

В следующие два дня Энтони был очень занят. Обедая с Латимером, поладил с ним лучше, чем ожидал, и тот увез его в свой коттедж на берегу Темзы. Никаких возражений Латимер слушать не хотел. Рукопись его находилась там, они могли поработать над ней вместе – «Твои партнеры сущие старые бабы, не хватало мне еще спорить с ними». И совершенно неожиданное: «Не пытайся отказываться – ты должен поехать, познакомиться с моей женой».

Латимер женат! Энтони с трудом в это верилось. Ему стало любопытно, что представляет собой миссис Латимер. По приезде он нашел ее приветливой, спокойной домохозяйкой, хорошенькой на сельский манер и прекрасной кухаркой. Такая жена как раз подходила Латимеру. Хотя, зная его, трудно было поверить, что он женат. Однако у него была супруга, и он казался образцовым, очень довольным мужем.

В фирме Энтони охотно дали отпуск, и на другой вечер в шесть часов он вернулся в отель. Едва успел переодеться, чтобы ехать в Хэмпстед на ужин с Мэтьисонами, и провел там очень приятный вечер. Где-то на периферии он все еще испытывал чувство избавления.

В отель он вернулся за полночь и обнаружил в номере записку: «Дважды звонила мисс Уэйн. Просила вас позвонить, когда вернетесь». Прочтя эти слова, Энтони нахмурился. Они напомнили о Леттер-Энде, принесли ощущение катастрофы. Ерунда, конечно, сущая ерунда. У Джулии для звонка мог быть десяток основательных причин... «Дважды звонила мисс Уэйн. Просила вас позвонить, когда вернетесь».

Энтони сел на край кровати, поднял трубку стоявшего на столе телефона, назвал номер и стал ждать. Было десять минут первого. Единственный на втором этаже телефон находился в спальне Лоис. Если Джулия ждет его звонка, то должна быть в кабинете. Энтони очень ясно представилось, как она ждет его звонка: телефон стоит на столе Джимми, а Джулия сидит в кресле перед столом в полной тишине, которая длится и длится.

Соединили их почти через полчаса. При первом звонке он поднял трубку и услышал голос Джулии:

- Энтони?
- Да. В чем дело?
- Кое-что стряслось.
- Что же?

Джулия продолжала по-французски – этот язык она учила в классной комнате под руководством мисс Смизерс. И английское произношение французских слов делало то, что она говорила, еще более невероятным.

- Нечто ужасное, Энтони. Лоис – она мертва.
- Он издал какое-то нечленораздельное восклицание.
- От чего она умерла?
- Не знаю. От чего-то в кофе.
- Джулия!
- Энтони услышал ее прерывистый вдох.
- Здесь были полицейские. Утром они вернутся.
- Когда это произошло?
- После ужина – как только она выпила кофе. Приедешь?
- Конечно.
- Рано?
- Часам к восьми.

– Приезжай к половине восьмого. Я встречу тебя у первого указателя расстояния перед деревней. Хочу поговорить с тобой.

Их соединило что-то вроде туго натянутой струны. Он сказал: «Ладно», в трубке раздался щелчок, и их разделили тридцать миль.

Энтони тоже положил трубку и почувствовал, что рука онемела от того, как сильно он ее сжимал.

Глава 17

Джулия стояла возле указателя, велосипед был прислонен к изгороди за ее спиной. Когда Энтони подъехал, она подошла к машине.

– Давай уедем отсюда. Сверни на дорогу в деревню. Я взяла велосипед Элли, от тебя не отстану.

Автомобиль заполнял дорогу почти целиком. Но это не имело значения, ведь дорогой почти не пользовались. Джулия влезла в машину, забилась в угол и без всяких предисловий сказала:

– Полагают, что это убийство.

– Почему?

– По всему, – ответила она. – Лучше будет, если я расскажу тебе по порядку.

– Да.

Джулия снова сделала прерывистый вдох. Ее волосы слегка повлажнили от утренней сырости, лицо было бледным, застывшим, голос – тихим и твердым.

– Эти два дня – после твоего отъезда – были ужасными. Видимо, произошла какая-то ужасная ссора. Думаю, ты знаешь, в чем дело. Джимми ничего не говорит. Почти весь первый день его не было дома. Лоис оставалась в своей комнате до обеда, потом спустилась. Джимми не было. За ужином они не разговаривали, поев, он вышел и заперся в кабинете.

– А что там с кофе?

– Джимми пришел за ним в гостиную, выпил залпом, будто лекарство, и ушел. На другой день – вчера – то же самое. Лоис завтракала в своей комнате. Джимми ушел и вернулся уже под вечер. Выглядел он ужасно. Всем – всем – в доме было ясно, что произошла какая-то страшная ссора. Ужин прошел отвратительно. Элли и я вымыли посуду – у Минни был такой скверный вид, что мы отправили ее к себе. Я понесла поднос с кофе в гостиную. Мэнни положила по щепотке ванили в каждую чашку – у меня на глазах. Сахар и коньяк лежали на подносе. Я внесла его в гостиную и поставила на стол. Там никого не оказалось. Я вышла на террасу посмотреть, там ли Лоис, но ее не было, тогда я пошла к кабинету и крикнула Джимми через окно, что кофе в гостиной. Обратно я не спешила. Все было очень скверно. – Джулия сделала паузу и сжалась, чтобы не дрожать от холода. На ней было теплое бобриковое пальто, но ее ничто не могло согреть. Холод шел изнутри.

– Продолжай, – сказал Энтони.

– Да, конечно. Вскоре я подошла к окну гостиной и заглянула внутрь. Все были там. Джимми сидел в своем кресле, чашка кофе стояла на столе перед ним. Он взял ее и, как всегда, выпил залпом. Лоис шла к своему обычному месту возле окна, держа чашку в руке. Минни стояла у камина. Элли – у окна. Я не хотела входить. Сказала Элли: «Дорогая, ложись спать пораньше. Я пойду, прогуляюсь». Через сад я вышла в поля. Вечер был замечательный, и мне не хотелось возвращаться. Не знаю, изменилось бы что-нибудь, если бы я вернулась. – Она снова вздрогнула.

– Продолжай, Джулия.

Джулия не сводила взгляда с его лица.

– Вернулась я в десять часов. Дверь из гостиной на террасу оказалась открыта. Я вошла в нее. Там никого не было, кроме Лоис, и я подумала, что она спит. Мне не хотелось будить ее, поэтому я решила выйти и повернулась к боковой двери. А потом я засомневалась, спит ли она. Лоис сползла в кресле и выглядела как-то неладно. Я подошла и обратилась к ней, но она не проснулась. Тогда я коснулась ее, и она сползла на пол. Я вышла и позвала Джимми. Лоис была еще жива, но мы не могли разбудить ее. Я пыталась связаться по телефону с доктором Грейнджем, но его вызвали к больному ребенку. Потом я попыталась вызвать кого-нибудь из Крэмптона. В больнице шел концерт, и мне пришлось поговорить с тремя сотрудниками, пока трубку не взял доктор Хетуэй. Он велел дать Лоис крепкого кофе и заставить ее ходить. Кофе мы в нее влили, но ходить она никак не могла. Умерла она после того, как Хетуэй приехал.

Дрожь, которую сдерживала Джулия, сотрясла ее от головы до ног.

Энтони положил руку ей на колено.

– Не надо, дорогая моя...

Джулия взяла его за руку. Ее ладонь была холодной как лед. Она продолжила:

– Он велел позвонить в полицию и ничего не трогать. Звонить пришлось мне – Джимми сидел, обхватив голову руками. И тут эта мерзкая Глэдис Марш закатила истерику – чтобы таким образом привлечь к себе внимание. Мы с Мэнни попытались унять ее, и тут из гостиной вышел доктор Хетуэй. Он добросовестный человек и хорошо знает свое дело, но очень уж подозрительный. Глэдис вывела его из себя. Она вопила: «Вы хотите заткнуть мне рот, но вам не удастся! Убийство – вот что это такое – убийство! И вам не скрыть этого!» Так вот, Хетуэй тут же взялся за нее. Велел ей взять себя в руки и, если что-то знает, рассказать.

Энтони почувствовал, как дрожит ее рука. Теперь Джулия на него не смотрела. Она убрала ладонь. Он резко спросил:

– Что она рассказала?

– Ничего хуже этого и представить нельзя. Энтони, в ту ночь она подслушивала под твоей дверью! Я говорила тебе, что она любит подслушивать. Глэдис сказала, что Лоис была в твоей комнате и Джимми застал ее там. И что произошла ужасная ссора.

Лицо Энтони стало холодным, как северо-восточный ветер.

– Это не так. Лоис вошла через чулан Марсии. Само собой, я ее не ждал. Джимми, видимо, следил за ней. Ссоры никакой не было. Он велел ей возвращаться в свою комнату – и ничего больше ей не говорил. Со мной ссоры не было. Джимми сказал, что это не моя вина, а я сказал, что уеду и больше не буду появляться в доме.

Джулия сжала свои холодные руки.

– Глэдис говорит, что Лоис называла тебя Иосифом, а ты ее женой Потифара, и что Джимми повторял: «Я слышал, что она сказала».

– В основном верно. Это и все?

– Нет. Глэдис выложила все – что Лоис говорила, будто кто-то пытается ее отравить, что у нее были приступы рвоты, и закончила вот чем: «Они это сделали – кто-то из них! Отравили ее – вот что было на уме у них всех! И они теперь пытаются заткнуть мне рот! Но если в Англии существует какой-то закон, у них ничего не выйдет!» И все в таком духе.

– Дальше что?

– Приехал инспектор – новый здесь человек. Поговорил с доктором, потом с Глэдис наедине, взял у нас показания. Мы не спали почти всю ночь. Понимаешь, это либо самоубийство, либо убийство, и ни он, ни Хетуэй в самоубийство не верят – из-за Глэдис, из-за прежних приступов и из-за того, что яд оказался в кофе после ужина. Его, конечно, пока не подвергли анализу, но они как будто уверены, что яд находился в кофе. Хетуэй говорит, что если бы Лоис хотела покончить с собой, то сделала бы это, когда легла в постель. Говорит, что самоубийства посредством снотворного всегда совершаются так.

– Почему они так уверены, что Лоис отравилась кофе?

Джулия обратила на него усталый, горестный взгляд.

– Ничем больше не могла. Мы ели на ужин рыбу – жареную треску. Ее подавала Лоис, и ели мы все. Значит, яда в рыбе не было. И сладкий омлет – его тоже подавала Лоис. И его тоже все ели. Нет – яд определенно находился в кофе.

– Джулия, у тебя были подозрения относительно Мэнни – ты думала, что это она шутит такие шутки. Ты сказала, что поговоришь с ней на эту тему. Поговорила?

– Да.

– Что она сказала?

Джулия не ответила. Она сидела, опустив взгляд на сжатые руки с побелевшими костяшками.

– Что она сказала?

Отмалчиваться не имело смысла – скрыть это не удастся. Джулия еле слышно ответила:

– Я была права – это она шутила.

– Господи боже! Мэнни!

– Но в том, что случилось вчера вечером, она не замешана. Энтони, она этого не делала – не могла!

– Откуда ты знаешь? Расскажи-ка о вашем разговоре.

Джулия снова обратила на него взгляд.

– Расскажу. Я застала ее одну и напрямик сказала: «Мэнни, ты устраивала эту шутки – отпираться бессмысленно. И это должно прекратиться». Она густо покраснела и ответила: «Не знаю, о чем вы, мисс Джулия». Тогда я сказала: «Знаешь-знаешь, Мэнни. Ты добавляла ипекакуану или что-то еще в кофе миссис Леттер, чтобы ее рвало, и это должно прекратиться. Ты ведь не хочешь оказаться в тюрьме?»

– И что она ответила?

На губах Джулии появилось подобие улыбки.

– «Уходите из моей кухни, мисс Джулия, – наговариваете на меня такое!» Но я видела, что напугала ее, поэтому обняла ее за талию и произнесла: «Мэнни, ты злобная старуха, и это должно прекратиться».

– Как она повела себя дальше?

– Встряхнула головой и вызывающе заговорила: «Что такое небольшая рвота по сравнению с тем, что она сделала другим? Скажите мне, мисс Джулия! Бедную миссис Марш выгнали из своего дома ради этой щеголихи Глэдис! И бедного мистера Ходсона из-за нее чуть не выгнали из своего! Вас и мисс Элли выживают из своего дома, и мисс Минни выгоняют, хотя деваться ей некуда! При взгляде на нее сердце разрывается!» Продолжая обнимать ее, я сказала: «Мэнни, признайся во всем, облегчи душу». Тут она расплакалась и призналась: «Лоис заслуживала наказания, и я добавляла только ложечку ипекакуаны, она даже ребенку не повредит».

После напряженной паузы Энтони проговорил:

– Да, похоже, ложечкой рвотного корня она не ограничилась.

– Нет, нет! – воскликнула Джулия. – Прошлым вечером Мэнни никак не могла бы это сделать!

– Убедить в этом полицейских тебе будет трудно.

Она схватила его за руку:

– Нет-нет – ни в коем случае не говори им! Энтони, ни в коем случае! Мэнни не делала этого – не могла сделать!

– Почему не могла? Она приготовила кофе.

– Да. Приготовила – для Джимми и для Лоис. Она знала – как и все в доме, – что Джимми пил этот отвратительный кофе и почему пил. Думаешь, она положила бы туда что-то, способное повредить ему?

– Кто-то положил.

– Значит, этот кто-то знал, какую чашку возьмет Лоис.

– Кофе был разлит по чашкам?

– Да. Там были две чашки, но Мэнни никак не могла знать, какую возьмет Джимми. Она обожает его – и скорее даст изрубить себя, чем сделает что-то, способное повредить ему.

Джулия почувствовала, что Энтони согласился с этим. И тут же у обоих возник вопрос: «Если не Мэнни, то кто же?»

Никто из них не был готов искать на это ответ. Энтони положил руку на руль.

– Поедем, наверно, а?

– Нет, – возразила она, – постой! Я хочу кое-что предложить. Я подумала, будет лучше, проще, если ты согласишься сказать, что помолвлен со мной – на то время, пока все это не закончится. Потом можно будет разорвать помолвку.

Энтони пристально посмотрел на нее. Смелость – да, в этом ей не откажешь. Произнес:

– Как-то неожиданно, а? Ты случайно не оберегаешь мою репутацию?

Джулия взглянула на него с трогательной простотой.

– Не знаю. Если не хочешь – нет. Я просто подумала, что так будет лучше для Джимми и всех остальных. Подумала: если мы сообщим, что помолвлены, никто не сможет сказать, что ты приезжал из-за Лоис, а потом мы просто разорвали помолвку – когда все будет позади.

Энтони был глубоко растроган, однако на его лице это не отразилось. Оно оставалось мрачным, сосредоточенным. Когда он заговорил, голос его звучал негромко, обыденно:

– Ладно, дорогая моя, раз ты этого хочешь. Пожалуй, ты права – для Джимми так будет лучше. А теперь едем.

Глава 18

Мисс Сильвер подняла телефонную трубку. В ней слышалось какое-то громкое жужжание. Раздался высокий девичий голос: «Тогда я сказала ему, что больше не буду с ним разговаривать...» – и внезапно оборвался. Мисс Сильвер с легким любопытством подумала, не касается ли это любовных дел привлекательной молодой женщины, недавно поселившейся в квартире этажом ниже, прямо под ней. Она видела ее в лифте, но ни разу не слышала ее голоса, иначе не пришлось бы гадать.

Жужжание продолжалось. Сквозь него очень слабо произнесли ее имя. Мисс Сильвер сразу же четко повторила его. Внезапно жужжание прекратилось. Послышался горестный мужской голос:

– Мне нужно поговорить с мисс Сильвер.

– Это я.

Голос стал еще более горестным:

– Она умерла. Вы сказали, это шутка. Но она умерла.

Лицо мисс Сильвер приняло серьезное выражение.

– Это мистер Леттер?

– Она умерла, – повторили на другом конце провода. Это походило на звучание заигранной граммофонной пластинки.

– Господи! – произнесла мисс Сильвер. – Право, мне очень жаль, мистер Леттер. Могу я что-нибудь сделать?

– Вы сказали... вы могли бы... приехать...

Мисс Сильвер кашлянула.

– Вы этого хотите?

– Вы сказали... что приедете...

Голос Джимми Леттера прервался. Судя по далекому щелчку, он положил трубку – возможно, чтобы обхватить руками голову и замереть в ожидании.

У мисс Сильвер никогда не уходило много времени на принятие решения и на сборы в поездку. Она поедет в платье для второй половины дня и в черном суконном пальто, служившем ей так долго, что его приталенный силуэт несколько раз выходил из моды и вновь возвращался. Поскольку следов износа на его ткани не было, мисс Сильвер даже не задумывалась о том, чтобы выбросить пальто. В потертый, но еще крепкий чемодан она уложила шелковое платье, чтобы надевать его по вечерам – собственно говоря, оно было лучшим из приобретенных прошлым летом, – и старый жакет из черного бархата для защиты от возможных сквозняков. К сожалению, в загородных домах бывают сквозняки. На случай возможной перемены погоды она положила в чемодан маленький меховой палантин, слегка поблекший от возраста, но удивительно хорошо сохранившийся.

Хотя и неприлично совать нос в белье женщины, у мисс Сильвер оно было практичным, теплым и носким – черные нитяные чулки, пеньюар из малиновой фланели, отороченный кружевами ее собственного плетения. Еще в чемодане были домашние туфли, расшитые бисером шлепанцы и тщательно завернутая в белый шелковый платок старая, зачитанная Библия. На сборы этих вещей много времени не требовалось, не нужно было и давать какие-то указания бесценной Эмме Медоуз. Ведя дом мисс Сильвер в течение двадцати лет, она научилась принимать все как есть, с невозмутимым спокойствием.

Мисс Сильвер приехала на вокзал заблаговременно. Успела дать телеграмму с извещением о своем приезде. Успела занять угловое сиденье и уложить чемодан на полку над головой. Потом сняла перчатки, достала вязанье из старой вместительной сумочки и продолжила вязать второй чулок для Дерека.

Ее поездка оказалась приятной. Очаровательная дама средних лет, недавно вернувшаяся из Франции, многое рассказала о социальных условиях в этой стране, а приятный джентльмен в углу

напротив интересно и познавательно описал остров Кипр. Право, день выдался очень поучительным.

Выходить мисс Сильвер требовалось на станции Уэстон, местечке немногим побольше деревни Рейл, примерно в трех милях от нее. Когда она сошла с поезда, ее встретил высокий смуглый молодой человек, который представился как Энтони Леттер.

– Джимми мой двоюродный брат. Он так расстроен, что приехать и встретить вас сам не мог.

Взяв ее чемодан и поведя мисс Сильвер через кассовый зал к ожидающей машине, Энтони решил, что бедный старый Джимми, наверно, совсем помешался. Чем еще можно было объяснить привлечение этой безвкусно одетой старой девы в свои трагические дела? Она походила на портрет викторианской гувернантки и говорила тоже так – если можно представить себе портрет, наделенный даром речи. Решив, что ее приезд, видимо, станет последней соломинкой, Энтони уложил чемодан в машину, усадил даму и тронулся с места.

К его удивлению, мисс Сильвер захотела сесть на переднее сиденье. Он с раздражением ощущал ее рядом, чопорную, прямую, в какой-то невозможной шляпке, со старым черным зонтом, висящим на ее запястье, и со сложенными на раздувшейся сумочке руками в потертых лайковых перчатках.

Когда они проехали около полумили, мисс Сильвер обратилась к нему с легким, сухим покашливанием:

– Мистер Леттер, не могли бы вы остановиться на минутку? Ваш двоюродный брат был так взволнован, что не сообщил мне никаких сведений. Я знаю только, что миссис Леттер умерла и что он просил о моем приезде. Я была бы рада услышать хотя бы краткое изложение событий.

Они находились на узкой дороге с живыми изгородями по обеим сторонам. День был замечательным, хотя и не теплым. Сентябрьское солнце грело слабее летнего. С полей по обе стороны тянуло сыростью – наверно, сырой холод ночью сменится заморозком. Ягоды боярышника и шиповника в изгородях уже почти созрели. Неохотно остановив машину, Энтони разозлился на эту пародию своего разговора с Джулией. Только сегодня утром они беседовали на узкой дороге. Джулия сидела там, где теперь мисс Сильвер. На ее волосах блестели капельки измороси. Она печально посмотрела на него и спросила, не будет ли Энтони против, если они объявят себя помолвленными – на то время, пока все не закончится.

Эта пародия вызывала у него неприязнь. Не глядя на мисс Сильвер, он отозвался:

– Я расскажу вам, что знаю. Только из вторых рук – меня здесь не было.

– Будьте так добры.

Она внимательно слушала, как Энтони повторяет то, что рассказала ему Джулия. Он не выходил за пределы окружавших смерть Лоис фактов – ужин; две чашки кофе; кто находился в гостиной; отсутствие Джулии после того, как она внесла поднос; состояние Лоис, в котором Джулия обнаружила ее в десять часов. Когда он умолк, мисс Сильвер сказала:

– Спасибо. – Потом поинтересовалась: – Полицию, конечно же, известили?

– Да.

Мисс Сильвер покашляла.

– Могу я спросить, мистер Энтони, известно полицейским о предыдущих приступах рвоты у миссис Леттер? И о том, как она утверждала, что ее кто-то пытается отравить?

– Известно.

– Им сообщил об этом мистер Леттер?

– Нет, не он.

Зачем ей это знать? Насторожившись, Энтони повернулся, посмотрел на нее и встретил такой пронизательный взгляд, что был потрясен.

– Тогда кто дал им эти сведения, мистер Энтони?

– Женщина по имени Глэдис Марш – миссис Марш. Это жена одного жителя деревни, арендатора моего двоюродного брата, но она живет в доме и представляет собой что-то вроде служанки миссис Леттер.

– Служанки и наперсницы? – уточнила мисс Сильвер.

– Возможно, – ответил Энтони, – не знаю. По крайней мере, она вечно подслушивает.

Мисс Сильвер кивнула:

– Такую опасно иметь в доме.

Его «да» было до того искренним, что она сделала собственный вывод. Ей казалось очень возможным, что при желании он мог бы сказать гораздо больше о Глэдис Марш и, возможно, еще кое о чем.

Во время ее недолгого молчания Энтони переоценивал свои взгляды. Этого требовало испытанное потрясение. Маленькая гувернантка, которую он встретил на станции, сидела рядом с ним в своей безвкусной одежде, но внутренним взором он отчетливо увидел совершенно другую мисс Сильвер. Он был достаточно умен, чтобы распознавать и уважать чужой ум. И у него создалось впечатление, что у нее ум острее его собственного, дисциплинированное, упорядоченное мышление, спокойная властность. Это поразило Энтони. На миг его зрение стало как бы двойным – он увидел двух мисс Сильвер непонятно чем связанных, а потом, словно благодаря какой-то мысленной поправке, они слились воедино. Была только одна мисс Сильвер, но не та, за какую он принял ее вначале. И его поведение бессознательно изменилось.

Наблюдавшая за ним мисс Сильвер ободряюще улыбнулась. Как и многие люди, имевшие с ней дело, Энтони мысленно перенесся к школьным дням, к первому классному помещению, когда он был маленьким мальчиком, все было пугающе новым и безнадежно неизвестным. И учительница за письменным столом – величественная, богоподобная – посмотрела на него и подбодрила: «Ну-ну, Леттер – я уверена, ты знаешь ответ». Нелепое воспоминание. Он улыбнулся ему.

Мисс Сильвер сказала:

– Продолжайте, пожалуйста, мистер Леттер. Я буду рада узнать, как там обстоят дела.

Его лицо посуровело.

– Я приехал сегодня ранним утром. Мисс Уэйн мне позвонила. Кстати, вы знаете, кто из нас кто?

– Полагаю, что да. Мистер Леттер, когда приезжал, снабдил меня множеством сведений. Вы имеете в виду мисс Джулию Уэйн?

Его брови сошлись на переносице.

– Да – мою невесту.

Мисс Сильвер покашляла.

– Мистер Леттер об этом не упомянул.

Энтони отрывисто сказал:

– Тогда мы не были помолвлены.

– Понятно. Мисс Уэйн позвонила вам, и вы приехали рано утром.

– Да. Мой двоюродный брат в ужасном состоянии. – Энтони заколебался на миг и продолжал: – Там была жуткая... – И заколебался снова.

– Ссора?

Энтони чуть было не спросил: «Как вы узнали?» Он отрицал бы это, будь в том смысл. Но смысла не было. Убийство подобно судному дню – раскрываются все тайны сердца. Нахмурившись, он употребил другое слово:

– У них возник разлад. И это расстраивает Джимми еще больше. Он корит себя. А полицейские...

– Так, мистер Энтони?

Энтони угрюмо продолжил:

– Строят догадки на этот счет. Вот почему мы сочли, что будет хорошо, если вы приедете. Вернее, так считал мой кузен. Похоже, это единственное, что его поддерживает, и мы согласились – ему нужен кто-то, способный давать советы.

Мисс Сильвер покашляла.

– Вы сказали – полицейские строят догадки. Какие?

– Думаю, вы можете догадаться.

Она посмотрела на него с легким упреком.

– Сейчас мне нужны факты, а не догадки, мистер Энтони. Я хочу получить ответы на один-два вопроса. Производилось ли вскрытие тела? Если да, то чему приписывается смерть миссис Леттер?

На оба вопроса он ответил одним словом:

– Морфию. – И добавил секунду спустя: – В значительном количестве.

– Господи! – произнесла мисс Сильвер. – У нее был морфий?

Энтони покачал головой:

– Лоис не принимала наркотиков. И недавно хвасталась этим. У нее был превосходный цвет лица. Она со смехом сказала – это оттого, что она никогда не принимала ничего подобного. Не помню, как мы подошли к этой теме, но Лоис сказала так.

– В наши дни приобрести морфий не так уж легко. Его можно купить за границей... Был он у кого-нибудь в доме?

– Насколько я знаю, нет, – думаю, это совершенно невероятно. За границей был только я. И определенно не привозил никакого морфия.

Мисс Сильвер взглянула на него проницательным, добрым, испытующим взглядом.

– Вы полагаете, миссис Леттер покончила с собой?

– Убежден, что это совершенно невероятно.

Мисс Сильвер одобительно кивнула:

– Вы ответили честно. Будь все так откровенно, моя работа значительно упростилась бы. Мне хотелось бы узнать причины мнения, которое вы только что высказали.

Энтони не чувствовал себя особенно откровенным. Из головы у него не шла полуночная сцена в его комнате. Он не верил, что Лоис совершила самоубийство. Твердо говорил себе, что не верит. Но могла совершить. Она предложила себя, была отвергнута, и тут вошел Джимми. Может, это вправду самоубийство... При этой мысли он ощутил какой-то ужас, интуитивный, так как разум готов был предположить, что любой другой вывод будет еще более жутким. Он торопливо заговорил, чтобы мисс Сильвер не прочла его мысли:

– Лоис очень любила жизнь. У нее имелось почти все, чего она хотела: прекрасная внешность, здоровье, деньги. У нее было много планов.

Мисс Сильвер обдумала услышанное. Слова «почти все» решила обдумать позже. И спросила:

– Полицейские отвергают мысль о самоубийстве?

– Насколько я понял, местный инспектор в этом сомневается. Что думают люди из Скотленд-Ярда, не знаю. Они у нас недавно.

Мисс Сильвер настороженно посмотрела на него:

– Значит, вы обратились в Скотленд-Ярд?

– Да. Насколько понимаю, это означает, что у нас эту смерть не считают самоубийством. – Энтони коротко усмехнулся. – Начальник полиции графства, старый Марсфилд, является другом семьи. По-моему, он торопится избавиться от этого дела. Да и вообще похож на старую бабу. Мысль о встрече с преступником ему до сих пор не приходила и теперь вызывает у него дрожь – он хочет отделаться от нас как можно быстрее. Поэтому появляются старший инспектор Лэм и сержант Эббот.

Мисс Сильвер покашляла.

– Оба превосходные, умные полицейские, – сказала она.

Глава 19

Старший инспектор Лэм сидел перед письменным столом в массивном дубовом кресле Джимми Леттера, которое для него было куда менее просторным, чем для хозяина. На столе перед ним лежала стопка бумаг. Шляпу-котелок он оставил в коридоре и выглядел в аккуратном черном костюме полным, плотно сложенным, очень прямым и крепким, как дуб, из которого сделано кресло. Жесткие черные волосы слегка поредели на висках, отчего большое квадратное лицо казалось еще больше. Его круглые глаза Фрэнк Эббот сравнивал с темно-зелеными мятными леденцами. Сан Фрэнк непринужденно сидел по другую сторону стола в красивом сером костюме. Эти люди представляли собой некоторый контраст. Лэм, полицейский прежних времен, был дисциплинированным, опытным, справедливым и честным. Фрэнк Эббот, выпускник привилегированной частной школы и полицейского колледжа, гораздо более образованный, порой казался непочтительным, но под всей своей непочтительностью был верным подчиненным и большим почитателем начальника. Хотя по его виду никто бы не предположил, что он способен на верность и почтительность. Он выглядел утонченным и пресыщенным: с очень светлыми волосами, зачесанными назад с помощью бриллиантина, с голубыми глазами, часто смотревшими задумчиво, с модными воротничком и галстуком, с красивыми холеными руками и с изящными ступнями в изящной обуви.

Старший инспектор слегка постучал по столу и спросил:

– Ну, Фрэнк, что скажешь обо всем этом?

– В вашем присутствии мне лучше помалкивать, сэр.

Лэм издал звук, который можно было бы назвать фырканьем.

– Вот как? Что-то ты вдруг стал очень вежливым и почтительным. Не заболел случайно?

– Нет, благодарю вас, сэр.

Раздался сильный удар по столу.

– Тогда отвечай! Я задал тебе вопрос.

Сержант Эббот небрежно улыбнулся:

– Сэр, я сперва хотел бы узнать ваше мнение.

Старший инспектор побагровел. Непочтительный сопляк. Иногда ему хотелось дать отпор Фрэнку. Иногда он давал. Этим утром у Лэма возникло такое желание, и он его исполнил. Умничающих юнцов он всегда не терпел и терпеть не будет. Фрэнк хороший парень, но отпор на него не действовал – слишком уж вольно высказывал свои взгляды. А теперь сводит с ним счеты. Неподчинение – вот что это такое, и он поставил своего начальника в затруднительное положение. Нельзя наказывать человека за почтительность. Лэм довольно громко произнес:

– Еще рано высказывать мнения, но если бы местные полицейские не думали, что это убийство, то не вызвали бы нас.

Фрэнк Эббот слегка кивнул с холодным видом:

– Вы правы, сэр.

– Начальник полиции графства не хочет ввязываться в это дело. Думаю, его мнение для нас не важно. Ему давно пора в отставку. Но этот инспектор – как там его фамилия, Смердон? – человек умный, и что он думает, понятно. Доктор Хетуэй. Знаешь, он прав относительно самоубийств снотворным – все они берут эти снадобья в постель. Думаю, это естественно – то, что называется связью идей. Ты ложишься в постель и засыпаешь – особенно женщины. Единственное исключение, по-моему, люди, которые хотят напрочь исчезнуть – они уходят в лес или еще куда-нибудь, где, как думают, их никогда не найдут. Теперь взять эту миссис Леттер – умная, утонченная, притом красавица. Она поссорилась с мужем. Муж застал ее в комнате двоюродного брата посреди ночи. По словам миссис Марш, она вешалась ему на шею, а он ее не взял. Тут входит муж, говорит, что все слышал, и прогоняет ее. Для женщины такой удар по самолюбию – самое страшное. Она могла бы совершить самоубийство.

Фрэнк Эббот молча кивнул. Лэм продолжал:

– Могла бы, но я себе этого не представляю. На мой взгляд, такая женщина устроила бы спектакль – хотя бы слегка приоделась. Знаешь, самоубийцы так поступают. Думают: «Они пожалеют, увидев мое бездыханное тело» – особенно женщины, кончающие с собой из-за любовных дел. Они хотят произвести сильное мелодраматическое впечатление, которое заставит всех говорить о них, и вынудит того самого мужчину до конца жизни помнить о произошедшем. Судя по отзывам, миссис Леттер вряд ли пожелала бы уйти тихо, не причиняя никому неприятностей. Женщина, сумевшая вызвать к себе такую неприязнь, захочет произвести эффект. Накрасится, причешется, наденет лучшую ночную рубашку и оставит записку о самоубийстве, чтобы изранить чувства мужчины.

Равнодушное выражение исчезло с лица Фрэнка. Он сказал:

– Да, полагаю, вы правы.

Рассуждая, Лэм пришел в хорошее настроение:

– Тогда я должен быть прав! Так вот, если это не самоубийство, то, значит, убийство. А если убийство, то убийца кто-то из людей в доме – кто-то из семи. Мистера Энтони Леттера исключим – его здесь не было. Надо сказать, повезло. И, насколько я понимаю, мотива у него не имелось. Женщину не травят из-за того, что она вешается тебе на шею. Остаются муж мистер Джимми Леттер, две его сводные сестры, которые, собственно, не сестры...

– Дочери его мачехи.

– Совершенно верно. Остаются они, мисс Мерсер и обслуга – старая кухарка, проводшая здесь много лет, семнадцатилетняя судомойка и миссис Глэдис Марш. – Лэм повторил ее имя с сильной неприязнью. – Миссис Глэдис Марш. Сочувствую ее мужу, кто бы он ни был. Сушая дрянь, вот что я скажу. У нее хватило бесстыдства строить мне глазки.

Сержант Эббот с невозмутимым видом произнес:

– Невероятно, сэр!

– Как это – невероятно? Ты же видел ее, разве не так?

Последовал вполне почтительный ответ:

– Я счел бы это невероятным, если б не видел ее.

Лэм хмыкнул:

– Ну, дрянь она или нет, думаю, ее можно исключить. Никакого мотива у нее я не вижу. Она была, насколько я понимаю, чем-то вроде избалованной любимицы, и если бы имела какое-то отношение к случившемуся, то вряд ли стала бы высовываться. Наверно, мы бы ничего не узнали о приступах рвоты у миссис Леттер и об утверждениях, что ее кто-то хочет отравить, если бы миссис Глэдис Марш не выдала этого в приступе истерики. Не думаю, чтобы нам мог сказать это кто-то еще. Все они будут держаться заодно. Естественно – семья. А старая кухарка провела у них на кухне пятьдесят с лишним лет. Такие люди будут стоять за членов семьи крепче, чем они друг за друга.

– *Plus royaliste que le roi*⁹, – пробормотал сержант Эббот и поспешно добавил: – Вы совершенно правы, сэр.

Лэм свирепо уставился на него.

– Прав, значит? И позволь сказать тебе, что родной язык для меня достаточно хорош, а если для тебя недостаточно, то зря! Если тебе приходится говорить что-то на иностранном языке, то либо это что-то постыдное, либо ты выставяешься.

Разозлив начальника, Фрэнк сделал стратегическое отступление:

– Шеф, этот цитата.

– Тогда цитируй по-английски! В твоём распоряжении весь Шекспир, разве нет? Цитат у Шекспира множество.

– Совершенно верно, сэр.

– Вот и пользуйся ими! И не обращай ко мне на чужих языках – это выводит меня из равновесия! О чем я говорил?

– Что миссис Мэнипл будет стоять за членов семьи крепче, чем они друг за друга.

Лэм кивнул.

⁹ Бóльшие роялисты, чем король (фр.).

– Она такая. И у нее на кухне работает эта девочка, Полли, как там ее...

– Пелл, – подсказал Эббот.

– Полли Пелл. Надо сказать, миссис Мэнипл держит ее в ежовых рукавицах. Когда она поступила на службу, судомойки были судомойками. Сама прошла эту школу и никаких глупостей не потерпит. Нравы в деревне почти не меняются. Я сам рос в деревне, знаю. В мире многое поменялось, но еще далеко до того, чтобы непреклонная старая женщина не помыкала девчонкой, как вздумается. Итак, мы вернулись к тому, с чего начали. Если бы Глэдис Марш не проговорила, думаю, никто другой не сказал бы этого.

– Думаю, нет.

– Итак, если мы исключаем Глэдис Марш, остаются семья и старая кухарка. Полагаю, девочку тоже можно исключить – у нее не может быть никакого мотива. Тогда остаются мистер Леттер, миссис Стрит, мисс Уэйн, мисс Мерсер – я считаю ее членом семьи – и миссис Мэнипл. Самый сильный мотив у мистера Леттера. Он был женат два года и, по всем отзывам, был очень привязан к жене – души в ней не чаял. А потом вдруг получает такое ужасное потрясение. Застает ее в комнате двоюродного брата среди ночи, в ночной рубашке, она предлагает себя ему, а кузен говорит – нет. Этого достаточно, чтобы вывести из себя мужчину. Убей он ее на месте, то получил бы условный срок. Провоцирование – вот что это было. Но там ее он не убил. Он ничего не делает в остаток ночи, весь следующий день и большую часть следующих суток. И миссис Леттер умирает от большой дозы морфия, положенного в чашку кофе. Мотив у него был – не существует более сильного мотива, чем ревность. Он вознес жену на пьедестал, а она с грохотом оттуда рухнула. Возможность у него тоже имелась – мистер Леттер находился один в комнате, где на подносе стояли две чашки кофе. Ты можешь сказать, что у других членов семьи была такая же возможность, и это правда. Возьми их собственные показания. Мисс Джулия Уэйн приносит поднос и ставит его на стол, выходит на террасу и идет к окну кабинета, заглядывает туда и спрашивает мистера Леттера, пойдет ли он в гостиную пить кофе. Он отвечает – да, и мисс Уэйн остается на террасе. Когда заходит в гостиную сообщить, что идет на прогулку, вся семья там. Мистер Леттер пьет кофе, а миссис Леттер идет к своему креслу, держа чашку в руке. Мисс Уэйн уходит, возвращается в десять часов и находит миссис Леттер одну в гостиной, без сознания. Это мисс Джулия Уэйн. Она могла бы положить морфия в одну из чашек, но никак не могла знать, какую возьмет миссис Леттер.

Фрэнк Эббот выпрямился. Взгляд его был холодным, острым. Он сказал:

– Конечно.

Лэм продолжал:

– Затем мисс Мерсер. Она говорит, что вошла в гостиную и обнаружила там миссис Леттер, стоявшую у стола с чашками кофе и клавшую сахар в чашку. Миссис Леттер спросила, где остальные, и вышла на террасу посмотреть, нет ли их там. Мисс Мерсер говорит, что пошла за ней. Думаю, если дело дойдет до суда, защита скажет, что миссис Леттер клала в чашку не сахар, а морфия, превращенный в порошок для сходства с сахаром. Думаю, это возможно – но маловероятно. Мисс Мерсер, судя по показаниям, вполне могла добавить что-то в одну из чашек.

– Это означало бы умысел.

Лэм кивнул:

– Это относится ко всем... Далее следует миссис Стрит. Она говорит, что вошла в гостиную и никого там не застала. Кофейный поднос стоял на столе. Почти сразу же вслед за ней вошел мистер Леттер. Не по террасе, а в дверь, как и она. Миссис Леттер и мисс Мерсер находились на террасе. Миссис Стрит сказала, что позовет их, и вышла в окно, оставив мистера Леттера одного в гостиной. У нее была возможность отравить кофе, и такую возможность она ему предоставила. Все очень просто – каждый из них оставался один в комнате с кофейным подносом. Должно быть, один из них отравил кофе, который выпила миссис Леттер. Думаю, предполагать, что это сделала кухарка, неразумно. Она, по всем отзывам, привязана к мистеру Леттеру, и если бы она положила яд в одну чашку, ее вполне мог взять он. У нее не имелось мотива, кроме общего недовольства, и она ни за что не пошла бы на риск. Думаю, ее стоит вывести из числа подозреваемых. Таким образом, у нас остаются мисс Уэйн, миссис Стрит, мисс Мерсер и мистер Леттер. У всех них была возможность добавить что-то в кофе. Но мисс Уэйн, как и кухарка, не могла знать, кто какую чашку возьмет. Все показывают, что она не возвращалась в гостиную. Таким образом, она оказывается в

одной компании с кухаркой, и я хочу вывести ее из числа подозреваемых, во всяком случае пока. Теперь у нас миссис Стрит, мисс Мерсер и мистер Леттер. И вот тут начинаются неясности. Я хочу знать, кто вынес пустые чашки. Когда мисс Уэйн заглянула в гостиную, мистер Леттер, сидя в кресле у окна, пил кофе, а миссис Леттер шла по комнате с чашкой в руке. Миссис Стрит сидела рядом с открытой дверью на террасу. Мисс Мерсер собирала лепестки розы, осыпавшиеся из вазы на каминной полке. Миссис Стрит говорит, что не прикасалась к чашкам и не видела, кто прикасался, – она очень устала и думала лишь о том, как бы поскорее лечь в постель. Мисс Мерсер сообщает, что не приближалась к подносу и не касалась чашек после того, как она и миссис Леттер вместе вошли с веранды. Что миссис Леттер сразу подошла к подносу и взяла свою чашку. Мистер Леттер говорит, что его чашка стояла на столике возле его кресла. Что не заметил, была ли она там, когда только вошел в гостиную. Возможно, лжет. Если он положил морфий в одну из чашек, то не рискнул бы взять эту чашку сам – поставил бы свою отдельно, чтобы не произошло ошибки. Миссис Стрит говорит, что не помнит, обе ли чашки стояли на подносе, когда она вошла. В тот день она навещала мужа – его переводят в санаторий для долечивания в Брайтон – и, по ее словам, была так поглощена мыслями о нем и так устала, что ей было не до кофейных чашек. Мисс Мерсер говорит, что, когда она вошла в гостиную, на подносе стояли обе чашки. Конечно, она или миссис Стрит могли положить морфий в одну из чашек и переставить другую на столик у кресла мистера Леттера. Или мистер Леттер мог сделать это сам, когда находился один в комнате.

– И как теперь нам быть? – спросил Фрэнк Эббот.

– Нам нужен мотив, – ответил Лэм. – Возможность была у этих четырех. Но если верить мисс Мерсер, что когда она вошла, на подносе стояли две чашки, то мисс Уэйн не могла переставить чашку мистера Леттера, так как не знала, кто возьмет какую. Поэтому она под гораздо меньшим подозрением, чем остальные трое. Будем считать, что кто-то из этих троих поставил безобидную чашку у кресла мистера Леттера. Мы не знаем, кто. Двое из них могут находиться в таком же неведении. Один из них должен знать, поскольку сам ее переставил и был в курсе, что находится в другой чашке. Дальше без конкретных улик нам не продвинуться. Поэтому обращаемся к мотиву. Как я уже сказал, у мистера Леттера был один из сильнейших для мужчины мотивов – он слышал, как его жена предлагала себя другому в весьма компрометирующих обстоятельствах. Теперь миссис Стрит. У нее тоже имелся мотив. Не такой уж сильный, но все же мотив. Помнишь, что говорила Глэдис Марш: «Они все ее ненавидели – все готовы были убить ее. Миссис Стрит хотела привезти сюда мужа, а миссис Леттер противилась – говорила, что не хочет жить в окружении родни и превращать дом в госпиталь»? А потом вскинула голову и сказала: «Миссис Стрит все глаза выплакала из-за этого. В этом госпитале есть хорошенькие медсестры. Ничего удивительного: она боится потерять мужа, как потеряла привлекательность». Эта Марш неприятная, злобная особа, но мотив все-таки есть.

Фрэнк слегка пожал плечами:

– Миссис Стрит не подходит под тип убийцы.

Лэм хлопнул себя по колену.

– Никакого типа убийц не существует – сколько раз говорить тебе это? Люди убивают, когда захотят, когда возомнят себя настолько значительными, что все остальное становится неважным. Они теряют голову и приходят к мысли, что считаться им нужно только с собой и можно делать что угодно, а то, что удерживает людей от убийства, уже ничего не значит, когда они в гневе. Это может произойти с каждым, кто не держит себя в руках. Знаешь, что больше всего поразило меня в словах Глэдис Марш? Что они все ненавидели миссис Леттер. Может быть, она преувеличила, а может, и нет. Однако ненависть очень опасная штука, чтобы оставлять ее без внимания – это одна из вещей, от которых люди теряют голову. И вот миссис Леттер мертва. Я не говорю, что подозреваю миссис Стрит – улики для этого недостаточно, – но утверждаю, что у нее был мотив.

– Согласен...

– Затем мисс Мерсер. У нее тоже есть мотив, хотя, по-моему, менее сильный, чем у тех двоих. Она прожила здесь двадцать пять лет. И съезжает, потому что миссис Леттер хотела устроить здесь все по-новому со штатом прислуги, который выбрала сама. Такое случается постоянно – мужчина женится, и женщина, которая вела его дом, не ладит с новой женой. Это могут быть дочь, сестра или экономка – значения не имеет. По всем отзывам, мисс Мерсер – тихая, кроткая

женщина. Не из тех, кто устраивает скандалы, иначе это бы не тянулось два года. Не сомневаюсь, что у нее накопились какие-то обиды, и выглядит она больной. Но, как я сказал, такое происходит постоянно, и из-за этого не совершают убийств.

Фрэнк Эббот приподнял бесцветные брови. Посмотрел на верхнюю полку, где стояли романы Вальтера Скотта, которые за шестьдесят лет никто не читал, кроме Джулии, и произнес:

– Она дочь врача, так ведь?

Это было сказано довольно небрежным тоном, но Лэм сурово посмотрел на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Дочь деревенского врача. Деревенские врачи обычно сами готовят лекарства. Меня интересует, что стало с лекарствами покойного Мерсера – с морфием в том числе. Смердон говорит, что забрал аптечку из комнаты мисс Мерсер – с ней хотел ознакомиться полицейский врач. Я спросил его об отпечатках пальцев, и Смердон обиделся – сказал, что, разумеется, они не забыли об этом: сняли все перед тем, как отдать аптечку врачу. Я спросил, что они обнаружили, а он ответил, что у них не было времени проверить, но сегодня вечером он предоставит нам результаты.

Продолжая говорить, Фрэнк поднялся и пошел к дальнему из двух окон. Одно выходило на террасу, другое на подъездную аллею. Из второго окна Эббот посмотрел на машину, медленно подъезжавшую по извилистой подъездной аллее – на машину Энтони Леттера, за рулем которой сидел сам Энтони. Купа кустов заслоняла сидевшего рядом с ним пассажира. Автомобиль выехал на открытое место, и Фрэнк протяжно, негромко присвистнул. Машина исчезла из поля зрения. С блеском в глазах Эббот повернулся и сдержанно произнес:

– Леттер ездил встречать кого-то в Уэстон, но никто не сказал нам, кого. Теперь мы знаем.

Старший инспектор уставился на него. Разум его, который Фрэнк однажды непочтительно сравнил с трамваем, превосходно ездил по своим рельсам, но не был способен на быстрые повороты. Лэм думал о морфии в связи с мисс Мерсер и с деревенской аптекой. Энтони Леттер и человек, которого он встречал в Уэстоне, оказались помехой, прервали нить его мыслей. Не сводя глаз с Фрэнка, Лэм уловил его последние слова и рассерженно отозвался:

– Итак, теперь мы знаем. О чем это ты?

– О Моды, – ответил сержант Эббот.

Щеки Лэма побагровели.

– Неужели Мод Сильвер?

Фрэнк коварно улыбнулся:

– Единственная, неповторимая Моды.

Глава 20

Мисс Сильвер услышала, как за ее спиной закрылась дверь классной комнаты. Мистер Энтони ушел, и она одобрила этот поступок. Она всегда предпочитала оставаться наедине с клиентом, и в таком деле это было особенно желательно.

Джимми Леттер сидел за классным столом. Когда его кузен открыл дверь и произнес фамилию гостя, он поднял опущенную на руки голову, но даже не сделал попытки встать. Мисс Сильвер подошла, протянув для приветствия руку, сказала: «Здравствуйте, мистер Леттер», и он после секундного колебания пожал ее. Она оказалась не готова к его крепкому продолжительному пожатию, причиняющему боль. Высвободив руку через подобающее время, мисс Сильвер села по другую сторону стола. Джимми продолжал смотреть на нее глазами с покрасневшими веками, в которых застыло апатичное, растерянное выражение. Первыми его словами были те, что он говорил ей по телефону:

– Вы сказали, это шутка, но она мертва. Умерла вчера вечером. Кажется, что гораздо раньше. Почему вы сказали, что это шутка? Она мертва.

Мисс Сильвер любезно посмотрела на него.

– Да, мистер Леттер. Я глубоко вам сочувствую. Раз вы попросили меня приехать, то, видимо, думаете, что я могу вам помочь.

Джимми покачал головой:

– Помочь мне невозможно.

– Тогда зачем вы меня вызвали, мистер Леттер?

Он поднял руку и потер нос – в этом его обычном жесте была какая-то безнадежность.

– Я хочу выяснить – хочу знать, как это случилось. Здесь полицейские – из Скотленд-Ярда. Кажется, они думают... не знаю, что они думают...

Джимми не договорил.

Мисс Сильвер посмотрела на него в упор. И заговорила отчетливым, твердым голосом, привлечшим его внимание:

– Мистер Леттер, послушайте меня. Я хочу вам помочь. И непременно помогу, если это будет в моих силах. Вы сказали, что хотите знать, как это произошло. То есть вы желаете знать правду. Иногда правда бывает мучительной. В данном случае это может быть так. Имейте в виду, что расследование ведут полицейские. Если смерть вашей жены не была естественной, возможно, я сумею оказать какую-то помощь в раскрытии дела, но не могу ручаться, что это раскрытие не станет для вас мучительным. И не могу обещать, что скрою какие-то улики от полиции. Вы определенно хотите, чтобы я взялась за это дело?

– Я хочу все выяснить, – упрямо ответил Джимми. И продолжил: – Смерть не была естественной. Говорят, причиной ее стал морфий – чрезмерная доза морфия. Лоис никогда не принимала наркотиков. Если она сама положила в кофе морфий, то сделала это, желая покончить с собой. Если не сама, значит, была убита. Это нужно выяснить.

Он не отводил от нее глаз. Выглядели они так, будто он давно не спал. Под глазами виднелись темные круги, а его обычно светлое, свежее лицо поражало мертвенной бледностью. Джимми сказал, не меняя голоса:

– Понимаете, я должен узнать, не я ли ее убил.

За время работы мисс Сильвер услышала не одно потрясающее признание. Она сохранила невозмутимый вид – правда, еще больше посерьезнела. И спокойно произнесла:

– Будьте добры, мистер Леттер, объясните, что вы имеете в виду.

Он кивнул:

– Потому-то я и пригласил вас сюда. Полицейские не хотят разбираться с этим, но для меня это важно. Мне нужно знать, не я ли убил ее.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, это странно слышать.

Джимми снова кивнул.

– Да, пожалуй. Видите ли, мы поссорились. Раньше такого не случалось. Вряд ли многие мужчины, прожившие в браке два года, могут это сказать. Но я всегда только и желал, чтобы Лоис была довольна, чтобы все было, как хочется ей.

– Из-за чего у вас вышла ссора?

Джимми провел рукой по волосам и рассеянно заговорил:

– Из-за одного коттеджа. Наверно, тут вышло недоразумение. Лоис сказала мне, что старый Ходсон хочет съехать и жить вместе со снохой в Лондоне. Однако он как будто не хотел, и, разумеется, я не мог его выгнать – его семья всегда жила там. Лоис пришла в раздражение, потому что обещала этот коттедж своим друзьям на выходные. Конечно, она не понимала. Но на меня рассердилась – вот так все и началось.

– Что «все», мистер Леттер?

Джимми снова взъерошил волосы – так провел по ним ладонью, будто хотел что-то стереть. И проговорил:

– После этого кое-что произошло. Нелегко рассказывать вам, но ничего не поделаешь. Полиция знает об этом, потому что у двери подслушивала болтушка – жена Джо Марша. Дрянная бабенка, мне его жаль. Не знаю, что нашла в ней Лоис, но поселила ее здесь. Я всегда с ней не ладил – и она подслушивала у двери...

– У какой двери, мистер Леттер?

Джимми отвел взгляд.

– Моего кузена Энтони – того, что встретил вас. Он приехал сюда по делу. Я попросил его – довольно настойчиво, – и он был здесь. Приехал как раз после этой ссоры. Лоис злилась. Должно быть, очень злилась, иначе бы не сделала этого. Энтони так говорит, и я думаю, он прав.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Что она сделала?

– Думаю, Лоис хотела досадить мне, флиртуя с ним. Знаете, Энтони был влюблен в нее, но она отвергла его и вышла замуж за меня. Право, не знаю, почему – Энтони выгодно от меня отличается. Не думайте, что тут имелась какая-то его вина, это будет несправедливо. Он сделал ей предложение, Лоис ответила «нет», и на этом для него все кончилось. Он уехал, справился со своими чувствами, и... в общем, теперь Энтони помолвлен с другой. С Джулией – с Джулией Уэйн.

Мисс Сильвер кивнула:

– Продолжайте, пожалуйста.

– Так что тут не было его вины, – монотонно продолжал Джимми Леттер. – Было уже поздно, но я не ложился спать. Подумал, может, и Лоис не спит. Может, мы с ней помиримся. Ее комната находится напротив моей, по другую сторону лестничной площадки. Только я подошел к своей двери, как услышал, что ее дверь открывается. Когда долго живешь в доме, то понимаешь, откуда идет звук, и слух у меня очень острый. Я подумал, что Лоис идет ко мне, но ошибся. Я вышел и увидел, как дверь ее гардеробной на дальней стороне лестничной площадки закрывается. Собственно говоря, это комната. Она представляет собой платяной чулан комнаты Энтони, и там есть соединительная дверь. Я пошел за Лоис. Она меня не слышала, и когда я подошел туда, она была в комнате Энтони, разговаривала с ним. – Монотонный голос зазвучал тише. В нем не появилось никакого выражения, только слова стали протяжнее. – Я услышал, как Лоис сказала: «Ты уже два года не целовал меня. Не хочешь поцеловать сейчас?» – Неожиданно Джимми обратил на мисс Сильвер страдающий взгляд. – Полицейские записали это. Бабенка, что подслушивала у двери, все слышала. Вины Энтони тут не было. Он сказал Лоис, что теперь она моя жена и что он больше не влюблен в нее. Лоис ответила, что раньше он не был таким холодным, и в насмешку назвала его Иосифом. Энтони спросил ее, не стремится ли она быть женой Потифара. Тут вошел я. Лоис была в ночной рубашке. Я велел ей возвращаться в свою комнату, и она ушла. Это последнее, что я сказал ей.

– Мистер Леттер, когда это произошло?

Джимми схватился за голову.

– Должно быть, во вторник – да, вечером вторника. Сегодня пятница, так ведь?

Мисс Сильвер ответила:

– Да, пятница.

– Значит, то был вторник. Энтони уехал рано утром, пока все еще спали. Я провел вне дома весь день и большую часть следующего. Я не спал – как будто не мог думать – и не знал, что делать. Мы с Лоис не разговаривали. Встретились за ужином, но не разговаривали. Вечерами после ужина я заходил в гостиную и пил кофе – вы сказали, чтобы она не прикасалась ни к чему, чего не едят или не пьют другие. В гостиную принесли две чашки кофе, и я взял одну из них.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мистер Леттер, в чашки уже был налит кофе?

Джимми кивнул.

– Я взял одну из них. Полицейские только и говорят о том, как мог кто-то знать, какую я возьму. У них все записано – они расскажут вам, что произошло. Я вернулся в кабинет, как только выпил кофе. Джулия пошла на прогулку. Элли и Минни отправились спать. Лоис осталась в гостиной. Она была одна. Когда Джулия вернулась и обнаружила ее, было уже поздно. Мы вызвали врача, но слишком поздно. – Джимми поднял глаза и уставился на мисс Сильвер. – Для женщины это ужасно – я вошел и застал ее с Энтони. И я два дня не подходил к ней и не заговаривал. Оставлял ее одну – даже в последний вечер оставил одну. Если Лоис приняла морфий поэтому, значит, ее убил я, так ведь? Не нужно говорить, что я не делал этого, если я сделал. Я только хочу, чтобы вы выяснили правду.

Мисс Сильвер ответила ему твердым взглядом и сказала:

– Я сделаю все, что смогу, мистер Леттер.

Глава 21

Выйдя из классной комнаты, мисс Сильвер закрыла за собой дверь и немного постояла. Несмотря на спокойный внешний вид, мысли у нее были серьезными, беспокойными, и сейчас она задавалась вопросом, что делать дальше. Когда она поселялась в доме как частный детектив, то обычно старалась как можно быстрее установить контакт со всеми его обитателями. Подобно опытному кассиру в банке, способному определить фальшивую монету, она не раз убеждалась, что интуиция при этих первых контактах ее не подводит. Будучи умеренной во всем, мисс Сильвер не особенно полагалась на свои впечатления, проверяла их наблюдениями и рассудком. Она могла бы процитировать оценку различным типам людей, сделанную высокочтимым викторианским поэтом: «Хорошие среди вас есть и плохие, как медные среди монет и золотые».

Пока мисс Сильвер познакомилась лишь с двумя обитателями этого дома – с Джимми Леттером и его кузеном Энтони. Она взглянула на свои часы. Ровно семь. Скоро она, несомненно, познакомится и с остальными членами этой семьи. Ее метод состоял не в официальных разговорах, а в наблюдениях за непринужденным, насколько это возможно, общением родственников. Было бы приятно подняться в отведенную ей комнату, разобрать чемодан, привести в порядок вечернюю одежду, однако сперва нужно удостовериться, что старший инспектор Лэм и сержант Эббот все еще здесь, и тактично уведомить их о своем присутствии. Мисс Сильвер не хотела видаться с ними до разговора со своим клиентом, но, узнав от него, что он никак не подготовил их к ее приезду, теперь спешила показаться им.

Энтони Леттер по приезду показал ей, где находится кабинет, и сказал, что полицейские расположились там. Конечно, они могли покинуть дом, но это казалось сомнительным. Комната, из которой мисс Сильвер только что вышла, была классной. Энтони сказал ей и об этом: «Мой кузен укрылся в старой классной комнате».

Мисс Сильвер пошла по коридору в сторону кабинета, и когда почти поравнялась с ним, дверь открылась, и в проеме появился старший инспектор Лэм. Шедший за ним Фрэнк Эббот увидел, как ее лицо озарилось приветливой улыбкой. Она протянула руку, которую Лэм нехотя пожал, и любезно объявила, что рада этой встрече. При этом радость оказалась совершенно искренней. Ей приятно было встретить старого, уважаемого друга, и она принялась расспрашивать о членах семьи с подлинным интересом. Мисс Сильвер вспомнила, что миссис Лэм летом болела, и выразила надежду, что теперь выздоровела. Она знала его трех дочерей и очень хотела услышать о них последние новости. Мисс Сильвер помнила, что Миртл служила в женской вспомогательной службе ВВС, Вайолет во вспомогательной службе ВМС, а Лили в авиатехнической службе. Недавно Лили вышла замуж. Мисс Сильвер знала все и об этом. У молодого человека была хорошая должность в адвокатской конторе, и они были очень счастливы.

Фрэнк восторженно улыбнулся, а его шеф вскоре растаял и сообщил мисс Сильвер, что весной надеется стать дедушкой.

С ее поздравлениями предварительные переговоры пришли к концу. Compliments закончились, но атмосфера оставалась радушной. Лэм дружелюбно спросил:

– Можно поинтересоваться, что привело вас сюда?

Мисс Сильвер огляделась. Коридор выглядел безлюдным, но осторожность не мешает. Она вошла в кабинет, и мужчины последовали за ней. Когда Фрэнк закрыл дверь, она сообщила:

– Мистер Леттер мой клиент. Он приехал ко мне в прошлую субботу и сказал: его жена думает, что кто-то пытается ее отравить.

Лэм уставился на нее.

– Вот как?

Поведение мисс Сильвер стало чуть более сдержанным.

– Об этом и речь, старший инспектор. Если у вас есть свободное время, я ознакомлю вас с произошедшим. Но, разумеется, я не собираюсь вас задерживать.

– Нет-нет, – сказал Лэм, – рассказывайте.

Фрэнк Эббот придвинул ей кресло. Все сели.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Разумеется, я посоветовала ему обратиться в полицию.

Фрэнк приподнял брови и закусил губу. «Разумеется!», повторенное инспектором, подвергло его серьезность большому испытанию. Сарказм не был характерной чертой шефа, и сейчас Лэм напомнил демонстрирующего ловкость слона.

– Его жена была против этого.

– Он так сказал?

– Он так сказал. Я передам содержание нашей беседы как можно точнее.

И мисс Сильвер рассказала об этой беседе отчетливым, размеренным голосом. Оба полицейских не сомневались, что ее рассказ окажется скрупулезно точным. Она не станет тратить лишних слов, но не упустит ни единой подробности. И действительно, они получили полное представление о ее разговоре с Джимми. В заключение мисс Сильвер добавила:

– Не знаю, как сочтете вы, но я твердо убеждена, что приступы рвоты у миссис Леттер были не серьезного свойства – скорее результатом злобной шутки. Симптомы были такими, какие создает простое рвотное средство, например, ипекакуана, и помимо указания на неприязнь к миссис Леттер, я не считаю их заслуживающими внимания. Миссис Леттер собиралась произвести в доме значительные перемены. Думаю, вы знаете, что миссис Стрит и мисс Мерсер должны были покинуть дом, и миссис Леттер хотела нанять полный штат прислуги. Мистер Леттер возражал против этого. Или, точнее, был недоволен этим. Мне показалось, что отношения в доме были натянутыми, и чем скорее стороны расстанутся, тем лучше. Я посоветовала ему не затягивать с этим. Еще сказала, что будет хорошо, если миссис Леттер станет есть и пить то же, что и все остальные. Мистер Леттер согласился, но сказал: «Она непременно будет пить свой кофе». Как, возможно, вы знаете, миссис Леттер пила кофе по-турецки, приготовленный специально для нее, остальные его не любили. Мистер Леттер сообщил, что с того субботнего вечера готовились две чашки кофе и он всегда брал одну из них – так было до вчерашнего вечера, когда миссис Леттер скончалась.

Заговорил Лэм:

– Да, тут есть одна молодая женщина, давшая показание относительно этих приступов. Она ветренная штучка, и я бы не доверял ей как свидетельнице, только никто не опровергает ее слова. Я сомневаюсь, узнали бы мы о приступах у миссис Леттер, если бы не эта Глэдис Марш – я только что говорил об этом Фрэнку. Но теперь кажется, что мистер Леттер приезжал к вам по их поводу, и вы решили, что это чья-то шутка.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Тогда у меня сложилось такое мнение. Могу сказать, что пока что не вижу причин менять его.

Лэм с совершенно бесстрастным лицом взглянул на нее.

– Вы думаете, те приступы не были связаны с тем, что стало причиной ее смерти?

– Я не готова определенно высказаться по этому предмету, но склонна думать вот что. Те приступы были слишком легкими, чтобы представлять собой попытку покушения на жизнь миссис Леттер.

С по-прежнему бесстрастным видом Лэм проговорил:

– При всем уважении к вашему мнению, на эти приступы возможны разные взгляды. Может быть, вы заблуждаетесь – может, умный преступник вводил нас в заблуждение. Может, кто-то, ненавидевший миссис Леттер, начал с шутки и, обнаружив, как легко это сделать, перешел к убийству.

Мисс Сильвер кивнула:

– Я готова согласиться с этим в теории. Но недостаточно знаю об уликах, чтобы сказать, какая из этих версий совпала бы с ними.

Лэм откашлялся, требуя внимания.

– Говорите, мистер Леттер ваш клиент. Вы приехали с целью доказать, что он не отравил свою жену?

Мисс Сильвер с потрясенным видом укоризненно произнесла:

– Никак не думала, что придется объяснять вам то, что я совершенно ясно сказала мистеру Леттеру. Я здесь не для того, чтобы доказывать чью-то вину или невиновность. В каждом деле я стараюсь отыскать истину и послужить целям правосудия.

Лэм покраснел.

– Да-да... Я не хотел сказать ничего обидного. Но, видите ли, ваше положение... я вправе попросить вас охарактеризовать его.

– Может, вы сами его охарактеризуете, старший инспектор?

Хотя эти слова были официальными, сопровождавшая их улыбка оказалась на удивление обаятельной. Лэм почувствовал, что с ним советуются, считаются, и успокоился. Цвет его лица снова стал нормальным, и он улыбнулся в ответ:

– Ну, если вы друг семьи, если мистер Леттер очень уважает вас и, естественно, обратился к вам за помощью – и если вы готовы сотрудничать с полицией...

Мисс Сильвер благодарно кивнула.

– Меня бы это вполне устроило.

Фрэнк Эббот прикрыл рот ладонью. Наблюдать, как шеф осторожничает, было нудно. Все обошлось благополучно, но удовольствия это зрелище не доставляло. А Моды, разумеется, оставалась непринужденной – к месту хмурилась, к месту улыбалась.

Фрэнк вновь перевел взгляд на старшего инспектора. Тот произнес:

– Теперь по поводу возможной попытки ввести нас в заблуждение. Мистер Леттер приезжал к вам в прошлую субботу сообщить, что кто-то пытается отравить его жену, но не могло ли это быть уловкой? Что, если он решил избавиться от нее?

– Какой тут мотив?

– Ревность...

Мисс Сильвер кашлянула.

– У него не было причин для ревности до вечера прошлого вторника, когда он застал жену в комнате своего кузена.

Лэм уставился на нее:

– О, вы об этом знаете?

– Да. До тех пор причин для ревности у мистера Леттера не было.

Лэм пронизительно посмотрел на нее.

– Так вот, знаем мы только это. Возможно, о многом мы еще не слышали. Или, может, причина тут вовсе не в ревности. Миссис Леттер унаследовала от первого мужа большие деньги. Мы не знаем, много ли оставалось – пока что. Деньги могут отойти к его родственникам, а могут и не отойти. Мистер Леттер говорит, что были какие-то споры по поводу завещания, и стороны полюбовно пришли к соглашению – миссис Леттер и родственники поделили деньги. Мистер Леттер думает, что она получила свою долю безоговорочно, но точно не знает. Говорит, что никогда не заговаривал с женой о деньгах и даже не знает, написала ли она завещание. Мне это показалось ерундой. Я потребовал, чтобы он позвонил ее адвокату. Да, завещание существует, и юристы отправили почтой копию – она должна быть здесь утром. Если Леттер наследует значительную сумму, это может быть мотивом. Возможно, он считает очень ловким ходом приезд к вам с рассказом о чьих-то попытках отравить его супругу, а потом снова разыгрывает заботливого мужа, пьет вместе с женой кофе, чтобы в него никто ничего не добавлял... Ну, что вы об этом думаете?

Мисс Сильвер очень серьезно посмотрела на него.

– Знаете, какая забота у мистера Леттера главная?

Лэм хохотнул:

– Не могу сказать, что да, но, полагаю, вы мне сообщите.

– Да, – подтвердила она. – Он хочет только заверения, что его жена не совершила самоубийства.

Лэм слегка отодвинулся назад вместе со стулом.

– Что-что?

– Мистер Леттер хочет быть уверенным, что его жена не покончила с собой. Его очень гнетет мысль, что она могла это сделать. Если да, он сочтет себя виновным в ее смерти. После сцены в комнате мистера Энтони между женой и мужем образовался полный разрыв. Он два дня не

разговаривал с ней. И боится – думаю, отчаянно боится, – что миссис Леттер сознательно приняла морфий.

Лэм ударил кулаком по столу:

– Он хочет от нас доказательства, что ее убил кто-то другой?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Не думаю, что он дошел до этого. Мистер Леттер сосредоточен на жуткой мысли, что, возможно, довел ее до самоубийства.

Лэм положил руки на колени и подался вперед.

– Мне его слова недостаточно! Я не говорю, что он виновен, но и не говорю, что невинен. Мотив у него был более сильный, чем у всех остальных, и к тому же имелась наилучшая возможность устроить так, чтобы самому не получить чашку с морфием. То, что вы говорите о его душевном состоянии, может быть правдой, в таком случае он невиновен, и я ему сочувствую. Или же он тот умный преступник, о котором я говорил, и тогда его желание увериться, что жена не совершила самоубийства, вполне может оказаться отвлекающим ходом. – Лэм еще больше отодвинулся со стулом назад и поднялся. – Что ж, сегодня я не смогу вас убедить, и вы не сможете убедить меня. Мы остановимся в гостинице «Булл» в деревне, и если она такая скверная, как мне представляется, я буду рад, когда эта работа завершится. Утешает только одно – эта гостиница не понравится Фрэнку гораздо больше, чем мне! – Инспектор искренне рассмеялся. – Если хотите, он может подняться к вам после ужина и показать все показания, какие мы успели получить. Только никому не говорите об этом.

Мисс Сильвер улыбнулась:

– Это будет очень любезно.

Лэм тепло пожал ей руку.

– Заметьте, у вас есть перед нами преимущество вроде форы. Мы приходим и застаем людей держащимися начеку. В деле об убийстве большинству есть что скрывать – если не о себе, то о других. Они обдумывают каждое слово и не говорят больше, чем необходимо, – за исключением особ вроде Глэдис Марш, которая так полна злобы, что не знает, как ее побыстрее выплеснуть. Но вы появляетесь, как друг. Вы видите их, когда они не думают, что за ними кто-то наблюдает. Они разговаривают с вами естественно, не как с полицейским. Нельзя отрицать, что у вас есть перед нами преимущество, поэтому я готов выйти за пределы дозволенного и сообщить вам все, что нам известно – пока что. Итак, Фрэнк поднимется к вам после ужина, а я увижусь с вами утром. Доброй ночи.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Буду очень признательна вам за доверие.

Глава 22

Энтони вышел из дома, чувствуя, что если слегка не развеется, то может не совладать с искушением сослаться на дела и утром первым же поездом уехать в Лондон. Этим желанием он не особенно гордился, но оно ощущалось. Он считал себя вправе отвлечься на полчаса. Где может быть Джулия? Когда все поели, она пошла помочь Элли с мытьем посуды, и больше он ее не видел. После тягостного ужина, во время которого он и мисс Сильвер поддерживали разговор, а бедный Джимми сидел, уставясь в нетронутую тарелку, все разошлись. По общему согласию Минни отправили в постель. Легла она или нет, Энтони не знал. Вид у нее определенно был нездоровый. Эббот, полицейский сержант, пришел к мисс Сильвер. Они уединились в классной комнате, оставив кабинет Джимми, для которого все комнаты, все места были одинаковы: где бы ни находился, он чувствовал себя в страдальческом заключении. Энтони собирался вскоре вернуться к нему. Правда, он мог только разделять одиночество двоюродного брата. Скверное дело.

Пройдя по лужайке, он вошел в розарий. За живой изгородью стояла скамья. Обогнув конец изгороди, Энтони увидел на скамье Джулию и остановился, глядя на нее. Было еще совсем светло, солнце садилось в дымку. Широкий луг полого спускался к берегам ручья. На полях лежал туман, но сверху бледно-голубое небо было ясным. Джулия сидела, положив руки на колени и подняв к небу лицо. Но ни на что не смотрела, глаза ее были закрыты. Энтони подумал, что она очень бледная, очень замкнутая. Однако в ее позе ощущалась сила, не слабость – сила самообладания. Джулия была неподвижна, потому что все в ней было сосредоточено на каком-то мысленном образе.

Энтони стоял в тишине, глядя на нее. Время шло. Наконец он пошел к ней по траве, и почти в ту же секунду Джулия повернула голову и увидела его приближение. По крайней мере, он полагал, что увидела. Глаза ее были открыты, но странно пусты. Потом они потеплели. Джулия протянула руку.

– Иди, садись. Здесь хорошо.

Казалось, больше ничего говорить не нужно. Было что-то умиротворяющее в том, что они молча сидели рядом.

Вскоре Энтони легонько коснулся ее руки. Тут Джулия заговорила:

– Я думала...

– Так?

– О вчерашнем дне – до того, как это стряслось. Мы, почти все мы, видели, что положение создалось хуже некуда. Джимми, Элли, Минни были совершенно несчастны. Насчет Лоис не знаю. Наверно, ей тоже приходилось несладко. Однако если бы можно было вернуться к тому времени, нам все это показалось бы райским блаженством.

Энтони сжал ее руку.

– К чему ты клонишь?

Джулия мрачно посмотрела на него.

– Мы не можем выбирать путь, можем только плыть по течению. Вот что ужасно. Ладно бы была возможность что-то изменить, но ее нет. Это все равно что сидеть в лодке без руля и слышать, как водопад вроде Ниагары низвергается впереди с жуткой высоты.

Он стиснул ее ладонь крепче и сказал:

– Дорогая, не впадай в мелодраму.

Джулия постаралась высвободиться, но оставила попытки, поняв, что он не собирается ее выпускать.

– Ладно... это было довольно-таки... извини.

– Что ты имела в виду под Ниагарой? Может, объяснишь?

Она снова бросила на него мрачный взгляд.

– Какой смысл? Может, это не Ниагара – просто топкое болото, в котором мы все утонем.

– Звучит отвратительно. Дорогая, не думаешь, что тебе следует откровенно выговориться? Мне сейчас не до иносказаний.

Джулия отняла руку и повернулась лицом к нему.

– Хорошо, давай начистоту. Либо Лоис покончила с собой, либо ее кто-то убил. Если это самоубийство, Джимми никогда не оправится – не представляю, как он сможет. Он всю жизнь будет думать, что довел ее до этого. Конечно, это в высшей степени неразумно, нелепо, но люди не размышляют о таких вещах, они их ощущают. Мы оба знаем Джимми. И знаем, что он будет чувствовать – что уже чувствует. Вот тебе одна альтернатива. Другая – убийство. В таком случае, кто ее убил? По тому, как Джимми ведет себя, любой полицейский его заподозрит. Мы знаем, что Джимми этого не делал. Но мог бы сделать: у него был и мотив, и возможность. И если окажется, что Лоис завещала ему много денег, полицейские наверняка решат, что убил он. Это больше всего меня пугает.

Энтони возразил твердым, сердитым голосом:

– Не говори ерунды! Это не Джимми!

– Конечно, не он. Я говорю не о нас, а о полицейских. Сегодня днем Джимми звонил адвокату Лоис. Ты это знал? Его попросил старший инспектор. Говорил сперва Джимми, потом *он*. Адвокаты отправляют сюда копию завещания Лоис – Джимми сказал мне. Я ужасно боюсь.

– Не глупи! – произнес Энтони. – Десять против одного, что деньги вернутся к родственникам ее первого мужа. Джимми не знает этого?

– Нет. Понимаешь, ему не нравилось, что у нее есть такие большие деньги. Он очень расстроился, узнав о них. Когда они поженились, соглашение еще не было заключено – Лоис и родственники мужа пришли к нему только через полгода. Джимми это не нравилось, и он знать не хотел, что она делает со своими деньгами. Нелепо, разумеется, но таков Джимми. Только полицейские не знают, каков он, и сочтут...

– Не слишком ли поспешно ты делаешь выводы?

– Да – я дура. Но думать ни о чем другом не могу. Кажется, будет лучше всего, если полицейские поверят в версию о самоубийстве, но что тогда станет с Джимми? Потому что если это убийство – убийца один из нас.

Энтони спокойно заговорил:

– Знаешь, Джулия, о Мэнни тебе нельзя молчать. Ты должна будешь сказать полицейским. Она сделала то, что сделала, и пусть принимает последствия своего поступка. Если она совершила что-то еще, пусть примет последствия и этого. Я не допущу, чтобы Джимми обвиняли в убийстве жены только ради спасения Мэнни. Если она отравила кофе, ей придется ответить. Я ни за что не поверю, что Лоис совершила самоубийство. Ничто не убедит меня в этом. С какой стати ей было кончать с собой? Давай будем откровенны: у нее не было ни малейшего мотива для самоубийства. К Джимми она относилась совершенно безразлично. Он дал ей хорошее общественное положение и хороший дом для приема друзей. Когда Лоис выходила за него, завещание ее первого мужа оспаривалось. Дойди дело до суда, она ничуть не была бы уверена в результате, а с деньгами у нее обстояло скверно. Вот почему Лоис вышла за Джимми. Она мне ясно дала это понять. Думаешь, она бы покончила с собой потому, что Джимми застал ее в моей комнате? Быть того не может! Что до другого мотива, то я был так же ей безразличен, как и Джимми.

– Ой ли...

– Тут нечего сомневаться. Лоис скучала, злилась на Джимми, досадовала, потому что у меня не было желания покоряться ей. А она терпеть не могла, когда ей противоречили – возможно, ты это заметила. Но что до каких-то сильных чувств ко мне, то эта мысль нелепа. Лоис слишком сильно любила Лоис, чтобы страдать из-за какого-либо мужчины.

Джулия промолчала, но, как почувствовал Энтони, осталась все же при своем мнении. Когда молчание слишком затянулось, он уверенно заговорил:

– Это не самоубийство. Ее отравили. Если не Мэнни, то кто? Ты? Джимми? Элли? Минни? Вот и весь круг. На кого ты сделаешь ставку? Мы знаем, на кого ставят полицейские. В нынешней ситуации им ничего больше не остается. Дело зашло слишком далеко. Если ты не поговоришь с Мэнни, поговорю я. Лучше всего будет, если она сама пойдет и расскажет все полицейским, но они должны об этом узнать.

Только что несогласие между ними было прочным, как стена: Джулия находилась по одну ее сторону, Энтони по другую – и внезапно оно исчезло. Джулия посмотрела на него и тихо промолвила:

– Завтра... пожалуйста, Энтони... этим вечером я не могу...

Она воздействовала на него как будто с гипнотической силой. Это выражение глаз, этот тон голоса – и Энтони готов совершить почти любое безрассудство, опуститься на колени, взять ее на руки, сказать ей... Что он мог сказать здесь и сейчас? Он поражался и себе, и ей поражался, как трудно сдерживать чувства, бурлившие в душе. Но как в такую минуту говорить о любви? Он произнес с твердой решимостью:

– Завтра так завтра.

Он увидел, что ее глаза затуманились, и отвел взгляд. Джулия тут же подалась к нему и уткнулась лицом в рукав. Энтони обнял ее. И так они долго сидели, не говоря ни слова.

Глава 23

Джулия внезапно проснулась и задалась вопросом, что ее разбудило. Должно быть, не такой уж редкий плач Элли во сне, негромкий, но с прерывистым, похожим на всхлипы дыханием. Джулия мягко позвала:

– Элли...

Ответа не последовало. Джулия напрягла слух и поняла по тихому, мерному дыханию, что Элли спит. Возможно, вскрикнула во сне. «Странно, – подумала Джулия, – мы не знаем, где находятся люди, когда спят. Я не знаю даже, где находится Элли. Не всегда помню, где была сама». Ей казалось, во сне она подалась к Энтони, прижалась лицом к его рукаву, и это ощущение покинуло ее только в миг пробуждения. От сна осталось лишь желание вернуться в него, спрятаться от неприятностей, ожидающих их всех с наступлением дня.

Ей стало любопытно, который сейчас час. Наверно, между двумя и тремя ночи. В комнате было темно, но два окна выделялись, словно картины на черной стене. На картинах лежал ровный налет мрака, как на очень старых холстах, где все детали утрачены, остаются только большие скопления света и тени. Но здесь не было ничего похожего на свет. Виднелись только тени разной густоты. Так как Джулия спала в этой комнате, сколько себя помнила, она знала, что самые черные тени – это силуэты деревьев, и они редуют, когда ветви поднимаются к небу. Снаружи, наверно, было очень темно, потому что не получалось разглядеть, где кончается листва и начинаются тучи.

Проснувшись, Джулия приподнялась на локте, спустила одеяло до талии и отбросила назад волосы. Теперь она снова легла, разгладив простыню и слегка взбив подушку. Все было в порядке, Элли спала. Если ее что-то и разбудило, то, наверно, один из ночных звуков, обычных в сельской местности – птичий крик, тьяканье лисицы, зов барсуков. Она слышала их все, лежа в этой постели в течение многих ночей на протяжении многих лет.

Джулия положила голову на подушку, и звук, который разбудил ее, послышался снова. Его издавали не барсук, не птица, не лиса. Это был звук ладони, шарящей по внешней панели двери. Она села, прислушалась и уловила его снова. Этот звук не спутаешь ни с каким другим. Это шарит по двери рука – скользит по ней мягко, шелестяще.

Джулия отбросила одеяло и поднялась. Подошла босиком к двери и прислушалась, затаив дыхание. Но слушать было нечего – этот звук прекратился. Внезапно ей пришло в голову, что это может быть недобрая шутка. Кто-то сыграл злую шутку с Лоис, и она умерла... Но это сделала Мэнни. Мэнни не пришла бы сюда среди ночи, чтобы сыграть недобрую шутку с Джулией.

Джулия внезапно повернула ручку и распахнула дверь, отступив вместе с нею назад. Лестничная площадка была освещена – слабая лампочка горела там всю ночь. После сна, после темноты в комнате этот свет ослепил ее. На площадке примерно в ярде от порога стояла белая фигура, глядя прямо перед собой. Впечатление это возникло и тут же исчезло, Джулия увидела, что перед ней не *кто-то*, а Минни – Минни Мерсер в ночной рубашке, с распущенными, спускающимися до талии волосами, с глазами, застывшими во сне. Она не смотрела на Джулию, потому что не видела ее. Она ничего не видела в реальном мире. Что видела, что искала, известно было только галлюцинирующему сознанию, приведшему ее сюда.

Джулия сразу вспомнила, что будить лунатиков опасно. Нужно постараться вернуть их в постель – это легко сказать, но очень трудно сделать. Конечно же, она постарается. Нельзя допустить, чтобы Минни бродила по всему дому, пугая людей, и, возможно, давая повод этой отвратительной Глэдис для нового скандала. И уж никак нельзя допустить, чтобы Элли оказалась разбужена. Джулия вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Словно это послужило сигналом, Минни повернулась и зашагала к лестнице, так быстро, что когда Джулия нагнала ее, она уже спустилась на ступеньку вниз и продолжала спускаться без колебаний и остановок. Если не видела, куда идет, то как она могла двигаться с такой уверенностью? Она спускалась в темноту нижнего коридора, Джулия следом за ней. Это походило на погружение в темную воду. Когда они погрузились полностью, Джулия негромко, настойчиво произнесла:

– Минни, возвращайся в постель.

Очевидно, что-то вошло в ее галлюцинацию, потому что Минни остановилась там, у подножия лестницы. Джулия попросила снова:

– Возвращайся в постель, Минни.

Ответа не последовало. Минни неподвижно стояла, босая, в одной рубашке, с распущенными волосами. Джулия подошла вплотную и обняла ее за плечи.

– Мин, давай, возвращайся в постель.

Поддействовала ли на нее настойчивость в голосе Джулии, или тот импульс, что завел ее так далеко, затухал, но она повернулась и неуверенно поставила ногу на нижнюю ступеньку. Джулия слегка подтолкнула ее, Минни поднялась туда обеими ногами и застыла, словно не зная, что делать дальше. Рука мягко ее подталкивала. Она сделала еще шаг и таким образом, шаг за шагом, дошла до верха лестницы. Иногда возникали долгие паузы, когда она стояла так неподвижно, что, казалось, не дышала, и Джулия боялась применять силу. Иногда поднималась уверенно.

Когда они дошли до середины марша, Минни что-то быстро, монотонно зашептала. Слова были неразборчивы, словно доносились из соседней комнаты. Джулии стало любопытно, где она пребывает в своем сне и что говорит.

На верху лестницы возникла одна из этих долгих пауз. Монотонный шепот утих. Джулия сказала: «Мин, дорогая...», и, к ее облегчению, Минни неожиданно прошагала по лестничной площадке и вошла в открытую дверь своей комнаты.

В комнате после света снаружи было темно, но она подошла прямо к кровати и села на край. Джулия отошла, чтобы посмотреть, как она поведет себя.

И Минни сразу же жалобно произнесла:

– Что я наделала?

У Джулии словно бы все перевернулось внутри. Причиной тому были не только слова. Они были достаточно трогательными, но, казалось, прозвучали на грани отчаяния. Минни вновь произнесла их, казалось, каждое слово ей давалось с трудом. Потом она сделала три долгих, трепетных вдоха, нащупала подушку и легла. Джулия дрожащими руками укрыла ее. Колени у нее тоже дрожали. Она стояла там, прислушиваясь, и поняла, что трепетные вдохи успокаиваются. Не прошло и минуты, как Минни заснула. Что бы ей ни виделось во сне с галлюцинациями, она перешла к обычному сну.

Джулия почувствовала облегчение, насколько оно было возможно. Отвернулась от кровати и пошла к двери. Она была широко открыта на освещенную лестничную площадку. Снаружи за дверью кто-то стоял. Джулия вышла на свет и увидела, что это мисс Сильвер в халате из малиновой шерсти, украшенном на воротнике и на рукавах вязаными кружевами. На ногах у нее были черные фетровые шлепанцы, волосы были аккуратно забраны под сетку. Выглядела она понимающей и настороженной. Джулия никогда не была так близка к потере мужества. Она не знала, что ее темные, широко раскрытые глаза пробудили всю доброту щедрого сердца. Ее слегка успокоили голос и поведение мисс Сильвер, когда та сказала:

– Если она теперь спит, думаю, ее вполне можно оставить. Я не знаю случая, когда лунатик вставал бы с постели во второй раз. Боюсь, вам пришлось нелегко, но тревожиться не стоит. Она часто ходит во сне?

Джулия ухватила за косяк двери. Обе они говорили негромко. Она ответила:

– Не думаю – насколько я помню. Кажется, ходила давным-давно, когда я была еще маленькой. Все это вызвало большое беспокойство.

Мисс Сильвер покашляла.

– Конечно. А теперь, дорогая моя, вам следует вернуться в постель. Вы очень легко одеты, а ночи холодные. Думаю, не нужно бояться, что мисс Мерсер потревожит нас снова.

Джулия вошла в свою комнату и закрыла дверь. Казалось, она вышла из нее долгое время назад. Легла, укрылась и обнаружила, что дрожит с головы до ног. Она замерзла, но причиной дрожи был не только холод. Ей было очень страшно.

Глава 24

Жизнь была бы гораздо проще, если б ее можно было выстраивать, как в пьесе или в романе, где опускается занавес или заканчивается глава, и действие или повествование можно возобновить по прошествии нескольких дней, недель или даже лет. Однако в реальной жизни таких перерывов не бывает. Что бы ни произошло вчера, требуется встать, одеться, вытерпеть семейный завтрак и мужественно встречать предстоящее. Если бы Джулия могла опустить занавес перед разговором с миссис Мэнипл и снова поднять его после разговора с нею, она встретила бы день с более легким сердцем. Но раз это нужно сделать, она это сделает. И чем скорее, тем лучше.

Никому не хотелось медлить за завтраком. С прибытием почты общая подавленность заметно усилилась. Джимми вскрыл длинный конверт со своим именем, опустил взгляд и удивленно произнес: «Она завещала мне все эти треклятые деньги». После этого посидел, глядя в пространство, потом отодвинул назад стул и вышел.

Старший инспектор и сержант Эббот, появившись, первым делом провели разговор с ним в кабинете, чуть позже к ним присоединилась мисс Сильвер, и после того как Джимми с жалким видом вышел, осталась там.

После завтрака Джулия убрала и вымыла посуду, отправила Энтони прогуляться с Джимми по саду, а потом пошла на кухню с таким чувством, словно собиралась присутствовать при казни.

Она нашла миссис Мэнипл взвешивающей ингредиенты для пудинга, ей помогала Полли. Видимо, пудингу предстояло быть каким-то особенным, потому что Мэнни, как правило, ничего не взвешивала, просто смешивала масло, муку, молоко, яйца и все прочее с поразительной небрежностью, и результат оказывался превосходным.

– Ага, миссис Мэнипл, – сказала Полли и подала лимонную эссенцию.

Джулия с тяжелым сердцем вошла.

– Мэнни, может Полли пойти наверх, оказать там помощь? Кажется, мисс Минни дурно провела ночь, боюсь...

– Вот-вот свалится, – сказала мисс Мэнипл. – Полли, ступай наверх, посмотри, что можешь сделать. Здесь я сама со всем управлюсь. До одиннадцати тебе тут делать нечего, поэтому подмети полы в спальнях, а мисс Элли вытрет пыль.

Стол находился перед широким окном, выходящим на мощный камнем двор, посреди которого рос очень старый каштан. Джулия стояла, глядя на дерево. У него была своя история. В его ветвях прятался роялист Леттер, когда круглоголовые Кромвеля искали его по всему дому. В деревне все знали, что он вернулся раненым, но никто его не выдал. Старая история...

Джулия отвернулась от окна и увидела, что миссис Мэнипл проницательно на нее смотрит.

– Ну, мисс Джулия, в чем дело? Говорите сразу. Вы пришли не из-за Полли, правда ведь?

– Правда, Мэнни.

– И нечего принимать такой вид, будто мы на собственных похоронах. Есть такие, без кого можно обойтись, ничего о них не скажу, только не вижу причины нам с вами выплакивать глаза.

– Мэнни, не надо!

Миссис Мэнипл месила в миске тесто. Ее сильные руки были в муке. Рукава своего сиреневого ситцевого платья она закатала выше локтей. Платье с маленьким отложным воротником доходило до горла и было застегнуто спереди на крючки – по моде времен, когда она только поступила на службу. Большой передник с тесемками был завязан на бантик позади того, что некогда являлось талией. Волосы ее до сих пор были очень густыми. Они поднимались спереди и были закручены на затылке в большой узел. Тронутые сединой, они бы курчавились, если бы она позволяла. Черные брови под ними придавали очень решительный вид черным глазам. Мэнни с вызовом взглянула на Джулию.

– Ну, мисс Джулия, какой смысл об этом говорить? Я не одобряю, как и вы, когда дурно говорят о мертвых, пусть даже для этого и есть причина, но и крокодиловы слезы лить не хочу, мне это не свойственно, сами знаете. И незачем приходить ко мне со словами «Не надо, Мэнни!».

Джулия взяла себя в руки. Не стоило вспоминать, сколько раз она наблюдала, как Мэнни разбивает яйца, чистит изюм и смазывает маслом формы, как сейчас, выкладывая новости и всевозможные случаи с деревенскими жителями. В этом не было смысла. Она поймала себя на том, что произносит свою мысль вслух:

– В этом нет смысла, Мэнни.

Мисс Мэнипл встряхнула головой:

– И не будет, если станете смотреть на это так, как сейчас на меня! Я всегда говорила, что у вас с раннего детства был самый бередящий душу взгляд. И я не поблагодарю вас, мисс Джулия, поскольку в доме достаточно дел и без того, чтобы портить мне своим взглядом пудинг.

Говоря это, Мэнни укладывала тесто в смазанную маслом форму. Покончив с этим, поставила ее в духовку. Потом подошла к раковине, пустила холодную воду, вымыла руки и вытерла их полотенцем на ролике за дверью.

Джулия, не двигаясь с места, ждала ее возвращения.

– Мэнни, в этом нет смысла. Я пришла поговорить с тобой.

Круглые, румяные щеки миссис Мэнипл покраснели еще больше.

– И что вы собирались сказать, мисс Джулия?

– Думаю, ты знаешь.

– А я думаю, что лучше сказать это напрямик, и все тут. Терпеть не могу намеков, я ими не говорю, и вы тоже не говорили. Поэтому, если вам есть что сказать, говорите прямо!

– Ладно, скажу. Полициейским нужно сообщить о приступах рвоты, которые были у Лоис. Нужно сказать, что ты давала ей ипекакуану.

Лицо миссис Мэнипл стало лиловым. Ее блестящие черные глаза упорно смотрели на Джулию.

– И кто им это скажет?

Джулия не хотела отводить взгляд. Она не знала, как побледнела, но взгляда не отвела. И ответила:

– Они должны знать.

Миссис Мэнипл подошла к столу и твердо закрыла крышкой ларь с мукой.

– Ну, так можете сказать им, если считаете, что в доме еще мало беспокойств. То, что я давала ей, связано с ее смертью не больше, чем индейка, которую мы ели на Рождество. И вы прекрасно знаете – капелька ипекакуаны не повредила бы даже ребенку – и последняя была за неделю до ее смерти! Идите, скажите им, дорогая моя, чем скорей, тем лучше! Я не прошу вас молчать.

Джулия сказала другим тоном:

– Они думают, что ее отравил Джимми...

Миссис Мэнипл выронила ложку. Та со стуком упала в миску для замешивания теста, но Мэнни не обратила на это внимания.

– Как они смеют!

– Думают, что Джимми. Ты знаешь, что они поссорились.

– Как может кто-то не знать, если в доме Глэдис Марш – разбалтывает всем то, чего я не повторяю, вы это знаете не хуже меня. Что госпожа, что служанка, обе бесстыжие!

Джулия спокойно заговорила:

– Полицейские знают, что произошло в ту ночь, когда здесь был Энтони. Они считают, что в связи с этим у Джимми появился мотив. Думают, что у него был и другой мотив. Сегодня утром он получил копию завещания Лоис от ее адвоката. Она оставила ему большие деньги. Джимми ничего не знал о завещании, но полицейские ему не верят. Мэнни, это очень опасно – они действительно могут решить, что он отравил ее.

Миссис Мэнипл громко, возмущенно воскликнула: «Ну и дураки!» Потом стала опускать рукава и застегивать крючки на запястьях.

– Если меня арестуют, позаботиться об обеде придется вам. В кашу можно положить холодное мясо, овощами займется Полли. Под духовкой огонь слабый, пудинг не трогайте. А когда придет булочник, скажите Полли, пусть возьмет две свежие и одну черствую.

– Мэнни...

– Ну, что еще? Я делаю то, что вы хотели, так ведь? Похоже, пора, чтобы кто-то сказал этим полицейским: пусть не стараются быть большими дураками, чем есть. Надо же – мистер Джимми! Да ведь, как ни жаль, стоило ей захотеть, и он лег бы на раскаленные угли, чтобы она прошла по

нему! – Мэнни твердо положила руку на плечо Джулии. – Не волнуйтесь, дорогая моя, я ни за что не поверю, будто мистеру Джимми может что-то грозить из-за, скажу прямо, дурной женщины, у которой не было сердца, как нет ядра в гнилом орехе. Приготовьте себе чашку хорошего чая и не волнуйтесь. И не пускайте эту Глэдис Марш в мою кладовую. Скорее всего, она попытается залезть туда, когда я не вижу, а я не потерплю этого, и все тут!

Глава 25

В кабинете старший инспектор Лэм сидел, положив руки на колени, за столом на месте Джимми Леттера, глядел то на сидевшего по ту сторону стола Фрэнка Эббота, то вправо, где мисс Сильвер, несколько отстраненная от происходящего, вязала чулок для Дерека, второго сына своей племянницы Этель. Спицы мерно пощелкивали. Написанный маслом портрет покойного мистера Фрэнсиса Леттера висел над камином и словно бы мрачно взирал на эту сцену. Все, знавшие Фрэнсиса, находили сходство неприятно-точным, а сам портрет наводил на мысль, как мало похожи друг на друга могут быть близкие родственники. Не знавшие Фрэнсиса вряд ли бы догадались, что Джимми его сын. Фрэнсис Леттер был рослым, темноволосым, поджарым. Имелось легкое сходство с племянником Энтони, но у племянника не было того трагичного вида, который, надо сказать, весьма гармонировал с происходившим.

Лэм произнес:

– Ситуация становится для него довольно мрачной, согласны?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Я не готова возражать вам, но попрошу иметь в виду мудрейшие слова лорда Теннисона. Он замечает, что:

Идущий по лугу найдет
В цветах, в травинках на пути
Смысл либо этот, либо тот,
Какой захочется найти.

– Ну, не знаю насчет цветов и травинок, – отозвался инспектор, – но если у мужчины есть все основания считать, что его жена не отличается строгостью поведения, и если она завещала ему целое состояние, я не стану спрашивать у лорда Теннисона дозволения подозревать мистера Джимми Леттера в том, что у него имелось два мотива отравить миссис Леттер.

Спицы мисс Сильвер продолжали щелкать.

– Двух мотивов может оказаться слишком много, старший инспектор.

Фрэнка Эббота это заинтересовало.

– То есть, если он выходил из себя от ревности, то не думал бы о деньгах, а если ему нужны были деньги, то не был бы так потрясен той сценой в комнате Энтони Леттера.

Лэм ударил себя по колену.

– Вот тут ты не прав! Здесь вы, молодые ребята, можете совершить большую ошибку. Люди не так уж просты – они заковыристые. Ты поразился бы, узнав, сколько разных вещей может быть на уме у человека одновременно: сперва верх берет одно, потом другое. Скажем, человек ревнует жену, но не в такой мере, чтобы убить ее – он ссорится с ней по какой-то другой причине. Начинает понимать, что она хочет во всем поступать по-своему и предоставляет ему вести себя так же. Вспоминает, что деньгами владеет она, и это его раздражает. Обостряются семейные противоречия – муж хочет сохранить единство семьи, а жена хочет ее раскола. Муж в стесненных обстоятельствах – сомнительно, что он сможет содержать дом без ее денег, а эта усадьба принадлежит его роду много лет. Это его тревожит. И беспокоит ее поведение – жена хочет расколоть семью и вешается на шею его кузену. Дело идет к разрыву, а если они разойдутся, то, может, он больше не сможет содержать усадьбу. Потом вдруг разрыв становится неизбежным – муж застаёт жену в комнате двоюродного брата. Неужели не видите, как тут все складывается? Если бы не деньги, он мог бы с ней развестись. Если бы она не зашла так далеко, может, он не стал бы убивать ее только ради денег. Я утверждаю, что здесь имели место два мотива, достаточно сильных по отдельности, и они сошлись так, что каждый из них усиливал другой.

Мисс Сильвер негромко кашлянула.

– Старший инспектор, вы превосходно иллюстрируете эту цитату. Нашли тот смысл, какой хотели.

Румяное лицо Лэма покраснело еще больше.

– Я работаю умом, чтобы найти смысл – вы это имели в виду? Если есть другой способ отыскания смысла, я хотел бы о нем узнать. По-моему, завещание миссис Леттер веская улика – отрицать этого нельзя. И в довершение всего приходит сообщение от Смердона. Полицейский врач осмотрел аптечку мисс Мерсер. Помимо лекарств, обычных для дома, там есть стеклянный пузырек, на четверть заполненный таблетками морфия. Врач говорит, это таблетки немецкого производства, гораздо более сильного действия, чем можно приобрести в нашей стране. На всех упаковках в аптечке есть отпечатки пальцев мисс Мерсер – и давние, и свежие, как и следует ожидать. На этом пузырьке с таблетками имеются очень четкие ее отпечатки. Но на нем найдены и отпечатки пальцев Джимми Леттера. Слегка смазанные, словно мисс Мерсер брала пузырек после него, но определенно принадлежащие ему. Он запускал руку в аптечку, перебирал лекарства. Есть его четкие отпечатки на похожем пузырьке с таблетками хины. По-моему, он искал морфий и по ошибке взял не то. Там есть и пузырек с ипекакуаной, но без отпечатков пальцев. Если вы правы, мисс Сильвер, относительно тех приступов рвоты, то, надо сказать, мистер Леттер был осторожен. Вытер пузырек или надел перчатки – что-то в этом роде. Не знаю, зачем он рисковал, вызывая эти приступы, но, думаю, скоро выясним. Я не рассказал обо всем этом мистеру Леттеру, когда он был здесь, так как решил сперва выяснить, что скажет по этому поводу мисс Мерсер. Она брала этот пузырек после него, и я хочу услышать ее объяснение. Может, она переставила его, чтобы взять что-то другое, и в таком случае я хотел бы узнать, не стоял ли пузырек не на своем месте. Или же, – Лэм пристально посмотрел на мисс Сильвер, – может, это ее рук дело. Такое возможно – отрицать нельзя.

В дверь постучали. Лэм сказал: «Войдите!» – и в кабинет вошла миссис Мэнипл, величественная в почти зримом ореоле пятидесятилетней с лишним службы. Голову она держала высоко, выражение лица было спокойным, облик горделивым, решительным. Она приблизилась к дальнему торцу письменного стола и остановилась. Старший инспектор оказался справа от нее, сержант Эббот слева, мисс Сильвер прямо перед ней. В том, как миссис Мэнипл вошла, ощущалось дело первостепенной важности. Все молчали, пока она не заговорила. Положив руки на край стола, Мэнни сказала:

– Я должна кое о чем сообщить.

Лэм повернулся к ней всем корпусом и спросил:

– Вы кухарка, так ведь, миссис Мэнипл?

– Да.

Фрэнк Эббот поднялся и принес ей стул.

– Садитесь, пожалуйста.

Мэнни оценивающе посмотрела на него и отозвалась:

– Нет, благодарю вас, сэр.

Сержант Эббот был смущен впервые в жизни. Покраснев, он вернулся к своему месту и принялся писать в блокноте.

Старший инспектор угрюмо взглянул на пожилую женщину, приберегшую обращение «сэр» для его подчиненного. Лэм понимал, что это значит, не хуже нее, и почувствовал к ней какое-то уважение. И мысленно отметил, что нельзя позволять юному Фрэнку возомнить о себе. Произнес:

– Вижу, миссис Мэнипл, вам есть что сказать. Будьте добры, говорите.

Мэнни стояла, гордо выпрямившись.

– Для этого и пришла. Незадолго до смерти миссис Леттер несколько раз рвало. Я пришла сказать вам – эти приступы были вызваны тем, что я добавляла ей в кофе.

Наступила краткая, напряженная тишина. Мисс Сильвер ненадолго перестала вязать и обратила на нее пристальный взгляд.

Лэм произнес:

– Если это признание, должен предупредить вас: все, что вы скажете, может быть записано и использовано как показание.

Ни в лице, ни в голосе миссис Мэнипл ничего не изменилось.

– Я не возражаю против записывания – иначе я не была бы здесь. И я не говорю, от чего умерла миссис Леттер, говорю только о тех приступах рвоты, что у нее были – от ипекакуаны. Я добавляла ее, главным образом, ей в кофе, но один раз добавила во фруктовый салат.

Лэм подался вперед.

– Что побудило вас это делать?

Ответ прозвучал кратко и сурово:

– Наказывала ее.

– За что вы хотели ее наказать?

– За то, что причиняла всем, с кем сталкивалась.

– Например?

– Долго рассказывать.

– Ничего. Скажите, почему вы решили, что она заслуживает наказания.

Миссис Мэнипл нахмурилась.

– Ну, ладно. Постараюсь как можно короче. Во-первых, за то, что она сделала миссис Марш.

– Вы говорите о молодой женщине, Глэдис Марш, что была кем-то вроде служанки у миссис Леттер?

– Нет. Говорю о ее свекрови, Лиззи Марш, моей двоюродной сестре, которую эта Глэдис отправила в работный дом. Пусть его сейчас называют «приют для инвалидов», но на самом деле это работный дом. И миссис Леттер поддержала ее. Глэдис не посмела бы сделать это, да и Джо Марш не позволил бы ей, если бы миссис Леттер ее не поддержала и не наговорила бы мистеру Джимми всякой лжи.

– И вы из-за этого клали ипекауану ей в кофе.

– Не только. За это и за другое. Мисс Элли – миссис Стрит – она заставляла работать до полусмерти, как ни одна служанка не работала, а когда Элли совсем выбилась из сил, принялась выгонять ее из дома, не позволила ей взять в дом мужа, мистера Ронни, и ухаживать здесь за ним. То же самое с мисс Минни – она живет здесь с тех пор, как умер старый доктор. Извела ее работой, а потом пусть убирается – миссис Леттер все равно было, жива она или нет. И опять наврала мистеру Джимми, внушила ему, что мисс Минни хочет съехать. Вот почему я это делала. Может, и не следовало так, но я делала поэтому. И только чтобы наказать ее – такую каплю ипекауаны дают ребенку, который что-то не то проглотил. И вреда никакого. Вот что я пришла сказать.

Миссис Мэнипл убрала руки со стола и повернулась, чтобы уйти.

Лэм остановил ее:

– Знаете, этого недостаточно. Полагаю, вам лучше сесть.

Мэнни вернулась в прежнее положение.

– Вполне могу и постоять.

– Что ж, как хотите. Я хочу задать вам несколько вопросов. Если не захотите, можете не отвечать.

– Скажу, когда услышу их.

– Ну, начнем с простого. Давно вы здесь работаете?

Она с гордостью ответила:

– На Рождество будет пятьдесят три года.

– Не увольнялись, чтобы выйти замуж?

Миссис Мэнипл стояла очень прямо.

– Я не замужем. «Миссис» подходит женщине, когда ей исполнится пятьдесят на такой работе.

– Понятно. Вы очень преданы этой семье, так ведь?

– Кто не был бы предан после пятидесяти лет?

– Очень привязаны к мистеру Джимми, как вы его называете?

Мэнни ответила:

– Я видела, как его крестили. – И добавила: – Кто угодно привязался бы к мистеру Джимми – он добр ко всем. Во всей округе не найдешь человека, который не любил бы мистера Джимми.

Лэм сменил позу и вытянул руку поперек стола.

– А теперь расскажите, пожалуйста, о тех случаях, когда клали ипекак в кофе миссис Леттер. Когда начали?

Он обратил внимание, что миссис Мэнипл ответила, не задумываясь:

– Это было в тот вечер, когда приехали мисс Джулия и мистер Энтони. Они два года сюда не приезжали, и я подумала: «Ладно, они проведут этот вечер, как раньше, когда миссис Леттер

здесь еще не и не пахло». Однако она была в своем репертуаре: заставляла мисс Элли, которая с ног валилась от усталости, переставлять цветы в вазе – и та переставила их превосходно. И я подумала: «Нет, дамочка, не выйдет у вас!» Я знала, как это будет – мисс Элли и мисс Джулия не получают ни минутки покоя для разговора с мистером Джимми и мистером Энтони. Знаете, миссис Леттер терпеть не могла, когда обращали внимание на кого-то, кроме нее, поэтому я положила ипекак ей в кофе по-турецки – только она пила эту гадость. Ее вырвало, и она притихла, как я и думала.

Фрэнк Эббот перевернул страницу и продолжал писать. Лэм сказал:

– Так, это было в первый раз. Когда вы сделали это снова?

– На другой день, за обедом. Был подан фруктовый салат в отдельных салатницах, заправленный сливками. Миссис Леттер не ела сливок, поэтому одна салатница оставалась без них. Я положила ипекак туда.

– А потом?

– Один раз, когда мистер Джимми был в Девоншире по делам мисс Элизы Рейвен, и еще раз после его возвращения – кажется, в прошлый вторник. Потом в субботу мистер Джимми вернулся из Лондона и велел приготовить две чашки кофе по-турецки. Он сказал, что будет пить его всякий раз вместе с миссис Леттер. Тогда я перестала.

– Больше не добавлял ипекакуану в кофе?

Миссис Мэнипл посмотрела ему в глаза.

– Думаете, я рискнула бы вызвать рвоту у мистера Джимми?

– Нет, не думаю. Значит, вы больше не использовали ипекак. А где взяли морфий?

Мэнни спокойно, равнодушно продолжала смотреть на него.

– Не понимаю, о чем вы.

– О той отраве, что оказалась в кофе миссис Леттер в среду вечером, – это был морфий. Где вы его взяли?

– Я ничего о нем не знаю.

– Миссис Мэнипл, клали вы что-нибудь в кофе вечером в среду? Можете не отвечать, если не хотите.

Она с легким презрением ответила:

– С чего бы мне не хотеть? Я ничего не клала в кофе, это может подтвердить вам мисс Джулия. Она стояла там, наблюдая за мной, и может рассказать, что я делала. И если бы я в сто раз сильнее хотела убить миссис Леттер, думаете, положила бы яд в одну из тех чашек, позволила бы мисс Джулии отнести поднос и поставить там, чтобы они сами брали чашки – миссис Леттер и мистер Джимми, которого я не могла бы любить больше, будь он мой сын – и не знать, кто из них возьмет яд? Думаете, я бы это сделала? Если б решила отравить ее, думаете, я рискнула бы жизнью мистера Джимми, не зная, кто возьмет эту чашку? Глупость, и вы это знаете.

– Может быть, – сказал Лэм. И продолжал: – Я подробно расспрошу вас про среду, миссис Мэнипл. Миссис Леттер утром не выходила из своей комнаты, так ведь? Значит, завтрак ей подали туда. Кто понес его наверх и что она ела?

Миссис Мэнипл немного подалась вперед.

– За подносом спустилась Глэдис Марш и понесла его наверх. Там были гренки и яблоко, как обычно по средам.

– Не особенно сытный завтрак. Ну а потом? Спустилась она к обеду?

– Да, спустилась. Я не знала, что она будет есть, и послала Полли наверх спросить. Та вернулась и сказала, что миссис Леттер спустится.

– Значит, за обедом она ела то же, что и остальные. Что было на столе?

– Рубленое мясо с двумя видами овощей и бисквит со сливками.

– А за чаем что?

– Миссис Леттер уехала после обеда на своей машине. Вернулась только к семи часам – за чаем ее не было.

– Что вы подали на ужин?

– Рыбу – запеченную треску – и сладкий омлет. Но никто почти ничего не ел.

– Были очень расстроены?

– Похоже на то.

– А потом вы приготовили кофе, и мисс Уэйн унесла его?

– Мисс Джулия смотрела, как я его готовлю.

– Ладно – еще одно. Где вы брали ипекак, который добавляли в кофе миссис Леттер? Из аптечки в комнате мисс Мерсер?

– Тогда нет.

– Как это понять?

– Весной у меня был кашель, и мисс Мерсер дала мне пузырек. Я смешала чуточку его с медом, с уксусом, и выпила. И она сказала, чтобы я оставила пузырек себе, – он был наполовину пустым.

– Знали вы, что у нее в комнате есть аптечка?

– Все в доме знали.

– Она не запиралась, так ведь? Каждый мог прийти и взять что угодно?

Миссис Мэнипл выпрямилась.

– Никто в доме не сделал бы этого – разве что Глэдис Марш. Слава богу, в доме ничего не требовалось запирать! Но аптечку с лекарствами следует держать на запоре.

– Вы сами ничего не брали оттуда?

– Мне было не нужно, а если понадобилось бы, все равно бы не взяла. Попросила бы у мисс Минни.

– Просили вы что-нибудь из этой аптечки?

– Нет.

Лэм отодвинулся вместе со стулом.

– Хорошо, миссис Мэнипл. Теперь сержант Эббот печатает все свои записи на машинке, зачитает вам, и вы их подпишете.

Глава 26

Мисс Сильвер собрала вязанье и вышла, оставив их за этим занятием, но старший инспектор почти сразу же последовал за ней. Когда она оглянулась и увидела его, Лэм, по ее мысленному выражению, состроил гримасу, подошел к двери гостиной, открыл ее и жестом пригласил мисс Сильвер войти. Закрыв за ней дверь, спросил доверительным тоном:

– Ну, что об этом скажете?

Мисс Сильвер стояла, держа в руках новую сумку для вязанья, которую племянница Этель прислала ей в июле на день рождения – вместительную, из мебельного ситца с изображениями жимолости и колибри. Этой сумкой восхищалась не только она сама, но и кое-кто из давних ее подруг. Наверху ее, там, где расходились оборки, проглядывала светло-желтая подкладка. Чуть помедлив, мисс Сильвер ответила:

– Думаю, миссис Мэнипл говорила правду.

Лэм кивнул:

– Я тоже. Не вижу, зачем иначе ей вообще было что-то говорить. Шутка глупая, за которую, кстати, можно попасть под арест. Я бы немедленно арестовал ее, если бы думал, что миссис Леттер отравила она. Но я совершенно уверен, что она этого не делала.

– Согласна.

– Прежде всего миссис Мэнипл не призналась в ипекаке, если бы дошла до морфия – разве что решила во всем сознаться. Это у меня первая причина решить, что она этого не делала. Вторая более основательная. Кухарка убедила меня, сказав, что ни за что не рискнула бы жизнью мистера Леттера. Судя по всему, ни варившая кофе кухарка, ни мисс Джулия Уэйн не могли устроить так, чтобы кто-нибудь взял определенную чашку. Когда чашки брали, в комнате их не было. Значит, убийцей являлся либо тот, кому было не важно, кто отравится, что абсолютно нелепо, либо кто-то находившийся в комнате и имевший возможность сделать так, чтобы чашка с отравленным кофе досталась тому, кому предназначена. Значит, это кто-то один из троих – миссис Стрит, мисс Мерсер и мистер Джимми Леттер.

Мисс Сильвер кивнула:

– Относительно фактов я с вами согласна.

Лэм добродушно рассмеялся.

– Вот и чудесно! Не помню, когда вы соглашались со мной в последний раз. Век живи, век учись, как говорится.

Мисс Сильвер чуть отстраненно кашлянула.

– Я могу соглашаться с вами относительно фактов, но не принимать выводов, которые вы из них делаете.

Инспектор засмеялся снова.

– Ну да – мистер Леттер ваш клиент, так ведь? Вы не признаете, что это сделал он. Значит, остаются миссис Стрит и мисс Мерсер. На ком остановите свой выбор? Обоих выгоняли из дома, где они прожили двадцать пять лет – если возраст миссис Стрит не меньше. И у последней есть муж, которого она поселила бы здесь, если бы миссис Леттер не возражала. Таким образом, мотив есть у обеих, только не знаю, согласятся ли с этим присяжные. Нет, боюсь, положение у вашего клиента неважное. Скажите, а что думаете вы сами? Будьте откровенны.

Мисс Сильвер обратила на него невозмутимый взгляд.

– Пока что никакого мнения у меня нет.

Она вышла в коридор, улыбаясь своим мыслям. Она собиралась поговорить с Джулией Уэйн, но решила, что с этим можно повременить. Казалось, предоставляется отличная возможность для разговора с судомойкой Полли Пелл, довольно робкой девушкой – она постоянно находится на побегушках у миссис Мэнипл, и потому к ней непросто найти доступ.

Мисс Сильвер пошла в кладовую для провизии и сразу же поняла, что не застанет там Полли одну. Дверь в кухню была приоткрыта, и высокий голос Глэдис Марш был слышен отчетливо:

– В газетах появятся мои фотографии – вот увидишь.

Как леди мисс Сильвер сожалела о профессиональной необходимости. Леди не подслушивают, но иногда подслушать очень полезно. В профессиональной деятельности она без колебаний пользовалась такой возможностью. Взяв стакан, мисс Сильвер подошла к крану для питьевой воды. Услышанное она нашла очень интересным.

Осторожно заглянув за дверь, мисс Сильвер увидела Глэдис Марш, сидевшую, свесив ноги, на углу кухонного стола. В руке она держала чашку чая. Полли видно не было. Послышался ее неуверенный тихий голос:

– Мне бы этого не хотелось.

Глэдис шумно отпила из чашки.

– А вот мне хочется. Понаблюдай за мной и увидишь. Двое репортеров уже подходили ко мне, но я себе цену знаю. Я им так и сказала. Я выложила все, что мне известно, инспектору Лэму из Скотленд-Ярда – вот что я сообщила им. И он сказал, что меня вызовут на дознание и чтобы я никому ничего не говорила, поэтому я буду молчать. «Посудите сами, – говорю, – почему вы должны получать деньги за мой рассказ? Я сама могу написать все, разве нет?» А наглый с рыжими волосами – они все наглые, но этот особенно – спрашивает: «Неужели тебя писать научили?», а я отвечаю: «Да, слово “Нахальство” и еще кое-что». Он заявил: «Не сомневаюсь!» – и сделал два снимка. Только я ему ничего не сказала, разве что про дом, про семью, что миссис Леттер нравилась мужчинам и все такое. А если хотят чего-то еще, пускай платят деньги – эти не захотят, так другие найдутся.

Полли что-то тихо произнесла. Глэдис допила чай и потянулась за чайником.

– Да брось ты! Надо же порадоваться жизни в молодости. Подумай, нет ли чего, что ты могла бы сообщить полицейским и получить вызов на дознание? Это будет дело, интересное только для деревни, но когда дойдет до суда...

Голос Полли прозвучал испуганно:

– А кого будут судить?

– Не знаю. Но могу догадаться. А ты?

– Как тебя понять?

Глэдис засмеялась и заболтала ногами.

– Кто следил за ней и застал ее в комнате мистера Энтони? Кому достанутся большие деньги после ее смерти? Миссис Леттер сама мне сказала утром в среду, что не останется здесь при том, как пошли дела, и первым делом по приезду в город изменит завещание. Она и меня бы взяла с собой. Господи – какая была возможность!

– Мне бы не хотелось жить в Лондоне.

– Ну и дура! Сама не знаешь, что для тебя хорошо. И я не знала, когда вышла за Джо Марша и обрекла себя на жизнь в такой дыре.

– Ты... ты не любила его?

Глэдис рассмеялась. Надо же, подумала мисс Сильвер, до чего неприятный смех.

– Любила! После болезни я осталась без работы, а он получал хорошие деньги. Дурой была. Но раз я теперь одна из главных свидетелей в громком деле об убийстве, то у меня наверняка появятся десятки предложений! Я бы смогла выбирать, выйти за богатого и жить припеваючи, если бы не была привязана к Джо. Правда, сейчас можно развестись – это утешает. Найду мужа получше Джо, этот процесс меня прославит.

– Не следует так говорить.

Глэдис снова засмеялась. Ее смех подействовал на нервы мисс Сильвер.

– Ах, не следует, вот как? погоди же, Полли Пелл, увидишь! Я могла бы сказать еще кое-что, но пока не буду. Приберегу, чтобы произвести впечатление, понимаешь?

– Ты о чем?

– О том, что могу отправить кое-кого на виселицу, если захочу, а я захочу, не сомневайся. Кое-кто из этого дома будет болтаться в петле за то, что сделал, и петлю на его шее затяну я. Во всех газетах появятся мои фотографии, все заговорят обо мне. Эти репортеры меня всю распишут. «Златовласая, голубоглазая Глэдис Марш» – вот такой буду я в одних статьях, а в других – «красавицей-блондинкой». Вот увидишь, обо мне будут писать в новостях, и не будь я Глэдис Марш, если этим не воспользуюсь. Не хочешь оказаться на моем месте?

Голос Полли обрел резкость:

– Ни за что не хочу!

Глава 27

Услышав приближающиеся по коридору шаги, мисс Сильвер поставила стакан и быстро вышла. Навстречу ей шла Джулия Уэйн. От мисс Сильвер не ускользнуло, что при необычной бледности Джулия выглядела довольно решительной. Но каким бы ни было ее намерение, мисс Сильвер ей помешала:

– Я была бы благодарна вам за недолгий разговор, если бы вы смогли уделить мне время.

Она закрыла за собой дверь. Джулия посмотрела мимо нее в ту сторону.

– Я хотела видеть миссис Мэнипл. Она на кухне?

Мисс Сильвер покачала головой:

– Нет, она все еще в кабинете с сержантом Эбботом. Я не задержу вас надолго. Пожалуй, нам подойдет гостиная.

Джулия в молчаливом возмущении пошла вперед. Дом больше не принадлежал им – Джимми определенно не был там хозяином. Их жизни, их поступки, их время, слова, которые они произносили и которые не смели произносить, – все обуславливалось этим непреходящим кошмаром, в котором приходилось жить и мучиться. Джулия обернулась и увидела, что мисс Сильвер по-доброму на нее смотрит. Когда она заговорила, голос ее тоже был добрым:

– Мисс Джулия, всегда лучше всего говорить правду.

Горечь, испытываемая из-за Мэнни, из-за Джимми, из-за них всех, прорвалась в голосе, когда Джулия отозвалась:

– Да?

– Я так думаю, – заговорила мисс Сильвер. – Это не всегда легко сразу понять. Это одна из причин, так затрудняющих ведение дела об убийстве. Люди, которым есть что скрывать, упорствуют в попытках сокрытия. Причина может быть серьезной или пустяковой, но результат всегда один – сведения затемняются. Обычно правдивые люди пытаются уклоняться от правды, и почти всегда безуспешно. Не так-то легко ввести в заблуждение опытного полицейского. Говорить правду гораздо проще и гораздо безопаснее.

В голове у Джулии крутились фразы: «Думаете, я лгу? С какой стати? Мне нечего скрывать», но она не стала их произносить. Джулия посмотрела на мисс Сильвер и забыла о ее чопорности и безвкусной одежде. Она больше не замечала их, осознав ее ум и силу. Ей доставало ума узнать эти качества и силы, чтобы оценить их. Она спокойно, негромко проговорила:

– Я ничего не скрываю – правда.

Мисс Сильвер улыбнулась:

– Спасибо, дорогая моя. Буду очень рада, если вы станете доверять мне. Утаивания не приносят пользы. Невинный ничего от них не выиграет, виновный тоже. Нет худшего наказания, чем кажущаяся безнаказанность в преступлении. Вот почему я сказала, что правда лучше всего. А поговорить я с вами хотела о мисс Мерсер. – Она увидела, как лицо Джулии напряглось, и добавила: – Видите ли, я слышала, что она сказала.

Губы Джулии онемели. Ей пришлось сделать усилие, чтобы разжать их. Она спросила:

– Что вы слышали?

– Слышала, как она пробормотала: «Что я наделала – что я наделала?»

– Минни спала... видела сон... говорила во сне.

Мисс Сильвер слегка кивнула:

– Мисс Мерсер имеет обыкновение ходить во сне?

– Думаю, имела – после смерти своего отца.

– Его смерть была внезапной?

Джулия кивнула:

– Да, в автокатастрофе, ночью. Это было огромным потрясением.

– И в подобных условиях горя и потрясения лунатизм вернулся. Но, возможно, я напрасно сказала о горе. Возможно, горя из-за смерти миссис Леттер не было. Вы можете информировать

меня по этому поводу, так ведь? Или, точнее, можете подтвердить мое впечатление, что мисс Мерсер не питала добрых чувств к миссис Леттер?

Джулия продолжала твердо смотреть на нее широко раскрытыми печальными глазами.

– Не питала. Никто из нас не питал.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Значит, возвращение лунатизма было вызвано потрясением. Когда я только вышла из комнаты, вы спускались следом за ней по лестнице. Когда догнали ее и остановили, мисс Мерсер смотрела в сторону этой комнаты. Было бы любопытно узнать, что бы она стала делать, если бы вошла в нее. Но ваше прикосновение прервало нить ее мыслей. Я пошла к своей комнате и увидела, как вы обе поднялись и вошли в ее комнату.

После ее последних слов Джулия повернулась. На каминной полке стояла ваза с засохшими розами. После среды уборки в этой комнате не делалось, цветы не менялись. Пол был усеян малиновыми лепестками. Джулия начала сгребать их и вспомнила, как в среду вечером на этом месте стояла Минни. Мысленным взором она увидела ее так же ясно, словно это происходило вновь – Минни стоит, полуотвернувшись от комнаты, чуть сгорбившись, словно от усталости не может держаться прямо, и собирает по одному лепестку в маленькую дрожащую ладонь... Усилием воли Джулия отогнала это зрелище. Лепестки упали в камин малиновой кучкой, когда она, повернувшись, воскликнула:

– Минни этого не делала!

Мисс Сильвер пристально наблюдала за ней.

– Если бы вы были совершенно уверены в этом, то не беспокоились бы так сильно.

Джулия сделала прерывистый вдох.

– Я уверена! Любой, кто знает ее, будет уверен! – Она сдержалась и заговорила другим тоном: – Мисс Сильвер, есть поступки, на которые тот или иной человек не способен. Когда знаешь человека, то понимаешь, что для него возможно, а что нет. Минни не способна убить. Невозможно пойти на убийство, если у тебя есть нечто сдерживающее. У людей это нечто либо есть, либо нет. Думаю, каждый, обладающий вспыльчивостью, способен убить, если повод настолько силен, чтобы преодолеть самоконтроль. Я сама вспыльчива, но сдерживаюсь – всегда помню, что нельзя давать себе волю. Думаю, если бы дала, то могла бы... убить. Но у Минни нет вспыльчивости. Я знаю ее всю жизнь и ни разу не видела гневной. В ней не таится дикий зверь, как во мне. Есть и другой вид убийства – обдуманный, хладнокровный. Минни не способна на это, как и я. Никто из нас не способен. Поймите, вы ее не знаете. Она из тех людей, что рождаются бескорыстными – совершенно не думают о себе. Минни всегда была такой, сколько я помню. Она добрая, терпеливая, мягкая, по-настоящему хорошая. У нее не было осуждающего слова даже для Лоис. Она полюбила бы ее, будь это в человеческих силах, потому что в ее натуре любить людей. Понимаете, Минни *хорошая*. Она так же не способна кого-то отравить, как превратиться в гиену. Этого просто не может быть.

Мисс Сильвер улыбнулась обезоруживающе.

– Дорогая моя, у нее есть очень хорошая подруга.

Глава 28

Джулия вышла из гостиной и вновь стала подниматься по лестнице. Едва достигла лестничной площадки, как дверь спальни Лоис отворилась и оттуда выбежала Элли. Джулия изумленно воззрилась на нее. Элли раздурманилась, ее голубые глаза сияли. Подбежав к Джулии, она ухватила ее обеими руками.

– Джулия, это замечательно! Джимми говорит, что я могу забрать сюда Ронни, как только все это закончится! Он просто ангел! Я обняла его – я готова обнять каждого встречного! Я только что говорила со старшей медсестрой по аппарату в комнате Лоис. Эти полицейские не дают никому возможности подойти к телефону в кабинете, а я просто не могла ждать, поэтому позвонила и сообщила медсестре, что незачем отправлять Ронни в Брайтон. Она была недовольна, сказала, что это нарушает все договоренности. И думаю, поняла, что мне наплевать на это, поскольку обозлилась и заговорила так, будто я вновь состою в добровольческом медицинском отряде. Я едва не ответила ей: «Знаете, я больше не подчиняюсь вам и, надеюсь, никогда не буду», только подумала, что этим делу не поможешь, и сдержалась. Говорила только что-то вроде «О», «Нет» и «С вашей стороны это очень любезно», в конце концов она успокоилась и сказала, что они сумеют все уладить. – Она обняла Джулию за шею. – Дорогая, это замечательно!

Время будто пошло вспять. Это была прежняя Элли с румянцем на щеках, с блеском в глазах, полная жизни. У Джулии на миг закружилась голова. Качаться слишком быстро, слишком далеко и сохранять равновесие невозможно. Элли, должно быть, свое потеряла. Она отступила назад и произнесла звонким голосом:

– Худа без добра не бывает, так ведь?

Кто-то поднимался по лестнице позади Джулии. Она едва услышала звук спокойных шагов. Предостерегающе произнесла: «Элли...», но напрасно. Элли топнула ногой и воскликнула:

– Мне все равно! Лоис не позволила бы ему жить здесь – ни за что!

Тут она увидела мисс Сильвер, поднимающуюся позади Джулии. Замерла на миг, румяная, с широко раскрытыми глазами, но перед тем как мисс Сильвер достигла площадки, повернулась, вбежала в комнату, которую делила с Джулией, и захлопнула за собой дверь.

Мисс Сильвер укоризненно кашлянула.

– Это было не очень благоразумно.

– Да, – согласилась Джулия. И продолжила: – Знаете, Элли не думала о благоразумии. Она была искренней. Ей нечего таить. Она очень переживала из-за мужа, и теперь ей не пришлось в голову, что нужно скрывать радость из-за того, что он сможет жить здесь.

Мисс Сильвер задумчиво произнесла:

– Благоразумие так же похвально, как безобидность. Знаете, об этом есть свидетельство в Писании, мисс Джулия.

Она приблизилась к своей комнате и вошла.

Джулия последовала за сестрой. Элли, втирая в лицо крем, сразу же заговорила:

– Я сегодня же поеду повидаться с ним. Сейчас пробую тот крем, что готовит Минни. Если мой румянец сохранится, крем мне не понадобится, только я не могу быть в этом уверена. Лучше подстраховаться, правда?

Джулия подошла к ближайшему окну. Глядя наружу, ответила:

– Полагаю, да. – Потом быстро спросила: – Элли, что дернуло тебя сказать это о Лоис? Тебя слышала мисс Сильвер.

– Ну и пусть. Это правда.

Темные брови Джулии сошлись над переносицей.

– Элли, тебе нужно быть осторожной – нужно всем нам. Эти полицейские не думают, что Лоис покончила с собой – считают, что ее убили.

– Оставь!

– Я должна тебя предупредить. Нам нужно быть осторожными во всем, что говорим или делаем. Твои же слова легко можно превратно истолковать.

Румянец Элли мгновенно исчез.

– Хочешь сказать, они могут подумать, что это сделала я?

Джулия повернулась. Лицо ее было бледным.

– Хочу сказать, мы не должны давать им повода для размышлений. Если ты наведешь их на мысль, что Лоис тебе мешала и ты рада, что ее больше нет, – ничего хорошего из этого не будет, так ведь?

Элли машинально продолжала втирать крем в лицо. Сказала:

– Это ерунда. – И дернула плечом.

Джулия подошла и взяла ее за руку.

– Элли, не теряй голову! Подумай! Когда Лоис пила кофе, в гостиной находились Минни, Джимми и ты. Нельзя давать полицейским повода подозревать тебя.

Элли вырвала руку.

– То была мисс Сильвер, а не полицейские.

– Это одно и то же.

Голос Джулии прозвучал немного смущенно. Теперь Элли, возможно, сочтет ее недоброй. Джулия не собиралась пугать ее, хотела лишь посоветовать проявлять осторожность. Однако вести подобный разговор было все равно что идти по краю пропасти. Не придумав, что еще сказать, Джулия решила спуститься вниз и узнать, закончили ли полицейские дела с Мэнни.

Элли стирала с лица крем, не оборачиваясь и не поднимая взгляда. А Джулия вышла из комнаты с мыслью, что лучше ей было бы помалкивать.

Глава 29

Мисс Сильвер, взяв в спальне новый клубок серой шерсти, спустилась по лестнице. Сумку с вязаньем она оставила на столе в холле, и когда, положив в нее клубок, повесила ее на руку, дверь кабинета открылась, и оттуда вышла миссис Мэнипл, держась прямо и с достоинством. Из холла она направилась по длинному коридору в кухонное крыло.

Как только она скрылась, мисс Сильвер вошла в кабинет. Старший инспектор, встав из-за стола, произнес:

– Ну вот, иди, приведи ее и мисс Сильвер тоже. Я не хочу... – При звуке закрывшейся двери он оборвал фразу. – Вот так так! Откуда вы узнали, что нужны здесь? Я посылаю за вами Фрэнка.

Мисс Сильвер приятно улыбнулась:

– За мной – и, кажется, еще за кем-то. Могу я узнать, кого вы еще вызывали?

– Мисс Мерсер, – отрывисто ответил Лэм. – Хотел расспросить ее об отпечатках пальцев, и поскольку вид у нее такой, будто она вот-вот упадет в обморок, я решил, что вы будете кстати.

Поведение мисс Сильвер стало чуть более сдержанным. Она не считала, что может быть кстати для кого-то. Фрэнк Эббот, собиравший свои бумаги, подавил улыбку.

Мисс Мод Сильвер подошла к креслу, на котором сидела раньше, слегка повернула его и села. Поставила на колени сумку с вязаньем, достала из нее наполовину связанный чулок Дерека и заметила:

– Я всегда рада помочь вам, чем могу, старший инспектор. – Сделав краткую, но впечатляющую паузу, продолжала: – Однако хочу попросить вас не вызывать пока мисс Мерсер. Я только что подслушала разговор между Глэдис Марш и той юной девушкой, Полли Пелл. Когда я повторю его вам, думаю, вы согласитесь, что Глэдис следует допросить безотлагательно.

Лэм недовольно хмыкнул:

– Что она говорила?

– Расскажу. Я находилась в кладовой, дверь в кухню была приоткрыта. Я слышала, как Глэдис хвасталась, что станет свидетельницей, и если дело дойдет до суда, ее фотографии появятся во всех газетах. Сожалела, что, будучи замужем, не сможет ответить на многочисленные предложения руки и сердца, которые предвидит. Однако имела наглость заметить, что это препятствие можно преодолеть.

Фрэнк Эббот оглянулся и поинтересовался:

– Вы определенно потребуетесь нам как дуэнья, если мы будем допрашивать Глэдис – так ведь, шеф?

Озорной блеск в его глазах заставил начальника нахмуриться. Лэм угрюмо сказал:

– Полагаю, это еще не все, иначе вы бы не требовали ее допроса.

– Далеко не все, – подтвердила Мод Сильвер, быстро орудуя спицами. – Похваставшись, что будет в числе главных свидетелей на большом процессе по делу об убийстве, Глэдис продолжала: «Я могла бы сказать еще кое-что, но пока не буду. Приберегу эту новость напоследок, чтобы произвести впечатление». – Полли спросила, что она имеет в виду. В ответ Глэдис сказала, что может отправить кое-кого на виселицу, если захочет, а захочет она непременно. – Добавила: – «Кое-кто будет болтаться в петле за то, что они сделали, и петли на их шеях затяну я. Во всех газетах появятся мои фотографии, и все заговорят обо мне».

Старший инспектор вытянул губы так, будто собирался свистнуть.

– Она так сказала?

– Слово в слово.

– Тогда мы доставим ее сюда и выясним, что она имела в виду. Возможно, ничего особенного, если, как вы говорите, хвасталась. Нет, ничего особенного не может быть, но мы ее вызовем. Где, говорите, она находилась – на кухне?

Мисс Сильвер покашляла.

– Была там. Но, думаю, после возвращения миссис Мэнипл Глэдис окажется где-нибудь в другом месте.

Где бы она ни была, Фрэнк Эббот нашел ее быстро. Послышалось хихиканье Глэдис перед тем, как он открыл дверь и ввел ее в комнату. Она дерзко посмотрела на мисс Сильвер, состроила глазки старшему инспектору, обогнула стол и грациозно опустилась в поставленное для нее кресло. Усевшись, Глэдис закинула ногу на ногу, задрав юбку на несколько дюймов выше колена. Обратила взгляд голубых глаз на Фрэнка, жеманно посмотрела на обнажившийся шелк чулок, затем вновь повернулась к его совершенно равнодушному профилю.

Лэм, подумав, что в детстве ее мало шлепали, стукнул по столу ладонью и повысил голос:

– Послушайте, миссис Марш! Сержант Эббот здесь не затем, чтобы пялиться на вас, – он будет записывать ваши слова, так что имейте это в виду.

В ответ он получил томный взгляд и смешок.

– Вы пока ни о чем не спрашивали меня – так ведь?

– Не беспокойтесь, спрошу. Итак, миссис Марш, прошу вашего полного внимания. Минут пятнадцать – двадцать назад вы были в кухне, разговаривали с Полли Пелл...

Глэдис надула губы, накрашенные в ярко-красный цвет.

– Совершенно верно – у нас был легкий завтрак. В этом есть что-то дурное?

Ответа на свой вопрос она не получила. Лэм безразлично посмотрел на нее, как на тряпичную куклу, и сообщил:

– Ваш разговор подслушали.

Глэдис приподняла выщипанные брови и жеманно отозвалась:

– Правда? Я не представляю, как люди могут унизиться до подслушивания у дверей, а вы? Помоему, это непорядочно.

Лэма это заявление вывело из себя, и он раздраженно произнес:

– Хватит кривляться! Вы сказали, что знаете о смерти миссис Леттер больше, чем открыли полиции. Что можете отправить кое-кого из этого дома на виселицу и сделаете это, но скрываете то, что вам известно, поскольку хотите произвести впечатление.

Томность исчезла из ее глаз. В них отразилась расчетливость.

– Надо же!

– Объясните, что вы имели в виду?

– Ну... не знаю...

– Думаю, лучше объяснить. Слышали когда-нибудь о соучастии в деле об убийстве? Соучастником считается человек, знающий что-то об убийстве, либо до, либо после его совершения – тот, кто соучаствует советом, приказом или сокрытием. – Он медленно, веско повторил последние два слова: – Или сокрытием, миссис Марш. Соучастника могут судить вместе с исполнителем преступления. – Тон его внезапно изменился. – Но тут, думаю, вы просто хвастались, хотели произвести впечатление на Полли. Если бы вы действительно знали что-нибудь, то вы, с вашим умом, не стали бы искать неприятностей, скрывая это. Вы будете гораздо лучше выглядеть на свидетельском месте, чем на скамье подсудимых – сами понимаете. Ну, отвечайте! Просто хвастались, да?

Глэдис встряхнула головой.

– Это свободная страна, разве нет? Я имею право говорить, что хочу.

Лэм непринужденно продолжал:

– Вы сказали, что можете отправить кое-кого на виселицу. Нельзя говорить такие вещи во время расследования убийства и не получить вопроса, что вы имели в виду. Итак – имели что-то в виду или нет? Если да, то, знаете ли, лучше сказать сразу. Не стоит приберегать это, чтобы произвести впечатление, как вы говорили, и оказаться в беде по самые уши. – Он дал ей чуть поразмыслить, потом спросил напрямик: – Знаете что-нибудь или нет?

Глэдис злобно сверкнула глазами.

– Ну, ладно, знаю.

– Хорошо, говорите.

Фрэнк Эббот придвинул к себе блокнот и взял карандаш. Глэдис посмотрела на него краем глаза. Он будет стенографировать то, что она скажет. Потом отпечатает это на машинке, и они попросят ее это подписать, как раньше. В принципе нет особой разницы, рассказать это сейчас или потом. С полицейскими лучше ладить, а не то они могут подкинуть проблем. Симпатичный парень этот сержант Эббот – холодный с виду, а там как знать. Неплохо бы устроить с ним

свиданку. Ему небось до смерти скучно в гостинице... – Глэдис по-другому забросила ногу на ногу, задрав юбку чуть повыше. Хорошо, что она надела эти новые длинные чулки. Миссис Леттер не понравился цвет, и она отдала их. Странно представить, что ее нет, а эти чулки здесь. Искреннее сожаление, что источник стольких милостей исчез, придало стимул ее решению. Отбросив назад густую гриву волос, Глэдис заговорила:

– Не знаю, кто слышал мой разговор с Полли, но мне нечего скрывать. Я знаю, что видела, что слышала и что об этом думаю. Но тогда я ничего не знала, поэтому нечего грозить мне бедой.

Старший инспектор грубовато-добродушно сказал:

– Вам ничто не грозит, если вы не сделали ничего дурного.

– Я! – Глэдис вскинула и опустила ресницы – этот взгляд она тщательно отработала перед зеркалом. – Я добропорядочная женщина, это вам кто угодно скажет.

– Ну, так расскажите нам, – сдержанно попросил Лэм, – что вы слышали и видели.

– Ну, вот слушайте. Это было вечером во вторник...

– Во вторник этой недели?

– Да, накануне был скандал в комнате мистера Энтони, а на другой день после миссис Леттер отравили.

– Хорошо, продолжайте.

– Миссис Леттер оставалась в своей комнате большую часть дня. Мистер Леттер отсутствовал почти весь день. Я не знала, что его не было, пока не вышла из комнаты миссис Леттер около семи часов и не услышала его голос в спальне мисс Мерсер...

– Что-что?

Глэдис смотрела сквозь ресницы.

– Он находился в спальне мисс Мерсер по другую сторону лестничной площадки. Дверь была не заперта.

– Вы подслушивали?

Она встряхнула головой.

– Мне это показалось подозрительным, и я подумала, что, может, миссис Леттер будет интересно узнать. Он поднял большой шум из-за того, что она была в комнате мистера Энтони, а сам пришел в спальню мисс Мерсер. Мне это показалось подозрительным.

Лэм воззрился на нее.

– Между полуночью и семью часами вечера большая разница, разве не так? Ну, вы подслушивали...

– Я подумала, что миссис Леттер будет интересно узнать, о чем они говорили. И прямо-таки поразилась!

– Почему?

– Мистер Леттер плакал – по-настоящему, стоял на коленях, положив голову на колени мисс Мерсер.

– Откуда вы знаете?

– Потому что заглянула из-за двери. Они были так заняты собой, что не заметили бы, если б я вошла, но я только заглянула и спряталась. Мисс Мерсер сидела в маленьком кресле, мистер Леттер стоял на коленях, положив голову ей на колени, а она гладила его по голове и приговаривала: «Мой бедный Джимми!» – Глэдис возмущенно фыркнула. – И я подумала: «Хорошенькие дела!»

Мисс Сильвер посмотрела поверх щелкающих спиц и вставила:

– Старший инспектор, вы наверняка знаете, что мистер Леттер и мисс Мерсер росли вместе как брат и сестра.

– Да, да, – ответил Лэм и поднял руку, требуя молчания. – Продолжайте, мисс Марш.

– Мистер Леттер еще поплакал, совсем как большой ребенок. А потом неожиданно сказал: «Мне нужно поспать. Я сойду с ума, если не посплю, или сделаю что-то, о чем пожалею. Дай мне что-нибудь снотворное. Что у тебя есть?» Я снова заглянула из-за двери, а он подошел к аптечке, висевшей над книжным шкафом. Открыл дверцу, и я увидела, как он взял пузырек и стал его рассматривать.

– Какой пузырек?

– Плоский, с завинчивающейся пробкой. Произнес: «От этого я засну», а мисс Мерсер подошла и забрала пузырек. Возразила: «Нет-нет, это морфий. Нельзя его принимать – это опасно». А мистер Леттер сказал: «Мне лишь бы заснуть, а там хоть совсем не просыпаться».

– Уверены, что он это сказал?

Глэдис кивнула.

– Еще бы! Я же слышала!

– Продолжайте.

– Мисс Мерсер поставила пузырек обратно. Сказала, что не следовало держать его на этом месте. Видимо, решила убрать его подальше, чтобы не стоял на виду. Взяла другой пузырек и высыпала что-то себе в руку. Дала это мистеру Леттеру и добавила: «Прими это, когда ляжешь. Вреда от них не будет». А он сказал: «Мин, весь вред уже причинен». И я ушла, потому что он как будто собирался уходить.

Мисс Сильвер отрывисто, сухо кашлянула. И обратилась к Глэдис Марш:

– По-моему, миссис Леттер спустилась к ужину.

Не удостоив ее взгляда, Глэдис ответила:

– Да, спустилась.

– Заходили вы в ее комнату, чтобы помочь ей одеться?

– Что, если да?

– Совершенно ничего, миссис Марш, – я просто хочу знать.

Глэдис принялась разглядывать свои ярко-красные ногти. Не пытаясь быть вежливой, лениво отозвалась:

– Ладно, заходила.

– И сообщили ей то, что подслушали?

Глэдис резко вскинула голову и спросила у старшего инспектора:

– Послушайте, кто она вообще такая? Я не обязана отвечать ей, так ведь?

Лэм сурово сказал:

– Вы не обязаны отвечать никому, пока не предстанете перед коронером. Но если не делали ничего дурного, к чему артачиться? Вопрос простой. Может, ответите мне, если я задам его. Рассказали вы миссис Леттер то, что подслушали?

Глэдис вытаращилась на него.

– Как вы думаете?

– Думаю, что да.

– Умник!

Лэм пропустил это слово мимо ушей.

– Только я хотел бы услышать от вас, рассказали или нет. Ну, выкладывайте!

Волосы снова упали ей на лоб. Глэдис отбросила их назад.

– Конечно, рассказала! Для того и подслушивала, так ведь?

– Вы это признаете. Значит, сказали миссис Леттер, что в комнате мисс Мерсер есть пузырек с таблетками морфия – упомянули вы о нем?

Глэдис помрачнела:

– Рассказала ей то, что видела и слышала, как рассказываю вам.

– Упомянули о морфии?

– Не понимаю, к чему вы клоните. Конечно, упомянула!

Лэм немного помолчал. Потом спросил:

– Вы уверены, что сообщили обо всем, что видели и слышали?

– Вам что, мало?

– Я спрашиваю, все ли вы сообщили нам, что видели и слышали.

– Я видела мистера Леттера с морфием в руке и слышала, как мисс Мерсер сказала ему, что эта штука опасная. Это кое-что, разве нет?

– Да, это кое-что, – согласился инспектор.

Глава 30

– Хорошо, – сказал Лэм, – можете идти. Сержант Эббот печатает ваши показания, и вы сможете подписать их. Они могут быть важными или нет – в зависимости от того, что покажут другие. Дав их, вы поступили правильно, но предупреждаю – помалкивайте, иначе можете попасть в беду. Знаете, не стоит болтать о том, что можете отправить кого-то на виселицу.

Глэдис качнулась назад вместе с креслом и встала. Проходя мимо Фрэнка Эббота, ухитрилась задеть его. Сделала вид, что споткнулась. Ухватила за его плечо, длинная прядь ее желтых волос упала и коснулась его щеки. Он с отвращением почувствовал, что волосы немывыты. Что-то в выражении его лица, в том, как он ее оттолкнул, заставило Глэдис покраснеть. Она злобно взглянула на него и повернулась к Лэму.

– Значит, я должна помалкивать, вот как? Понятно, чтобы вы могли замаять дело! Сделай это я, замалчивать бы не стали. Но раз это мистер Леттер, владелец Леттер-Энда, никто не должен говорить, что он отравил жену! А я вот что скажу всем вам – миссис Леттер была моим хорошим другом, и вы мне рот не заткнете! У меня есть те же права, что и у всех других! – Она подошла к двери, рывком открыла ее и повернулась на пороге, чтобы выпалить последнюю фразу: – Мой язык – это мой язык, я буду говорить, что хочу – и все тут!

Дверь захлопнулась. Старший инспектор тихо присвистнул. Фрэнк Эббот достал безупречно чистый платок и вытер щеку. Мисс Сильвер продолжала вязать.

Лэм заговорил первым:

– Иногда несладко быть полицейским – это уж точно.

Фрэнк скомкал платок и сунул обратно в карман.

– Хорошо бы несколько раскаленных клейм, шеф? Знаете, я почему-то не думаю, что вы были бы на своем месте в камере пыток.

Лэм грозно посмотрел на него, но затем успокоился.

– Отшлепать бы ее как следует, – сказал он. – Жаль, никто не делал этого в ее детстве.

Мисс Сильвер покашляла.

– Очень дурно воспитанная молодая женщина. Как справедливо говорит лорд Теннисон, «Слова жгут, как огонь». Но она будет хорошей свидетельницей, старший инспектор.

Он быстро повернулся в кресле.

– В каком смысле?

Чулок Дерека быстро увеличивался.

– Она разумна и, думаю, точна. Может, слово «сообразительна» будет лучше, чем «разумна». Когда вы столь любезно позволили мне прочесть показания, которые сделала Глэдис, я была немало удивлена ее описанием того, что произошло в комнате мистера Энтони Леттера в понедельник ночью. Оно оказалось ясным, живым и таким точным, что ни мистер Энтони, ни мистер Джимми Леттер ничего не опровергли. Это говорит о слуховой памяти, которая встречается не так уж часто. Слушая Глэдис сейчас, я утвердилась в этом мнении. Разумеется, ее показания были окрашены злостью, но она говорила очень ясно и выделяла самое существенное. Я очень удивлюсь, если ее описание того, что происходило в комнате мисс Мерсер, не будет совершенно точным.

Фрэнк Эббот внимательно посмотрел на нее. Старший инспектор с силой хлопнул рукой по колену.

– Вашему клиенту придется туго, мисс Сильвер. Она выйдет на свидетельское место и покажет под присягой, что он знал, где может взять смертельную дозу морфия. Согласен, она устроит там хороший спектакль, если среди присяжных будет мало женщин – закатыванием глаз их не проймешь. Да, положение Джимми Леттера оставляет желать лучшего.

Мисс Сильвер покашляла.

– Полагаю, вы не упускаете того факта, что Глэдис Марш будет вынуждена еще показать под присягой, что миссис Леттер знала, где может взять морфий?

Лэм нахмурился. Сжал пальцы в кулак, а потом развел их, словно что-то выпуская. Грубовато-добродушно сказал:

– Очко у вас, очко у меня – так?

Спицы мисс Сильвер пощелкивали. Она строго заметила:

– Я не могу принять намека, что мы встаем на чьи-то стороны, старший инспектор.

– Ладно, ладно, – произнес он и повернулся к Фрэнку. – Надо продолжать. Скажи мисс Мерсер, что я хочу задать ей несколько вопросов.

Пока они ждали, Лэм взял палочку сургуча и стал с ней возиться. Когда она сломалась, он резко повернулся к мисс Сильвер и сказал:

– Знаете, вы очень упрямая женщина.

Она с легкой улыбкой в глазах встретила его взгляд.

– Надеюсь, что нет.

– И напрасно.

– Упрямство – это помеха свободной работе мысли. Оно парализует разум. Выводы, основанные на предвзятых мнениях, ничего не стоят. По-настоящему мыслит только непредубежденный разум. Я стараюсь избегать предубежденности.

Старший инспектор взял два обломка сургучной палочки, нахмурился, пытаясь совместить сломанные концы, внезапно оглянулся и спросил:

– Послушайте, а не прячете ли вы чего-нибудь в рукаве?

– Уверю вас, совершенно ничего.

– Случайно не скрываете там убийцу?

– Право же, нет.

Он бросил сургуч и повернулся лицом к ней.

– Если дело дойдет до суда, защите придется туго. Все складывается между мужем и женой. Они оба знали о морфии. Либо он дал ей морфий, либо она приняла его сама. Вы читали все показания, вы так общаетесь с членами семьи, как невозможно полицейским. Вы наверняка разговаривали с ними и по их словам составили мнение о миссис Леттер. Не думаю, что оно сильно отличается от моего. Не ходя вокруг да около, скажите, считаете ли вы вероятным, что она совершила самоубийство?

– Вероятным? Нет. Но случаются и невероятные вещи, старший инспектор.

– То есть вы считаете, что миссис Леттер покончила с собой?

– Нет... – задумчиво произнесла мисс Сильвер. Потом продолжила: – Пожалуйста, поймите меня правильно. Сейчас у меня нет никакого мнения – я смотрю на все непредубежденно. Согласна с вами, что миссис Леттер, по всем отзывам, не производит впечатление женщины, способной на самоубийство, согласна, что если бы она хотела покончить с собой, то приняла бы морфий, ложась в постель. Но, как я сказала, случаются невероятные вещи, особенно когда люди перенесли шок или сильное душевное волнение. Мы почти ничего не знаем о душевном состоянии миссис Леттер. Внешне она выглядела бессердечной, избалованной, привыкшей добиваться своего, но мы понятия не имеем о том, что творилось под этой оболочкой. Все полагают, что ее чувство к мистеру Энтони было капризного, легкомысленного характера, что в преследовании мистера Энтони она руководствовалась гневом на мужа и желанием наказать его. Мистер Энтони придерживался именно этого взгляда. Разумеется, это вполне естественно. Он очень привязан к двоюродному брату и хочет преуменьшить значение того, что произошло в понедельник ночью, представив это внезапным гневным капризом. Но вполне может быть, что чувства миссис Леттер к нему имели более серьезный характер. Она не привыкла, чтобы ее отвергали. Предположим, она была движима одной из тех опасных страстей, которые часто предшествуют трагедии, – предположим, миссис Леттер увидела соперницу в мисс Уэйн. Это было бы очень взрывоопасное положение. Что происходит? Она не только отвергнута, но отвержение происходит в присутствии ее мужа, в обстоятельствах, жестоко подрывающих чувство собственного достоинства. Помню, много лет назад меня очень поразило утверждение, что женщины склонны совершать насильственные преступления после неожиданной потери уважения к себе.

– Это верно, – произнес Лэм. – Ну что ж, вы сказали, что у вас никакого мнения нет, но, похоже, вы его мне высказали.

Мисс Сильвер сделала отрицательный жест.

– Это просто допущение, старший инспектор. Это не мнение.

Глава 31

Когда Минни Мерсер села в кресло, где недавно сидела Глэдис Марш, очевидно, все трое присутствующих поразились контрасту между ними. Мисс Мерсер выглядела не только больной и усталой, но и хрупкой, что слегка насторожило старшего инспектора. В ее глазах застыло горестное выражение. Она сложила руки на коленях и откинулась на высокую спинку кресла.

Лэм тоже откинулся назад, поза его была непринужденной, тон спокойным. Он явно не хотел волновать мисс Мерсер.

– У меня к вам всего несколько вопросов, – сказал инспектор, когда она вошла в комнату. Подождите, пока она усядется, и спросил:

– Давно вы живете в Леттер-Энде?

Ответом было еле слышное:

– Да.

– Двадцать пять лет?

– Да.

– Никогда не думали о том, чтобы съехать?

Еще более тихое:

– Нет.

– Однако теперь съезжаете – или, скажем, собирались съезжать перед смертью миссис Леттер?

– Да.

– Почему?

Она сцепила руки.

– Миссис Леттер делала другие приготовления.

– Она вас предупредила.

Возможно, в его резкости была определенная цель. Щеки мисс Мерсер слегка покраснели. Она ответила со спокойным достоинством:

– Это не совсем так. Миссис Стрит и я делали вдвоем всю домашнюю работу, так как нанять штат слуг трудно. Это была временная договоренность. Миссис Леттер... – произнося имя, Минни слегка запнулась, – миссис Леттер удалось найти дворецкого и двух горничных.

Лэм проникательно посмотрел на нее.

– Вы не ответили на мой вопрос, так ведь? Позвольте спросить по-другому. Миссис Леттер попросила вас съехать или это ваше решение?

Со щек мисс Мерсер исчез легкий румянец. На совершенно бледное лицо смотреть всегда жутковато. Минни разжала губы, чтобы заговорить, и сжала их снова.

– Ну что, мисс Мерсер?

Теперь она нашла слова:

– Моя работа здесь была окончена.

– Да, – сказал Лэм, – понятно. Вернемся слегка назад – каким было ваше положение здесь до женитьбы мистера Леттера?

– На это непросто ответить. Я заботилась о доме. Я... до того, как миссис Стрит вышла замуж, а мисс Уэйн уехала работать на войну... я... в доме были две девочки... им нужен был кто-то после смерти их матери...

– Вы заняли место миссис Уэйн?

Голос мисс Мерсер потеплел:

– Это было невозможно. Я делала, что могла.

– Можно сказать, что вы вели дом и заботились о двух девочках?

– Да, пожалуй.

– Но вы получали жалованье.

Румянец на ее щеках быстро выступил и быстро исчез.

- Да.
- У вас имелись какие-то личные средства?
- Нет.

– Было у вас на примете другое место?

Она покачала головой.

- Какое жалование вы получали?
- Шестьдесят фунтов – после смерти миссис Уэйн.

Фрэнк Эббот бросил быстрый взгляд на шефа. Шестьдесят фунтов в год – во время войны, когда зарплаты и жалованья так выросли!

Лэм бесцеремонно сказал:

- Это очень мало. Вы не думали попросить о повышении?
- О, нет!

Если бы кто-нибудь взглянул на мисс Сильвер, то заметил бы, что она хмурится, и губы ее неприязненно сжаты. Она с трудом сдерживалась. Она относилась к старшему инспектору с немалым уважением, но иногда ему доставало тактичности. Мисс Мерсер леди. С леди так не разговаривают. Подобно Давиду в псалмах она не открывала уст своих, но ей было горько и мучительно.

Лэм, не догадываясь об этом, продолжал допрос:

- Тогда, как я понимаю, вы не скопили денег.
- Нет.

– Вы не ожидали перемен?

Она ответила кротким, усталым голосом:

- Перемен не ожидаешь, но они приходят.

Лэм кивнул:

– Это возвращает нас к началу разговора. Я хочу знать, кто предложил эту конкретную перемену. Миссис Леттер или вы?

– Миссис Леттер. Я этого ожидала.

– Понятно. Но мистер Леттер считал, что перемены хотели вы. Кто ему это сказал? Миссис Леттер?

- Да.
- Вы не разубеждали его?

Мисс Мерсер покачала головой.

– Расстраивался он из-за вашего ухода, просил вас остаться? Вы позволили ему думать, что хотите уйти. Почему?

Она очень кротко ответила:

– Так было лучше всего. Я не могла оставаться, раз миссис Леттер хотела, чтобы я ушла. Я не хотела, чтобы из-за меня возникали осложнения.

- Понятно, вы не хотели быть причиной ссоры. Вот в чем дело. Они часто ссорились?
- Нет-нет.

– Но вы думали, что могут поссориться из-за вас?

– Я не хотела создавать никаких осложнений.

Лэм подался вперед.

– Мисс Мерсер, вы знаете, что произошло ночью в понедельник – Глэдис Марш разнесла это по всему дому. Знаете, что миссис Леттер вошла в комнату мистера Энтони, и муж застал ее там. Я бы хотел узнать, когда вы об этом услышали и кто вам это сказал.

Костяшки на ее сцепленных руках побелели. Минни тоже подалась вперед.

– Мне сказал мистер Леттер. Я услышала, как ходят люди, и выглянула из своей комнаты. Увидела, что он возвращается. Подумала, что что-то случилось. Он повернулся и увидел меня. Сказал мне, что произошло.

– Как он выглядел?

– Потрясенным... – Голос ее оборвался. Через несколько секунд Минни заговорила снова: – Я довела Джимми до его комнаты, потом спустилась, приготовила чаю. Принесла ему и заставила выпить. – Она посмотрела прямо на старшего инспектора. – Он не был в гневе... был просто... убит горем.

– Долго вы пробыли у него?

– Не очень. Я надеялась, что он уснет.

– Так, переходим ко вторнику. У вас был разговор с ним во вторник?

– Его не было дома весь день.

– Но вечером он пришел домой. Разговаривали вы тогда с ним – часов в семь вечера, когда он зашел к вам и попросил чего-нибудь снотворного?

Глаза ее расширились. Через несколько секунд Минни ответила:

– Я дала ему аспирин – две таблетки. Он никак не мог заснуть.

– Да, мы это знаем. Он зашел к вам около семи, так ведь? Будьте добры, расскажите, что произошло между вами.

В ее расширенных глазах появилось выражение памятной душевной боли. Мисс Мерсер постаралась говорить громче, но голос все равно звучал очень тихо:

– Джимми вошел – его не было весь день. Он был очень... расстроен. Попросил чего-нибудь снотворного.

– Так.

– У меня есть – то есть была – в комнате небольшая аптечка... Инспектор забрал ее...

– Да, мы знаем.

– Если требуется какое-то лекарство, все приходят ко мне. Вот почему пришел мистер Леттер. Я дала ему две таблетки аспирина.

– Но ведь это не все, что там происходило, так ведь? – Лэм оглянулся на Фрэнка. – Можешь зачитать показания миссис Марш по своей стенограмме?

– Да, сэр.

Минни Мерсер сделала легкий, дрожащий вдох.

Фрэнк Эббот начал читать ничего не выражающим голосом. Минни слушала, потому что была вынуждена. Закрывать уши она не могла. Она узнавала, что все, сказанное ею и Джимми, подслушала Глэдис Марш. Она не могла ни выключить сознание, ни выгородить Джимми. Это походило на раздевание донага. Комната заполнялась легкой, трепетной дымкой. Голос сержанта Эббота доносился словно бы издалека. Наконец он утих.

Старший инспектор спросил:

– Это верное сообщение о том, что произошло между вами и мистером Леттером?

– Думаю, что да...

Услышав эти слова, Минни поняла, что произнесла их.

– По существу это верно? Он подошел к аптечке, достал пузырек с таблетками морфия, и вы сказали: «Нет-нет – это морфий! Нельзя его принимать – это опасно»?

– Да.

– А он ответил: «Мне бы лишь заснуть, а там хоть совсем не просыпаться»?

– Да.

– Так, мисс Мерсер, что вы сделали с этим пузырьком?

– Поставила обратно в аптечку.

– Был он на своем обычном месте, когда мистер Леттер вынул его?

– Он отвернулся от аптечки с пузырьком в руке.

– Миссис Марш говорит, вы сказали что-то о том, что пузырек был не на своем месте.

Мисс Мерсер невыразительно посмотрела на него.

– Не помню, что говорила. Наверно, подумала, что Джимми взял пузырек с передней части полки. Он не должен был там стоять.

– Откуда у вас морфий?

– От моего отца – он был врачом. Перебравшись сюда, я взяла с собой аптечку. В ней имелся пузырек с таблетками морфия.

– Знали вы, что морфий концентрированный и таблетки могут быть опасными?

– Да.

– Вы хранили их в незапертой аптечке, где они были доступны кому угодно?

– Нет, аптечку я запираю.

– Она была не заперта, когда к ней подошел мистер Леттер?

– Да. Я доставала оттуда кольт для миссис Стрит.

– Но, как правило, вы держали аптечку на запоре?

– Да.

– Где вы хранили ключ?

– На связке.

– А где держали связку?

– В коробке для носовых платков, в ящике туалетного столика.

Лэм хмыкнул:

– И, наверно, все в доме знали, где вы ее держите.

Минни негромко сказала твердым голосом:

– Никто в доме не полез бы в мой ящик и не взял бы мои ключи.

– Ну, это еще неизвестно. И вы не знаете, где стоял пузырек с морфием, когда его нашел мистер Леттер. Но, думаю, знаете, где ему положено было находиться.

– Да. В глубине полки есть картонная коробка. Пузырек должен был находиться в ней.

– Уверены?

– Да, совершенно уверена.

– Вы поставили его туда, когда возвращали в шкафчик?

– На этот раз – нет.

– Объясните, почему.

Минни заколебалась, но не мучительно, скорее в неуверенности.

– Думаю... хотела побыстрее дать что-нибудь мистеру Леттеру. Подумала, что осмотрю пузырек после его ухода. Я оставила его на передней части полки.

– Почему вы хотели его осмотреть?

– Подумала... мне показалось... – Она не договорила.

– Продолжайте.

Минни жалобно посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Я не могу быть уверена.

– То есть у вас создалось какое-то впечатление, но вы не были уверены, что оно верное. Так?

Она немного успокоилась и ответила:

– Да.

– Может быть, расскажете об этом впечатлении. В чем оно заключалось?

– Я подумала, что таблеток в пузырьке стало меньше.

Лэм вытянул губы так, будто собирался свистнуть.

– Стало меньше? Как вы могли определить?

– Я потом посмотрела – и засомневалась. После смерти отца я не касалась этих таблеток. На тех пузырьках, где хранились опасные лекарства, он писал количество таблеток на приклеенной ко дну полоске бумаги. Всякий раз, беря оттуда таблетку, он зачеркивал старое число и писал новое, поэтому всегда знал, сколько таблеток оставалось в пузырьке. Я хотела сосчитать таблетки, убедиться, что они не тронуты, но когда взглянула на полоску бумаги, она была так испачкана, что не прочесть.

– Что вы сделали с пузырьком после этого?

– Поставила обратно в картонную коробку.

– Заперли аптечку и убрали ключи?

– Да.

Лэм подался вперед.

– Мисс Мерсер, мог мистер Леттер взять оттуда несколько таблеток так, чтобы вы не видели?

Минни отшатнулась так, словно он ее ударил. И ответила: «Нет!» не только голосом, но и всем телом.

– Нет, нет! О, нет! – А затем: – У него возможности не было. Джимми пошел к аптечке, я за ним. Я видела, как он вынул из аптечки руку с зажатым в ней пузырьком. Нет, не было ни малейшей возможности.

Лэм отпустил ее.

Когда за Минни закрылась дверь, он сказал:

– Интересно, сама она это придумала, или ей подсказал мистер Джимми Леттер.

Мисс Сильвер покашляла.

– Очевидно, вы имеете в виду намек мисс Мерсер, что во вторник вечером, когда она и мистер Леттер брали пузырек, там не доставало нескольких таблеток.

Лэм издал отрывистый смешок.

– Вы можете назвать это намеком, я могу назвать попыткой обмануть нас. Не уверен, что назову так, но мог бы. С какой стороны ни посмотреть, это разумно. Мне хотелось бы знать, кто тут проявил ум. При взгляде на них не подумаешь, что мистер Леттер или мисс Мерсер способны подставиться сами или подставить других. Конечно же, сразу бросается в глаза – она на все готова, чтобы отвести от него подозрение. Я бы хотел только, чтобы еще кое-что так же бросалось в глаза. Но если мисс Мерсер ненамного умнее, чем кажется, то не придумала бы ход с исчезновением таблеток. Это умно, и она умно это подала – не переигрывала. Знаете, мне с самого начала казалось, что тут руководит всем кто-то мозговитый. Если мисс Мерсер не придумала это сама, я бы хотел знать, кто.

Мисс Сильвер укоризненно покашляла.

– А не хотите рассмотреть возможность того, что она говорила правду, старший инспектор?

Глава 32

У Джулии состоялся краткий, раздражающий разговор с миссис Мэнипл. Если она ожидала найти кухарку унылой, то ошиблась. Возвратившись в свои владения, Мэнни обнаружила там «эту Глэдис Марш», сидевшую на кухонном столе и, по ее собственному выражению, «привела в чувство». При всей своей наглости Глэдис встретила достойную противницу. Правда, ушла она с дерзкими словами, но очень поспешно. Безмолвная, дрожащая Полли была отправлена чистить овощи в судомойню, и дверь в кухню захлопнулась с громким стуком.

Джулию миссис Мэнипл встретила с таким величественным видом, что та почувствовала себя пятилетней.

– Мэнни, что произошло?

– Готовлю торт, мисс Джулия.

– Мэнни! Я о том, что было в кабинете. Расскажи, пожалуйста.

Миссис Мэнипл смотрела поверх ее головы.

– Рассказывать, как я понимаю, нечего. Я вошла и вышла. Сообщила полицейским то, что вы требовали, а что это даст им или кому-то еще, не знаю. Но рассказала все – нельзя сказать, будто что-то скрыла. А толстый полицейский, тот заявил, чтобы я никуда не отлучалась на тот случай, если понадобится. Я могла бы ответить, что мне это не трудно, я уже больше пятидесяти лет здесь, если не считать выхода в церковь по воскресеньям, в деревню, да изредка в Крэмpton, но не захотела унижаться. Я вышла оттуда, и если обед будет испорчен, вина не моя. А теперь, мисс Джулия, позвольте мне остаться в моей кухне одной.

Некоторое время спустя Джулия встретила возвращавшегося из сада Джимми.

– Они снова хотят видеть меня, – произнес он.

– Полицейские?

Джимми кивнул.

Джулия перепугалась. Не могут же они арестовать его – или могут? В этом кошмарном мире межевых знаков нет. Он окружает их, из него нет выхода. Любая тропа может исчезнуть под ногами, любой мост может рухнуть, любое слово или поступок могут привести к беде. И они все время находятся под надзором.

Джимми уныло сказал безнадежным тоном:

– Не знаю, зачем я им понадобился – они уже расспросили меня обо всем.

И прошел мимо Джулии, волоча ноги.

Может быть, потому, что при Мэнни Джулия почувствовала себя маленькой девочкой, она выбежала из дома. Если полицейские собираются арестовать Джимми, она не может при этом присутствовать, не может этого видеть. Нужно найти Энтони. Ее порыв был бездумным, интуитивным.

Когда этот импульс прошел, Джулия его устыдилась. Движимая им, она дошла почти до розария. Остановилась и огляделась. Утро было прекрасное, ранняя дымка рассеялась, свежий воздух наполнился ароматом цветов и предвестием тепла. На небе не виднелось ни облачка. Джулия заметила, что Энтони идет к ней, и стала его ждать. Даже в окружении этого кошмара Энтони был реальным.

Он подошел к ней, взял ее под руку и спросил:

– Что стряслось?

– Не знаю... мне страшно. Они снова вызвали Джимми. Я подумала... – Голос ее оборвался. Джулия конвульсивно сжала руку Энтони. – Как думаешь... они... арестуют его?

Он совершенно спокойно ответил:

– Сейчас – сомневаюсь. Но даже если и арестуют, это еще не конец света. Не смотри так. Думаю, они только хотят задать ему еще несколько вопросов. Это треклятое завещание...

– Они допрашивали его целую вечность, как только появились сегодня утром.

Энтони принялся разгуливать с ней взад-вперед. По обе стороны дорожки росли большие кусты мускусной розы в полном цветении ранней осени, с розовыми бутонами, кремовыми цветами и райским ароматом. Они казались нереальными. Однако Энтони был реальным.

Они прогуливались взад-вперед и разговаривали. Джулия рассказала ему о Мэнни, и он заметил:

– Не думаю, что от этого будет какой-то прок.

Его слова напугали Джулию, потому что она строила на этом планы, потому что она и Энтони заставили Мэнни пойти и признаться. Если от этого не будет никакого проку, зачем они это делали? Джулия растерялась, у нее даже закружилась голова. Звучавшие слова были лишены всякого смысла.

Когда она взяла себя в руки, Энтони раздраженно говорил:

– Ему нужно открыть глаза. Это завещание становится серьезной угрозой. Когда он выйдет, я поговорю с ним. Тебе следует поддержать меня. До сих пор все мы вздыхали «бедный старый Джимми» и ходили на цыпочках вокруг него. Это нужно прекратить. Джимми находится в чертовски опасном положении. Чем скорее он это поймет и начнет защищаться, тем лучше.

– Что он может сделать?

– Он может не говорить, стоит только открыть рот, что Лоис не совершала самоубийства.

Джулия повернулась и взглянула на Энтони.

– Имеет значение то, что он говорит?

– Еще бы! Мы все вели себя глупо. Нужно было всячески поддерживать версию о самоубийстве. Раз полицейские отпустили Мэнни, значит, они не воспринимают ее признание всерьез. Почему? Мне кажется, тут две причины. Первая – она никак не могла бы заставить Лоис взять отравленную чашку и не пошла бы на риск, что ее возьмет Джимми. Вторая – они считают Джимми отравителем. Нужно объяснить ему, в каком положении он находится. Он должен открыть глаза и не обвинять себя в смерти Лоис. Сейчас он так замечательно изображает всем своим видом виновность и раскаяние, что не будь это Джимми, я мог бы сам в это поверить. Послушай, Джулия, может, морфий был не в кофе? Ела Лоис за обедом что-нибудь – хоть что-то, – чего не ели остальные?

Джулия покачала головой:

– Полиция исследовала все, что мы ели и пили. Морфий мог находиться только в кофе – это единственное, чего не пили все мы.

Они дошли до газона. Джимми Леттер шел навстречу им по траве. Он выглядел больным и совершенно отчаявшимся. Подойдя к ним, сказал, запинаясь:

– Не знаю, зачем они хотели видеть меня. Все это бессмысленно.

Энтони выпустил руку Джулии. Отступив назад, он, казалось, грозно возвысился над ней и Джимми – рослый, суровый, с хмуро сведенными бровями.

– О чем тебя спрашивали?

– О том, что Минни дала мне таблетки аспирина.

– Когда это было?

– Во вторник вечером. Я не спал – казалось, сойду с ума, если не посплю. Но Минни не дала мне морфия – сказала, что он опасен. Мне было все равно, опасен или нет, – я только хотел заснуть. Но Минни отобрала морфий и дала вместо него аспирин. Я от него не заснул.

У Джулии было такое ощущение, будто она стоит в ледяной воде. Энтони спросил другим, резким голосом:

– У Минни был морфий в аптечке? Вы говорили о нем, брали его в руки? Полиция об этом знает?

Джимми поднял на него грустный рассеянный взгляд.

– Глэдис Марш подслушивала у двери. И все рассказала полицейским.

Энтони твердо положил руку ему на плечо.

– Тогда тебе нужно открыть глаза и защищаться – если не хочешь оказаться на виселице.

Холод поднялся до самого сердца Джулии. Она увидела, как задергалось лицо Джимми. Оно сильно покраснело, и это казалось страшнее бледности. Он произнес что-то неразборчивое.

Энтони резко продолжал:

– Господи, Джимми, неужели не понимаешь своего положения? Тут все одно к одному. У тебя происходит серьезная ссора с женой, и через два дня она умирает от отравления морфием. Либо она покончила с собой, либо ее отравил кто-то из троих – ты, Элли или Минни. Никто другой не мог сделать этого без риска, что отравишься ты. Ты все твердишь, что это не может быть самоубийством, и хочешь, чтобы мы это повторяли. По завещанию Лоис ты получаешь большие деньги. И теперь говоришь мне, что у полицейских есть свидетельница тому, что ты и Минни во вторник вечером брали в руки пузырек с морфием. Очнись, приятель!

Джимми Леттер, казалось, овладел собой. Очень спокойно спросил:

– Что я могу сделать?

Энтони убрал руку с его плеча.

– Это уже лучше! Так и держись! Для начала перестань говорить, что это не могло быть самоубийством.

– Ты сам сказал, что это не самоубийство, что Лоис не могла бы этого сделать. Я готов дать на отсечение правую руку, лишь бы убедиться в этом.

– Я сглупил, – признал Энтони. – Все мы сглупили. Пора нам отказаться от этой мысли, особенно тебе. Вместо этого лучше подумай – как следует подумай, – кто расставил чашки с кофе вечером в среду. Джулия внесла поднос с двумя чашками и поставила его на стол. Минни говорит, они стояли на подносе, когда она вошла. Говорит, что Лоис сыпала в чашку сахар. Они обе вышли на террасу. Вошла Элли. Она говорит, что не обратила внимания на чашки. Ты вошел и застал ее там. Потом она вышла позвать Лоис и Минни. Так вот, Джимми, думай – напрягай память. Стояли все еще обе чашки на подносе?

Джимми потер пальцем нос.

– Не знаю... не помню. Думаю, не обратил на них внимания – мне было не до кофейных чашек.

– Но ведь ты должен был начать о них думать – по крайней мере, о своей, потому что ты взял ее и выпил кофе. Так ведь?

– Да, выпил. Чашка была на столе перед моим креслом.

– Это ты помнишь. Хорошо, как она оказалась там? И когда?

Джимми покачал головой:

– Не знаю. Чашка стояла там, и я выпил кофе.

– Была она там до того, как остальные вернулись с террасы?

– Не знаю. Я не подходил к креслу, пока все они не вошли.

– Чем ты занимался?

– Перебирал бумаги у письменного стола.

– Спиной к комнате?

– Да, наверное.

Энтони раздраженно спросил:

– Неужели ничего не помнишь?

– Помню, что кофе стоял на столе перед моим креслом, и я его выпил. Больше ничего.

– То есть чашка была там, когда ты наконец подошел к своему креслу и сел?

– Наверно.

Энтони взял себя в руки.

– Не помнишь?

– Не помню ничего, кроме того, что выпил кофе. Приставать ко мне бессмысленно. Я не думал о том, что происходит вокруг, – ни на что не обращал внимания. Пытался думать о том, что мне делать...

– *Делать?*

Джимми кивнул:

– С Лоис. Мы не могли оставаться вместе... Мне нужно было думать... решать...

Энтони схватил его за руку.

– Ради бога, не говори этого полицейским!

– Ну так ты спросил меня. Вот о чем я думал. И не замечал ничего, пока не взял чашку, так что бессмысленно спрашивать меня, как она там оказалась. – Он умолк, провел рукой по волосам и сказал с какой-то неуместной рассеянностью: – Завтра во второй половине дня в гостинице «Бык» состоится коронерское дознание.

Глава 33

Во второй половине дня мисс Сильвер снова попросила у Джулии разрешения немного поговорить с ней. Собственно, она ухитрилась поговорить кое с кем из других членов семьи перед обедом или после. Джулию она нашла одну в бывшей классной комнате. Войдя с сумкой для вязанья на руке, мисс Сильвер закрыла дверь и оживленно заговорила о приятном виде из окон и о знакомых книгах на полках.

– Шарлотта Йондж¹⁰[10] превосходно воссоздает средне-викторианский период. С поразительным жизнеподобием. Никто не представил с такой верностью большие семейства, которых, увы, больше нет. Право же, очень ярко. «Наследник имения Редклиф» – печальная вещь, но множество слез, пролитых по этому несчастному молодому человеку, определенно представляют собой дань ее искусству. Я предпочитаю счастливый финал, но нельзя выискивать недостатки, когда вложено столько веры и мужества. Думаю, наступит время, когда мисс Йондж признают равной Троллопу, если не превосходящей его. Не присядете ли, мисс Уэйн?

Джулия села. Поскольку день нужно было как-то провести, казалось не важным, смотреть ли праздно в окно или обсуждать викторианских романистов с мисс Сильвер. Энтони пошел с Джимми на прогулку. Элли отправилась повидать Ронни Стрита. Минни, как надеялась Джулия, отдыхает. Сев на ближайший стул, она подняла на гостью печальный взгляд.

Предпочтение к счастливым развязкам, только что высказанное, побудило мисс Сильвер ответить ей добрым взглядом.

– Все это очень утомительно, – сказала она. – Пожалуйста, не считите меня бессердечной, если я попрошу вас припомнить некоторые подробности вечера среды.

– Думаю, мне больше нечего добавить.

Мисс Сильвер покашляла.

– Может быть. В ходе своей работы я обнаружила, что люди, оказавшиеся ближе всех к трагедии, почти всегда знают больше, чем говорят. Иногда они сознательно умалчивают о чем-то из страха, что это может причинить вред их близким. Иногда не сознают, что им есть, что сказать. В данном случае какое-то знание определенно утаивается. Не скажу, почему утаивается или кто его утаивает. Я не знаю. Но совершенно уверена, что здесь, в этом доме, есть, скажем, обрывки и частички знания, которые, сложенные воедино, представят собой решение этой трагической загадки. Хочу попросить вас поделиться со мной теми частичками, какие у вас могут быть. Пожалуйста, ничего не скрывайте из-за того, что боитесь. Страх – скверный мотив.

Не отводя от нее взгляда, Джулия сказала:

– Не думаю, будто я что-то скрыла.

Мисс Сильвер заработала спицами.

– Посмотрим. Мне бы хотелось получить как можно больше сведений о душевном состоянии миссис Леттер вечером в среду.

– Я не видела ее между обедом и ужином.

– Она спустилась прямо в столовую?

– Да. Элли позвонила, и я вышла из своей комнаты. Лоис догнала меня на лестнице, и мы вошли вместе.

– Как она выглядела? Подавленной? Нервной?

– Ни в коей мере. Была такой, как обычно.

– Вы должны помнить, что я не имела удовольствия ее знать. Будьте добры, опишите мне, как миссис Леттер обычно держалась.

Джулия нахмурилась.

– Я не любила ее, – сказала она напрямик. – Полагаю, вам это известно. Вы видели ее фотографии. Она была очень красивой. У нее все было в полном порядке – волосы, кожа, ногти... манеры. Она превосходно владела собой. Если я раздражена или груба, то это потому, что устала, или подавлена, или сердита. Если ссорюсь с кем-то, то это просто случайность. Лоис была не

¹⁰ Шарлотта Мэри Йондж (1823–1901) – английская писательница

такой. Если бывала грубой, то умышленно. Случайностей у нее не бывало – все происходило, как ей хотелось. Возможно, я несправедлива к ней – невозможно быть справедливым к тем, кого терпеть не можешь. Я смотрела на нее через свою неприязнь. И вот такой ее видела.

Мисс Сильвер задумчиво посмотрела на нее.

– Владела собой?

Джулия кивнула:

– Да, постоянно. Не думаю, что хоть раз ослабляла самоконтроль.

Мисс Сильвер покашляла.

– Она догнала вас на лестнице. Вы разговаривали с ней?

– Она говорила о Джимми.

– Будьте добры, передайте, что, если возможно, слово в слово.

Джулия отбросила назад волосы. Та сцена возникла в ее сознании, как фильм на экране. Вот Лоис догоняет ее и говорит о Джимми. Слова зазвучали сами собой – Джулия просто их повторила.

– Лоис сказала: «Еще один веселый ужин! Тебе придется помочь нам высидеть до конца. Знаешь, я очень беспокоюсь о Джимми. Мы поссорились. Должно быть, все в доме уже догадались об этом по его поведению». Я что-то сказала – не помню, что. А она: «Он ужасно выглядит. Я таким его еще не видела, а ты?» Я ответила: «Не в такой мере», а она продолжила: «Мне хотелось бы, чтобы он успокоился. У меня мурашки бегут...» – Джулия умолкла.

Мисс Сильвер спросила:

– Это и все?

– Да.

– Вы знали в то время о причине их ссоры? Знали о сцене в комнате мистера Энтони Леттера в понедельник ночью?

– Нет.

– Подумали, что это обычная ссора?

– Решила, что они поссорились из-за коттеджа старого Ходсона. Лоис наговорила много лжи, чтобы выселить старика, а Джимми разоблачил ее. Ходсон остановил его на дороге и все рассказал. Я была при этом.

– Вы сочли, что этого достаточно для объяснения разлада между ними?

– Сочла – этого достаточно для значительной ссоры. Джимми ненавидит ложь. И обожал Лоис – видел в ней ангела. Это явилось сильным потрясением.

Мисс Сильвер сказала: «Понятно...» Какое-то время она вязала молча, потом неожиданно, откровенно заговорила:

– Мисс Уэйн, вы очень умны. Вы общались с этими людьми перед самым отравлением. Говорите, миссис Леттер была такой, как всегда. Оставалась она такой на протяжении всего ужина?

– Да. Она разговаривала – в основном со мной, иногда с Элли.

– О чем она говорила?

– О пьесе, постановку которой я видела. Спросила, хорошая ли пьеса. Я постаралась говорить на эту тему как можно дольше. Она рассказала о своих друзьях, которые сняли дом и никак не могут выселить прежних жильцов. Это была просто болтовня, понимаете.

– А мистер Леттер?

– Он сидел за столом. Не разговаривал и не ел.

– А миссис Леттер и говорила, и ела?

– Да.

С каждым словом на душе у Джулии становилось все тяжелее. Она ничего не скрывала. А что все это доказывало? Могла ли она сама поверить, что Лоис хотела покончить с собой – что она болтала, пила, ела и знала, что жить ей остается всего час-другой? Это невозможно. Ей вспомнился Джимми – бледное лицо, покрасневшие глаза, рука, дрожавшая, когда он наклонял графин с виски. Ее охватил страх, какого она еще не испытывала.

Мисс Сильвер быстро спросила:

– Вы хорошо себя чувствуете?

Джулия ответила:

– Да. Но это и все. Я больше ничего не знаю.

Она встала и вышла из комнаты.

Одна из ее кратких фраз осталась гореть в сознании мисс Сильвер маленьким, ясным огоньком.

Глава 34

Мисс Сильвер дождалась, чтобы дом утих на ночь. Потом встала с постели и приоткрыла дверь. Если снова будет хождение во сне, она не хотела пропустить это интересное зрелище. Выйди она чуть раньше прошлой ночью, то определенно не позволила бы мисс Уэйн вмешаться. У мисс Мерсер была какая-то цель – интересно узнать, какая. Эта цель подняла ее с кровати и привела к подножию лестницы. Если б мисс Уэйн не остановила ее там, возможно, цель повела бы ее дальше. Может быть, в гостиную. Мисс Мерсер смотрела в ту сторону.

Мисс Сильвер взглянула на свои часики при свете ночника. Половина двенадцатого. Она была в халате, волосы забраны в сетку, более прочную, чем та, что она носила днем. Халат этот был у нее с довоенного времени, с чем она себя поздравляла. Ткани не скоро еще вернутся к такому качеству. Довоенные цены, боялась она, никогда не вернутся. Эта малиновая шерсть, такая легкая, теплая, ноская, послужит ей еще много лет, а собственноручно вязанные кружева на воротнике и на рукавах будут еще годиться и после него. Носятся они замечательно. И непременно украсят новый халат. Возможно, в следующий раз она выберет синий цвет. Мисс Сильвер поставила шлепанцы рядом с кроватью, уложила подушки так, чтобы удобно было сидеть, и с удовольствием подумала, что благодаря превосходному слуху услышит, если дверь какой-то спальни откроется.

Полностью приговорясь, она позволила себе подумать над ходом событий. Они казались неудовлетворительными. Не шли благоприятным образом для ее клиента. Правда, старший инспектор не решался произвести немедленный арест, но косвенные улики против мистера Леттера накапливались устрашающе быстро. Мисс Сильвер не смогла бы винить старшего инспектора, если бы он решил арестовать Джимми. Однако в конце концов Лэм согласился подождать результатов коронерского расследования. Это радует, но времени остается мало, очень мало. Хорошо бы избежать ареста. Сообщение о нем будет для мистера Леттера очень мучительным. Существовала слабая возможность, что ночное бдение прольет на что-то свет. Мисс Сильвер не сомневалась, что существуют скрытые мысли и мотивы, еще неизвестные поступки. Как далеко они заходят, какую роль сыграли или еще могут играть, она не знала, но ощущение тайны имелося.

Сидя в полутемной комнате, в тихом доме, она стала обращаться мыслями к его обитателям. Кто-то, наверное, спит. Выдают ли мысли во сне свои секреты? Кто-то бодрствует – в страхе, в горе, в страдании. Мисс Сильвер думала о них поочередно – Джимми Леттер – его двоюродный брат Энтони – Джулия Уэйн – Элли Стрит – Минни Мерсер – Глэдис Марш – миссис Мэнипл – маленькая, бледная судомойка Полли Пелл...

Часы в холле внизу пробили двенадцать – сперва четыре удара, обозначающих полночь, затем, после небольшого перерыва еще двенадцать, мерных, не громких, не звенящих, но тихих, басовитых, подчеркивающих тишину дома, не нарушая ее. Если кто спал, они его не будили. Если кто бодрствовал, это был дружественный, компанейский звук.

Из девяти людей в Леттер-Энде в ту ночь только мисс Сильвер насчитала двенадцать ударов. Джимми Леттер скажет утром, что не спал. То было пограничное состояние, в котором хотя сохраняется сознание, контроль утрачен. Мысли бегут без цели, без остановки. В меняющемся мире между явью и сном его мысли были бессвязными, преследовали тени, будучи слишком туманными, дабы сознать, что преследуют и зачем. Только постоянно ощущалось напряжение, усилие, сознание чего-то безвозвратно утраченного, лихорадочное желание вернуть ушедшее. Театр теней на неровной поверхности сознания – неровные тени проходят, исчезают – появляются снова – ничего постоянного – ничего отчетливо видимого – просто-напросто тени...

Элли Стрит видела сон, тело ее было расслабленным, левая рука лежала под щекой, так она спала с раннего детства. Во сне она гуляла по саду. Сад был совершенно незнакомым. Сперва он казался пронизанным солнцем, приятным, но вскоре она вошла в колючую живую изгородь и поняла, что пройти сквозь нее не сможет: изгородь была двадцати футов высотой. Ронни находился по другую сторону, и Элли не могла пройти к нему. Она принялась ломать колючки

руками. Прутья щелкали, как веточки в морозный день. Они ранили ей руки, из рук текла кровь, и внезапно колючки стали сосульками – вся ограда оказалась сделана из льда. Элли стояла по колено в снегу, кровь текла на снег и замерзала, поэтому одни сосульки были белыми, другие красными. Она не могла пройти к Ронни.

Джулия на соседней кровати тоже видела сон. Она была в белом платье и в длинной белой фате. Она выходила замуж за Энтони. Ее переполняла невыносимая радость. Он поднял фату и стал целовать ее в губы, но тут вдруг поднялся сильный ревущий ветер и унес ее в какое-то темное место, где Джулия очутилась совершенно одна.

За вращающейся дверью спала Глэдис Марш, с покрытым кремом лицом и волосами в бигуди. Крем она взяла из ванной миссис Леттер вместе со многими другими остатками. Если будут задавать вопросы – так миссис Леттер отдала их ей, и никто не сможет этого опровергнуть. Глэдис снился яркий, волнующий сон, где она в бриллиантовом ожерелье из крупных камней стоит на покоем на кафедре возвышении и дает показания. Там был судья в алом одеянии, с большим седым париком, какие она видела во время судебных разбирательств в Крэмптоне. Он смотрел на нее поверх очков, как любой мужчина смотрит на хорошенькую девушку, не важно, судья он или присяжный. Присяжные сидели по другую сторону. Они тоже глядели на нее. Все на нее глядели...

Миссис Мэнипл тоже спала. На ней была широкая ночная рубашка из ситца, пяти ярдов по кайме, с клиньями и вышивками. В дни ее юности ночная рубашка была Творением. Мэнни по-прежнему творила свои по бабушкиной выкройке. От бабушки же она переняла убеждение, что открытое после наступления темноты окно ведет к ранней смерти. Ночной воздух нездоровый, и от него нужно закрываться, исключая разве что время, которое Мэнни называла «верхушкой» лета. Поскольку уже наступила очень, ее окно было закрыто наглухо. В комнате сильно пахло камфорой, политурой и лавандой.

Во сне миссис Мэнипл этот запах превращался в смешанный аромат лимонной мяты и розмарина – плотный пучок этих трав она держала в маленькой, пухлой руке. Рука принадлежала Лиззи Мэнипл, которой было шесть лет. Рука была не только пухлой, но и горячей, и травы пахли превосходно. Почти все дети принесли букеты в воскресную школу и отдали их учительнице, старой мисс Эдисон. Она жила в маленьком квадратном доме на Крэмpton-роуд, доводилась тетей молодому доктору Эдисону и пользовалась большим уважением. Она учила детей катехизису, и они давали трудный ответ на вопрос: «В чем мой долг перед моим ближним?» Ответы всплывали в памяти миссис Мэнипл. «Учиться и работать, не покладая рук, чтобы зарабатывать на жизнь, – ответила Мелия Парсонс. – Выполнять свой долг в этой жизни...» «Я всегда его выполняла. Кто бы что ни говорил, выполняла всегда». В сновидении мисс Эдисон взглянула на нее ясными голубыми глазами. Сказала: «Теперь ты, Лиззи», и маленькая Лиззи Мэнипл ответила тоненьким голосом: «Никому не вредить ни словом, ни делом, не держать злобы или ненависти в сердце своем».

В соседней комнате лежала на спине Полли Пелл. Одеяло едва поднималось над ее худеньким, еще полудетским телом. Окно было широко раскрыто в ночь. Ветерок шелестел листьями дерева снаружи. Этот звук проникал в сновидение Полли и превращался в шелест сотен газет. Она пыталась убежать от них, потому что во всех была ее фотография прямо на первой странице. Газеты посмотрели на нее – буквально пялились. Полли не могла этого вынести – не могла никак. Пыталась бежать, однако ноги не несли ее. Они как будто вросли в землю. Опустив взгляд, она не могла их разглядеть и не могла двинуться. Шелестящие газеты все приближались... Полли ахнула, проснулась и услышала, как ветер шевелит листву каштана. За лето листья высохли и теперь шуршали на ветру, как бумага. Полли почувствовала, что ее лоб и ладони стали потными.

Энтони не видел никаких сновидений. Он лежал в глубоком сне, закрывающем вчера и заслоняющем завтра. Может быть, в нас есть нечто такое, что не спит – какая-то искра сознания, горящая в окружающей тьме, неведомая даже нам самим. Если бы мы могли видеть при ее свете, то знали бы самые сокровенные заботы и намерения сердца. Иногда и без видения это знание приходит к нам во сне.

Минни Мерсер видела сон...

При первом же звуке из соседней комнаты мисс Сильвер отбросила одеяло, спустила ноги и ловко сунула их в подготовленные шлепанцы. Гасить ночник на туалетном столике она не стала и подошла к приоткрытой двери, часы в холле пробили четверть первого ночи. Их бой заглушил

другие звуки. Потом, когда снова настала тишина, те звуки, что подняли ее с постели, раздались снова – звук шагов босых ног по натертому полу, звук руки, скользящей по полированной поверхности.

Мисс Сильвер стояла на пороге своей комнаты и слышала, как рука Минни Мерсер шарит в темноте. Наверно, в ее сновидении было очень темно. В этой темноте она нащупывала дверную ручку. Мисс Сильвер видела, как ручка поворачивается – медленно, медленно. Потом дверь открылась. Вышла мисс Мерсер, босая, в белой ночной рубашке, на рубашку спадали светлые волосы. Глаза ее были открытыми и застывшими. Открытыми так широко, что на них падал свет. От света они казались очень голубыми. Теперь, когда дверь не преграждала путь, ее руки опустились. Минни медленно пошла по лестничной площадке, остановилась на миг на верху лестницы, потом стала медленно спускаться по ступеням. Она ставила на ступеньку правую ступню, потом опускала левую, словно ребенок, который боится упасть. Перил не касалась, держалась посередине лестницы и медленно спускалась вниз.

Мисс Сильвер следовала за ней на небольшом расстоянии. Больше всего на свете она боялась вторгнуться в этот сон или прервать его. У подножия лестницы мисс Мерсер неподвижно замерла. Возможно, она повернется, как накануне, и пойдет обратно.

Наблюдая за ней с легкой тревогой, мисс Сильвер услышала, как наверху открылась дверь. Обернувшись, приложив палец к губам, и увидела Джулию Уэйн, глядевшую с верха лестницы. Джулия кивнула и стала спускаться. Ее босые ноги ступали бесшумно. Не успела она спуститься, как Минни Мерсер пошла по холлу в сторону гостиной. Там было темно, свет с верхней площадки ослабевал и исчезал по мере того, как они от него отдалялись.

Мисс Сильвер быстро приняла решение. Для сомнабулы холл и гостиная будут освещенными или темными в зависимости от характера сна, но ей и Джулии Уэйн требовался свет, чтобы видеть происходящее. Обогнать так неуверенно шедшую было нетрудно. Мисс Сильвер вошла в гостиную и оставила дверь открытой. Когда щелкнула первым выключателем, вспыхнул очень яркий свет, бывший в лицо входящим. Второй выключатель зажег две пары электрических свечей по обе стороны зеркала над каминной полкой. Свет отражался в зеркале, и вся комната освещалась словно бы золотистыми сумерками.

Минни Мерсер подошла к открытой двери, остановилась и заглянула в комнату. Ладони ее были сложены, пальцы сплетены. И сразу же негромко произнесла огорченным тоном: «Нет-нет – ему такой не нравится». Потом она подняла голову и уставилась на занавешенные окна. В сновидении занавесей не было. Стоял прекрасный солнечный вечер, и застекленная дверь на террасу была открыта. Кто-то шел к этой открытой двери. Минни наблюдала, как этот кто-то вышел на террасу и скрылся из виду, потом двинулась сама. Остановилась на миг возле стола, куда Джулия поставила кофейный поднос, потом пошла дальше. Повернулась чуть вправо и остановилась у кресла Джимми Леттера. На столик возле кресла кто-то поставил в среду вечером его чашку кофе. Рука Минни протянулась к нему. Возможно, она ставила чашку или забирала ее. Минни подняла руку, повернулась, замерла у стола, где стоял поднос, и снова протянула руку. Убрав ее, она издала вздох, похожий на стон, и произнесла дрожащим голосом: «Что я наделала! О господи – что я наделала!»

Мисс Сильвер стояла перед камином. Ей был виден проем открытой двери и Джулия Уэйн, опиравшаяся одной рукой о косяк. Обе они видели Минни Мерсер и слышали, что она сказала. Вид у Джулии был ошеломленный. Когда Минни пошла к выходу, она отступила в темный холл. Минни прошла мимо нее, вздохнув и что-то пробормотав. Она горевала в своем сновидении... Пройдя по темному холлу, она поднялась по лестнице на освещенную площадку и вошла в свою комнату.

Мисс Сильвер вышла из гостиной, выключила свет и закрыла дверь. Коснулась руки Джулии и почувствовала, что рука холодная.

– Возвращайтесь в постель, дорогая моя.

Она скорее ощутила, чем увидела пристальность взгляда Джулии.

– Мисс Сильвер, она *не могла*!

– Возвращайтесь в постель, дорогая моя.

– Это неправда!

Мисс Сильвер заговорила очень любезно:

– Неправда не повредит ни ей, ни кому бы то ни было. Нам нужна правда ради всех. Думаю, то, что произошло, приблизило нас к истине. Поверите вы мне, если я скажу, что бояться ее не нужно? Иногда правда потрясает, но никто не выигрывает от лжи. Поверьте, лучше видеть ясно, даже если то, что мы видим... как-то неожиданно. Возвращайтесь в постель. И прошу вас, не бойтесь. Мисс Мерсер теперь будет спать, и вам нужно сделать то же самое.

Джулия открыла рот, собираясь заговорить, но не произнесла ни звука. Что тут скажешь? Лучше промолчать. Лучше вернуться в постель и ждать утра. Утра – и ареста Джимми? По ее телу прошла дрожь. Джулия повернулась, поднялась по лестнице и вошла в комнату, где спала Элли.

Мисс Сильвер поднялась следом за ней. Оказавшись в своей комнате, сняла красный шерстяной халат и аккуратно положила на стул, где лежала свернутой ее одежда. Потом поставила рядом шлепанцы и легла в постель – все это неторопливо, словно думая о чем-то другом. Перед тем как погасить ночник, мисс Сильвер взяла потрепанную черную Библию, которую обычно читала, и нашла тридцать шестой псалом. Перечла его вдумчиво, обратив особое внимание на седьмой и пятнадцатый стихи:

Покорись Господу и надейся на него. Не ревнуй успевающему в пути своем, человеку лукавствующему.

Меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся.

Глава 35

Утром в половине восьмого Полли Пелл негромко постучала, вошла, раздвинула шторы и поставила поднос с утренним чаем. Из двух окон в комнате было занавешено только ближайшее. Когда Полли отвернулась от окна, при свете стало видно, какая она бледная: в лице ее не было никакой краски, если не считать покрасневших век.

Мисс Сильвер отвлеклась от мысли об утреннем чае как о поблажке – но очень приятной – и сосредоточилась на Полли Пелл. Она уже пожелала девушке доброго утра и получила робкий ответ. Теперь сказала:

– Подойди, пожалуйста, сюда.

Полли захотелось выбежать из комнаты, но миссис Мэнипл schoлила ее два года не зря. Она замигала от света, подумала, что лучше бы он не был таким ярким, подошла к кровати и стала разглаживать передник.

– Полли, ты плакала. Что случилось?

Полли замигала снова, но слеза миновала ее ресницы и очень медленно покатилась к подбородку.

– Мисс, это все так ужасно!

Мисс Сильвер любезно, испытующе посмотрела на нее.

– Да, убийство ужасно. Но оно налагает ответственность на нас всех. Если каждый будет выполнять свою обязанность, рассказывать, что знает, правда выйдет на свет. Если кто-то не выполнит свою обязанность, может пострадать невинный.

Она говорила обобщенно, но выражение в глазах Полли привлекло ее особое внимание. Мисс Сильвер часто видела страх и не могла его ни с чем спутать. Глаза Полли наполнились ужасом. Так выглядят девушки только в том случае, если им есть что скрывать. Еще, кроме страха, было заметно мучительное желание Полли убежать из комнаты. Она сказала слабым голосом: «С вашего разрешения, мисс...» – и умолкла, задрожав, потому что мисс Сильвер взяла ее за руку.

– Сядь, Полли, я хочу с тобой поговорить. Да, сюда, на край кровати. Задержу тебя я очень ненадолго. И пожалуйста, не пугайся. Если ты не сделала ничего дурного, бояться нечего. Ты это знаешь.

За первой слезинкой Полли последовали следующие. Она сдавленным шепотом спросила:

– Мистера Леттера не арестуют? Нельзя так поступать с мистером Леттером!

Мисс Сильвер кашлянула.

– Этого я сказать тебе не могу. Чего ты так боишься, моя дорогая? Потому что знаешь что-то и утаиваешь? Если да, это очень дурно, и я не удивляюсь, что ты так расстроена. Если мистера Леттера арестуют, как ты это воспримешь?

Полли сдержала слезы, горестно шмыгнула носом и прошептала:

– В газетах поместят мою фотографию...

– Что ты сказала, дорогая моя?

Всхлипы начались снова.

– Глэдис... сказала... что поместят... Глэдис Марш. Она... хочет... чтобы ее... сфотографировали... и поместили снимок в газетах. А я ни за что. Мне лучше умереть... чтобы на меня все тарасились... вставать и приносить присягу. О, мисс, я не смогу! О, мисс, не заставляйте меня!

Мисс Сильвер похлопала по ее руке, потом достала из-под подушки чистый носовой платок и подала его Полли.

– Висморкайся, дитя мое, утри глаза. И перестань думать о себе. Нам нужно подумать о мистере Леттере – он находится в очень опасном положении, и мы должны выяснить, знаешь ли ты что-то, способное сделать это положение менее опасным.

Полли висморкалась, утерла глаза, шмыгнула носом и утерла глаза снова.

– О, мисс!

– Вот и хорошо. Теперь послушай меня. Если мистера Леттера арестуют, как ты это воспримешь?

– О, мисс!

– Это может случиться, если ты будешь думать только о себе и допустишь, чтобы его посадили в тюрьму.

Полли не знала, что сказать. Она только сглотнула.

– Ты допустишь, чтобы его повесили?

Полли снова сглотнула и мучительно всхлипнула.

– О, нет! О, мисс!

Мисс Сильвер дала ей поплакать, и когда решила, что хватит лить слезы, оживленно заговорила:

– Ну, будет, будет, дорогая моя. Слезами горю не поможешь. Если ты знаешь что-нибудь, способное предотвратить его арест, не думаешь, что было бы разумно сказать мне это?

Полли утерла покрасневший нос и глаза. Платок был уже насквозь мокрым.

– Не знаю, спасет ли это его от тюрьмы. Глэдис говорит, что хочет видеть свою фотографию в газетах, но... О, мисс!

Мисс Сильвер твердо заговорила добрым голосом:

– Не надо об этом беспокоиться. Нужно думать о мистере Леттере и сказать мне то, что ты знаешь. Это будет правильно, и на душе у тебя станет гораздо легче.

Полли всхлипнула последний раз и произнесла:

– Это не я сама. Меня послала вверх миссис Мэнипл.

Разум у мисс Сильвер всегда работал быстро. Сейчас особенно. Она мгновенно перенеслась мыслями к разговору старшего инспектора с миссис Мэнипл, выбрала одно показание, осмыслила его и сказала:

– Миссис Мэнипл послала тебя вверх в среду спросить миссис Леттер, спустится ли она.

Это был не выстрел наугад. Это был результат быстрого, точного вывода. Только в ту минуту Полли вступила в контакт с Лоис Леттер. Только в ту минуту ей могла представиться возможность увидеть или услышать что-то, способное пролить свет на близившуюся трагедию.

Полли воззрилась на нее и подтвердила:

– Да, послала за этим.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Тогда расскажи мне, что произошло. Нет, плакать больше не нужно – ты будешь разумной девушкой. Просто расскажи мне правдиво, что ты сделала.

Полли сумела прекратить все, кроме шмыганья носом.

– Миссис Мэнипл велела мне подняться и узнать, хочет ли миссис Леттер, чтобы ей принесли еду на подносе. Я поднялась и постучала в дверь. Постучала дважды, но ответа не получила. Доносился какой-то стук, будто бы из ванной. Туда есть дверь из ее спальни. Это ее ванная, больше ею никто не пользуется. Ну, я подумала: «Она что-то прибывает в ванной и не слышит моего стука».

– Полли, как ты постучала в дверь? Громко?

– О, нет, мисс, – еле слышно. Я негромко стучусь.

Мисс Сильвер улыбнулась:

– Да, я это заметила.

Полли шмыгнула носом.

– Иначе не могу – громкий стук мне кажется грубым.

Мисс Сильвер кивнула:

– Продолжай, дорогая моя, ты отлично рассказываешь. Значит, ты услышала стук и подумала, что миссис Леттер, наверное, в ванной. Что сделала потом?

– Слегка приоткрыла дверь и заглянула. Миссис Леттер в комнате не было. Дверь в ванную была приоткрыта, стук доносился оттуда. Я прошла по комнате и постучала в дверь ванной.

– Продолжай, Полли.

Девушка посмотрела на нее, округлив глаза.

– Не знаю, мисс, были вы или нет в комнате миссис Леттер. Джентльмены из полиции заперли ее, но вчера снова открыли. Миссис Хаггинс собиралась сегодня обратиться там.

– Да, я была в этой комнате.

– Тогда вы знаете, мисс, что одна сторона комнаты вся в зеркалах, и ванная тоже. Миссис Леттер все покрыла зеркалами, как только закончилась война. Если дверь ванной слегка приоткрыта, ванну видно в зеркале спальни. Сделав всего несколько шагов, я увидела ванну и миссис Леттер.

– То есть ее отражение?

– Да, мисс.

– Что она делала?

– Наклонялась над ванной. Вокруг ванны идет уступ. На уступе лежал согнутый пополам листок белой бумаги. Миссис Леттер сняла одну туфлю и колотила по бумаге каблуком. Этот стук я и слышала.

– Так, Полли?

– Я не знала, что делать. Решила подождать. Она перестала стучать и раскрыла бумагу. Там было много белого порошка и несколько кусочков, еще не превратившихся в порошок. На уступе стояла коробочка. Обычно миссис Леттер держала ее на туалетном столике. Раньше это была табакерка для нюхательного табака. Я увидела, что в ней лежат белые таблетки. Миссис Леттер достала их, положила на бумагу, согнула ее и стала бить по ним каблуком туфли. Я не должна была стоять там и смотреть на нее, мисс, – не знаю, что на меня нашло. Я вроде бы испугалась. – Полли перевела дыхание и затеребила угол передника длинными, нервными пальцами. – Не знаю, что на меня нашло – право, не знаю. Я не могла двинуться с места.

Мисс Сильвер негромко кашлянула.

– Полли, ты хорошо видела миссис Леттер? Видела ее лицо?

Полли смотрела на нее испуганно. Лицо ее совсем побледнело, только кончик носа был красным. Голос ее дрожал, она запинаясь.

– Сперва, когда она склонялась над уступом и стучала, нет, но когда закончила и стала пересыпать порошок в коробочку, увидела.

– Как она выглядела?

Полли, дрожа, теребила угол передника.

Мисс Сильвер положила руку ей на колено.

– Ну-ну, дорогая моя, раз ты видела ее лицо, ты можешь сказать, как она выглядела: серьезной, печальной, подавленной?

Полли продолжала дрожать.

– Нет, мисс, не так.

– Тогда как же?

Запинаясь, прерываясь, она ответила испуганным шепотом:

– О, мисс... миссис Леттер выглядела... очень довольной.

– Ты вполне уверена?

– Да, мисс. Меня это очень напугало – не знаю, почему.

– Не нужно бояться. Миссис Леттер тебя видела?

– Нет, мисс. Когда она закончила пересыпать порошок в коробочку, я выбежала на лестничную площадку, закрыла дверь, потом сильно, громко постучала. Миссис Леттер вышла, спросила, что мне нужно, я ответила – миссис Мэнипл спрашивает, спустится ли она на обед. Она сказала «да», и я ушла. Мисс, пожалуйста, позвольте мне уйти.

Мисс Сильвер ободряюще посмотрела на нее.

– Еще минутку, Полли. Говоришь, миссис Леттер пересыпала порошок в коробочку. Вынула она оттуда все таблетки? Была коробочка пуста?

– Да, мисс.

– Видела ли ты после среды эту коробочку?

– Нет, мисс.

– Опиши ее мне.

– Она небольшая, но очень красивая – дюйма два в длину, по бокам и внизу сплошь золотистая, наверху картинка – леди с одним только шарфом из одежды и маленьким крылатым мальчиком с луком и стрелой. Очень красивая.

– Последний вопрос, Полли. – Голос мисс Сильвер был спокойным, и никто не догадался бы, с каким нетерпением она ждет ответа на этот вопрос. – Всего один, и можешь идти. Принимала ванну миссис Леттер перед тем, как одеться к ужину в среду вечером?

– Нет, мисс, этого не было. Миссис Леттер всегда принимала ванну перед сном. Тогда приходилось держать воду горячей.

– Спасибо, Полли, – сказала мисс Сильвер. Ее переполняла спокойная благодарность.

Глава 36

Как только Полли ушла, мисс Сильвер надела свой халат, спустилась в кабинет и позвонила в гостиницу. Сняв трубку, Фрэнк Эббот сказал ей, что шеф завтракает, так как готовится пораньше выехать в Крэмpton для встречи с начальником полиции графства и инспектором Смердоном.

Мисс Сильвер кашлянула, давая понять, что звонит не затем, чтобы слушать. На грамматически правильном, но не безупречном французском она сообщила Фрэнку, что инспектор должен немедленно явиться в Леттер-Энд.

Сержант Эббот присвистнул.

– Это очень важно?

– Это обеляет моего клиента, – ответила она и повесила трубку.

Когда Фрэнк подошел к старшему инспектору, тот съел яичницу с беконом и ждал гренков с мармеладом. Постели в «Быке» превзошли все худшие страхи Фрэнка – тюфяки были комковатыми, простыни короткими, одеяла узкими. Бекон оказался недожарен, но зато хоть местные яйца были свежими. Лэм был не так разборчив, как сержант. Укладываясь в постель, он спал, а когда садился есть, то ел с аппетитом. Когда Фрэнк сел рядом с ним, инспектор взглянул на него, обратил внимание на выражение лица и спросил:

– Ну, в чем дело?

Сержант Эббот приподнял бровь и сказал:

– Моди! – А после впечатляющей паузы добавил: – По-французски! Совершенно секретно.

Сияющее лицо Лэма стало хмурым.

– Что ей нужно?

Фрэнк улыбнулся:

– Нужны ей вы, сэр, или, точнее говоря, мы. Я сказал ей, что вы встречаетесь с начальником полиции графства. Она говорит, что появились улики, полностью снимающие с Леттера подозрения.

Лэм прорычал:

– Сказала она тебе, какие?

– Нет, сэр.

– Чушь, – проворчал Лэм. И мрачно добавил: – Скорее всего.

– Прозвучало это очень уверенно.

Лэм ударил кулаком по столу.

– Ну-ну – поддерживай ее! Для этого ты здесь, так ведь? От кого ты получаешь приказания?

– От вас, сэр. – Голос и поведение Фрэнка были в высшей степени почтительными.

Старший инспектор резко взглянул на него и сказал:

– Вот и помни постоянно об этом! – И добавил после паузы: – Ладно, пойдй, узнай, что она раскопала. Я вернусь к половине одиннадцатого. Если что срочное, звони «Крэмpton сто двадцать один».

Сержант Эббот позавтракал, не прикоснулся к бекону и заказал из предосторожности два верных яйца. Потом отправился в Леттер-Энд и вскоре позвонил старшему инспектору, который оказался этим не очень доволен.

– Ну, что там такое? Я разговариваю с начальником полиции графства.

– Так вот, сэр, вы приказали мне звонить, если новая улика будет важной – и она важная. Думаю, вам следует приехать как можно скорее. У меня есть образец белого порошка, взятого в ванной леди, который нужно срочно подвергнуть анализу. Я запечатал его, и местный полицейский везет его на велосипеде. Нам нужен результат до начала дознания.

– Может, это зубной порошок!

– Не думаю, сэр.

Старший инспектор произнес: «Тьфу ты!»

Глава 37

Полли изложила свои показания в третий раз. Ей давалось это все легче и легче. Возможно, никто, кроме мисс Сильвер с ее сочетанием непоколебимой доброты и непоколебимой власти, не пробил бы изначальной бреши в ее панцире секретности, в ее защитной броне. Но после того, как она все сказала, говорить то же самое снова было проще. Полли повторила свои показания Фрэнку Эбботу, потом старшему инспектору, почти не меняя порядка слов. Люди, у которых словарный запас ограничен, часто бывают в высшей степени точны. Дети повторяют сказку слово в слово отчасти потому, что выбора слов у них нет. Вспоминаются баллады, созданные в детском возрасте человечества, в которых золото всегда червонное, а женщины неизменно красавицы. В деревнях сохраняется эта простота мышления.

Полли рассказывала свою историю единственными словами, какие знала. Когда излагала ее старшему инспектору, ей даже не хотелось плакать, хотя она по-прежнему теребила передник. Когда она закончила и Лэм задал ей столько вопросов, сколько хотел, он отпустил ее и обратился к мисс Сильвер:

– Да, это спутало нам все карты! Пожалуй, я должен поблагодарить вас за то, что вы это раскопали до начала расследования.

Мисс Сильвер кашлянула и сказала, что, возможно, это следует считать ниспосланным провидением.

Лэм посмотрел на нее со смесью раздраженности и почтительности. Издал отрывистый смешок и повторил ее последнее слово.

– Провидением? Ну, насчет этого не знаю, если вы не имели в виду, что небеса помогают тем, кто сам помогает себе. Должен сказать, вы это делаете отлично. Но хочу спросить, как вы догадались, что этой девушке есть что рассказать? Она близко не подходила к гостинной и обычно никак не соприкасалась с миссис Леттер. Почему вы подумали, что она что-то знает?

Мисс Сильвер деловито работала спицами. Чулок Дерека, уже довольно длинный, вращался.

– Она боялась.

Лэм кивнул:

– Тут у вас есть преимущество. Когда мы появляемся в доме после убийства, нас все боятся, все осторожничают, никого нормального нет – кого-то испуганного не выявишь. А вы сходите с семьей. Вас не боятся, поскольку не знают, что у вас на уме. Вы сидите со своим вязаньем, и они думают, что вас больше ничто не заботит. Вы не беспокоите их. Это, знаете ли, дает вам преимущество.

Мисс Сильвер кивнула:

– Старший инспектор, я не сомневаюсь: если бы Полли приносила вам утренний чай, вы поняли бы, как и я, что она что-то скрывает.

Лэм, нахмурившись, посмотрел на нее.

– Оставьте! Но, как я сказал, преимущество у вас есть. Фрэнк, позвони «Крэмптон сто двадцать один», спроси, сделан ли анализ порошка. Если это морфий, не должно уйти много времени.

Он сел в свое кресло и слушал, как Фрэнк задал вопрос; слушал, хмурясь, неразборчивый ответ; слушал, как Фрэнк сказал: «Понятно», а затем: «Хорошо, я передам ему».

Фрэнк повесил трубку.

– Это действительно морфий.

Спицы мисс Сильвер пощелкивали. Лэм хлопнул себя по колену.

– Тогда она покончила с собой. Ну и ну, черт возьми!

Мисс Сильвер тихо кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Думаю, имеет смысл пригласить мисс Мерсер.

Лэм повернулся к ней.

– Мисс Мерсер? Она тут при чем?

Мисс Сильвер спокойно вязала.

– Я хотела бы задать ей несколько вопросов в вашем присутствии, если у вас нет возражений.

Фрэнк Эббот взглянул на нее. В его глазах мелькнула саркастическая искра. Он негромко произнес:

– Знаете, нельзя все время вытаскивать тузы из рукава.

Мисс Сильвер, продолжая щелкать спицами, улыбнулась.

Лэм грубо сказал:

– Придержи язык, парень! Иди лучше, приведи ее.

Когда за Фрэнком закрылась дверь, он с упреком напустился на мисс Сильвер:

– Допуская вас к этому делу, я полагал, что вы не будете скрывать сведения от полиции.

Она спокойно встретила его хмурый взгляд.

– Но я ничего не скрывала, старший инспектор. Свидетельства Полли я услышала только этим утром. И потом сразу пошла к телефону. Инцидент, о котором я хочу расспросить мисс Мерсер, произошел этой ночью. Я намеренно не стала расспрашивать ее о нем, чтобы сделать это в вашем присутствии.

Лэм открыл рот, собираясь заговорить, и закрыл его снова с раздраженным «Тьфу!». После этого забарабанил пальцами по колену, а мисс Сильвер продолжила вязать, пока не открылась дверь. В комнату вошла Минни Мерсер, а следом Фрэнк Эббот. Выглядела она заметно более усталой, чем накануне. Мягкие, усталые глаза и бледная кожа стали еще более блеклыми. Темные круги под глазами были уже похожи на синяки. Минни села с дальней стороны стола, сложила на коленях руки и взглянула на старшего инспектора. Тот покачал головой.

– Это мисс Сильвер хочет спросить вас кое о чем.

Минни повернулась в кресле так, что стала прислоняться не к спинке, а к подлокотнику. Казалось, ей требуется какая-то опора. У Фрэнка Эббота создалось впечатление, что без опоры она соскользнула бы на пол. Минни обратила на мисс Сильвер тот же немой, вопрошающий взгляд, что и на старшего инспектора.

Мисс Сильвер не заставила ее ждать. Очень мягко, любезно она спросила:

– Мисс Мерсер, вам известно, что вы иногда ходите во сне?

Минни явно была поражена. По ее телу прошла легкая дрожь. Она ответила, запинаясь:

– Ходила, когда была маленькой – после болезни. Я не знала, что это случается и сейчас.

Мисс Сильвер продолжала вязать.

– В последнее время это случалось дважды – позапрошлой и прошлой ночью.

– Я не знала... – Ее тихие слова едва можно было расслышать.

– В первом случае за вами спустилась в холл мисс Уэйн. Обняла вас и отвела обратно в вашу комнату. Я наблюдала с лестничной площадки. Она была очень доброй, заботливой, и вы не проснулись, но когда легли в постель, очень горестно произнесли: «Что я наделала?»

Лэм сидел так, что видел обеих женщин. Все еще хмурился, но уже сосредоточенно, не сердито. Видел, как по телу Минни Мерсер снова пробежала легкая дрожь. Она не сказала ни слова.

Мисс Сильвер продолжала:

– Прошлой ночью вы опять ходили во сне. Я была подготовлена и последовала за вами. Вы спустились в холл, и тут мисс Уэйн вышла из комнаты. На сей раз она присоединилась к вам, когда вы шли по холлу в направлении гостиной. Увидев, куда вы идете, я обогнала вас и включила свет. Вам он не требовался, но было нужно, чтобы мисс Уэйн и я могли видеть, что вы делаете. Вы видели сон. Мисс Мерсер, помните вы, что вам снилось?

– Я... не знаю...

– Я расскажу вам, что вы делали. Вы стояли и смотрели в комнату. Казались огорченной и сказали: «Нет-нет, ему такой не нравится». Потом подошли к столу почти посередине комнаты. В среду вечером на этот стол мисс Уэйн поставила поднос с кофе.

Минни Мерсер сказала:

– Да... – Голос был еле слышен.

– Вы протянули руку к столу. Немного постояли там. Потом немного повернулись вправо и пошли к креслу мистера Леттера. Столик возле кресла был тем самым, на который поставили его кофе в среду вечером. Вы снова протянули руку. Так, будто ставите что-то. Мисс Мерсер, взяли вы в среду вечером чашку кофе с подноса и отнесли ее на стол возле кресла мистера Леттера?

Минни смотрела на нее широко раскрытыми глазами. Издала тот же звук, что и раньше. Все сочли, что это «Да»...

– Когда вы брали чашку с подноса, там были две чашки или только одна?

Минни ответила: «Одна...»

– Когда подошли к столику у кресла мистера Леттера, там была уже чашка?

– Да...

– Что вы сделали?

– Я поменяла местами чашки.

– Поставили ту, что принесли с подноса, и забрали другую?

– Да... я поменяла их местами...

– Скажете нам, почему?

Минни сделала глубокий вдох.

– Да, скажу. Я не хотела, чтобы Джимми узнал, но ничего не поделаешь...

Лэм произнес:

– Мисс Мерсер, должен предупредить вас: то, что вы скажете, будет записано и может быть использовано как показание.

Минни бросила на него беглый взгляд и покачала головой.

– Тут не то, что вы думаете. Я расскажу, как все было.

Фрэнк Эббот взял свой блокнот и начал писать.

Минни заговорила совершенно спокойно, чуть ли не с облегчением. Ее голос был изнуренным, но вполне слышимым.

– Давая показания, я не сказала ни слова неправды. Не сказала всего, так как не хотела, чтобы узнал Джимми. Когда я подошла к двери в среду вечером, миссис Леттер стояла у подноса, как я говорила в своих показаниях. Я подумала, что она сыплет сахар в одну из чашек – именно так и подумала. Сыпала она из маленькой красивой табакерки. Мне в голову не приходило, что это не сахар или глюкоза – что-то в этом роде. Подумала только, что это какая-то новая сладость. Миссис Леттер была такой – вечно пробовала что-то новое. Иногда принимала что-то для похудения – я подумала, это одно из таких средств. Она высыпала оттуда все в чашку и размешала. Потом положила два куска сахара и размешала снова. Затем взяла бутылочку коньяка и довольно много влила в чашку. Я решила, что это ее чашка, но она отнесла ее и поставила возле кресла Джимми. Я подумала, что ему это очень не понравится. – Минни сделала паузу, прикрыв глаза, и потом продолжила: – Джимми не любит много сладкого – кладет лишь один кусок сахара в чай или кофе. Я подумала, что миссис Леттер следует это знать, что она *должна* это знать. Все знали, как Джимми не любил кофе по-турецки и пил его потому, что она сказала – ее хотят отравить. Это знали все. Я подумала, она положила столько сахара ему назло, чтобы кофе стал для Джимми как можно отвратительнее. Я не могла вынести этого и поменяла местами чашки.

Лэм требовательно спросил:

– Видели вы, чтобы она клала что-то во вторую чашку?

– Нет.

Он подался вперед, положив руки на колени.

– Говорите, она сыпала в чашку порошок из маленькой красивой табакерки. Можете описать ее?

– Да, могу. Табакерка французская – очевидно, восемнадцатого века – дюйма два в длину, не очень широкая, посеребренная, с нарисованными Венерой и Купидоном на фарфоровой крышке.

– Хм! – промычал Лэм. – Что она сделала с ней?

– С чем?

– С табакеркой. Видели вы, что она с ней сделала?

Наступило молчание. Фрэнк Эббот остановил карандаш. Мисс Сильвер перестала вязать. Минни Мерсер заговорила:

– Да, я видела, куда миссис Леттер положила ее. Чашка была у нее в правой руке, табакерка в левой. Когда она поставила чашку, то взяла из вазы на столе засохшие лепестки розы и заполнила ими табакерку. Потом открыла ящик стола и сунула ее внутрь.

– Что вы подумали о ее поведении?

Минни ответила без колебаний:

- Тогда я об этом совершенно не думала. Конечно, потом...
- К этому я и веду. Мисс Мерсер, когда вы осознали, что сделали?
- Как только узнала, что миссис Леттер мертва.
- Не раньше?
- Нет, как я могла?
- Вы могли заметить, что она выглядит больной: вялой и сонной.

Минни покачала головой:

– Нет, такой возможности не было. Я... очень устала. Как только они выпили кофе, я унесла поднос и вымыла чашки. В гостиную больше не вернулась. Пошла и легла спать.

– Да, конечно, чашки мыли вы. При этом ничто не привлекло вашего внимания – например, осадок на дне одной из чашек?

Она ответила:

– Нет. Понимаете, это был кофе по-турецки – там всегда остается гуща, никакого осадка не увидеть.

– Не заметили ничего необычного?

– Нет.

– И легли в постель. Заснули сразу?

– Да, я была очень усталой.

– Что вас разбудило?

– Шум в доме после того, как Джулия обнаружила миссис Леттер.

– Вы были внизу, когда приехал врач?

– Да.

– И потом, когда приехал инспектор Смердон?

– Да.

– К этому времени вы поняли, что миссис Леттер выпила тот кофе, который предназначала мужу?

Казалось, Минни вот-вот упадет в обморок. Она ответила слабым голосом:

– Я... начинала... понимать...

Лэм устремил на нее укоризненный взгляд.

– Тогда почему молчали, почему не сказали, что сделали? Говорите, в ваших показаниях не было ни слова лжи, но когда вы скрываете множество значительных улик, это равносильно неправде. Почему вы ничего не сказали, не избавили нас от многих хлопот?

На щеках Минни выступил трепетный румянец. Она выпрямилась.

– Сказанного нельзя взять назад. Мне требовалось подумать, но чем больше я думала, тем меньше понимала, что следует сделать. Мне приходилось думать, что будет лучше всего для Джимми.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Всегда лучше всего говорить правду. Ложь не помогает никому.

Минни как будто не услышала ее слова.

– Я должна была думать о Джимми. Думала, если он узнает, что жена хотела его отравить, это убьет его. Боялась того, что он мог бы сделать. А потом боялась того, что Джимми может сделать, если подумает, что она покончила с собой – он решил бы, что это его вина. А потом начала бояться, что вы его подозреваете. Выхода как будто не было, и я не знала, что делать.

Фрэнк Эббот это записал. Лэм повернулся к нему.

– Ступай в гостиную, посмотри, там ли табакерка, где, по ее словам, должна быть!

Глава 38

Джимми Леттер воспринял это тяжело. Но в полном крушении всех его заблуждений относительно Лоис была надежда на будущее. Ни один мужчина не станет лелеять память о женщине, которая хотела его отравить. Когда он узнал об этом, потрясение было жутким. Оно полностью уничтожило связанные с супружеской жизнью хорошие воспоминания. Вскоре, когда пыль и осколки прошлого будут убраны, освободится место для новой постройки. Даже теперь, в первые часы, ощущалось его подспудное облегчение. Вместе со всем остальным исчез терзавший душу страх: он не толкнул Лоис на самоубийство.

Дознание началось в четыре часа дня. Коронер, доктор Саммерс, вел его очень твердо. Он побеседовал со старшим инспектором Лэмом и во многом с ним согласился. Дача показаний будет ограничена только самыми необходимыми, сенсационные элементы не станут поощряться. В присяжных были люди спокойные – главным образом, местные фермеры, владелец гостиницы «Бык», пожилой холостяк, у которого имелся собачий питомник, и двое торговцев. Деревенский клуб был переполнен – любопытные деревенские жители сдавили репортеров в плотную массу; атмосфера казалось накаленной; сильно пахло лаком и разгоряченными телами.

Первым делом заслушали показания полицейских и медиков. Причина смерти была совершенно ясна – морфий. Подтверждением служил оставшийся порошок.

Затем доктор Саммерс вызвал Джимми Леттера.

– Вы состояли в браке два года?

– Да.

– У вас с женой были хорошие отношения?

С другого берега открывшегося в его жизни залива Джимми Леттер ответил:

– Да.

– Но на этой неделе произошел серьезный конфликт? – Доктор Саммерс поправил пенсне и твердо сказал: – Я не собираюсь вдаваться в подробности конфликта, но обязан спросить, был ли он серьезным.

Поскольку вся деревня уже знала от Глэдис Марш, что муж среди ночи застал миссис Леттер в комнате мистера Энтони и мистер Энтони сказал ей «нет» – такой тактичный джентльмен, помолвленный с мисс Джулией, – все искренне одобрили «да» Джимми Леттера. По залу пошел шепоток. Доктор Саммерс подавил его.

– Можете сказать, был ли конфликт настолько серьезен, что мог привести к разводу?

Джимми Леттер снова ответил: «Да». После этого его кратко расспросили о событиях вечера среды и отпустили.

Вызвали Джулию, чтобы она описала, как нашла Лоис Леттер в бессознательном состоянии.

Затем настал черед Полли Пелл.

При четвертом повторении показаний слова сходили с ее языка чуть ли не сами собой. Она описала сцену в ванной – ее детский голосок был слабым и робким, но вполне слышимым. Может быть, она вспоминала, как на этом самом возвышении изображала фею в избранных сценах из «Сна в летнюю ночь» или стояла на страже возле яслей, одетая в длинную белую рубашку с парой крыльев. У нее был красивый мелодичный голос, и однажды она пела партию Пажа дьячку доброго короля Вацлава. Ее это почти не пугало: в обычной жизни дьячок был дядей Фредом, и всех в клубе Полли знала с раннего возраста. Возможно, эти воспоминания ее подбадривали.

Коронер сказал Полли, что показания она давала замечательно. После того как девушка описала табакерку, ей показали ее, и она сразу же сказала: «Да, эта самая». Под конец ей задали тот же вопрос, что и мисс Сильвер, – видела ли она лицо миссис Леттер, заметила ли его выражение. Полли дала тот же ответ:

– Да, сэр. Она выглядела очень довольной.

Спертый воздух в клубе, казалось, пришел в движение. Все присутствующие, кроме представителей прессы, знали Лоис Леттер, по крайней мере, в лицо. Большинство так или иначе разговаривали с ней. Все знали о зеркальных стенах в ее ванной и спальне, и общий вердикт

гласил, что это неприлично. Все могли явственно представить ее изображение, какое Полли видела отраженным от стены ванной: красивая миссис Леттер колотит каблуком туфли по сложенному листу бумаги и выглядит «очень довольной». У людей с самым живым воображением эта картина вызвала неприятный трепет. Этим и объяснялось движение воздуха.

Полли вернулась на свое место.

Коронер вызвал Минни Мерсер.

Черного платья, чтобы носить траур по Лоис Леттер, у нее не было, но она надела самое темное, синее, которое носила все лето, когда позволяла погода, и темно-синюю соломенную шляпу, в которой деревня видела ее по солнечным воскресеньям в церкви, начиная с апреля. Лицо Минни казалось таким изможденным и бледным, что коронер посмотрел на нее с беспокойством. Он был другом ее отца, и около сорока лет назад она сидела у него на коленях и лезла в его жилетный карман за мятными леденцами.

Он очень благосклонно выслушал ее показания и первым делом спросил о морфии:

– Морфий находился в запасе лекарств доктора Мерсера?

– Да.

– Где вы его хранили?

– В аптечке в моей комнате.

– Запирали аптечку?

– Да.

– А где хранили ключ?

– В ящике туалетного столика.

Голос ее, как и лицо, был невыразительным, безжизненным, но внятным.

Коронер продолжал:

– Обратили вы внимание, что пузырек с таблетками морфия стоял не на месте?

– Мистер Леттер пришел ко мне попросить снотворного. Аптечка была открыта, потому что я доставала из нее крем. Он взял пузырек с морфием, я сразу же отобрала его и сказала, что морфий опасен. Кажется, пузырек стоял на передней части полки, когда мистер Леттер взял его, а не на задней.

– Видели вы, как его достал из аптечки мистер Леттер?

– Да.

– Он ничего не вынул из пузырька?

– Нет, просто достал пузырек. Я тут же его отобрала.

– Когда вы доставали крем, заметили, что пузырек был не на месте?

– Нет. Он стоял на другой полке, среди других похожих пузырьков. Я не замечала этого, пока мистер Леттер его не достал.

– Заметили вы что-нибудь в пузырьке, когда отобрали его у мистера Леттера?

– Я подумала, что таблеток в нем как будто убавилось. Уверена я быть не могла, поскольку долгое время его не видела, но подумала, что таблеток стало меньше.

– Что вы дали мистеру Леттеру, чтобы помочь ему заснуть?

– Две таблетки аспирина.

– Заперли после этого аптечку?

– Да.

– И положили ключ в обычное место?

– Да.

– Он видел, куда вы его кладете?

– Нет.

– Когда все это произошло?

– Во вторник вечером.

– То есть больше, чем за сутки до смерти миссис Леттер?

– Да.

Доктор Саммерс поправил пенсне.

– Теперь перейдем к событиям вечера среды. Будьте добры, расскажите, что видели и что делали, когда вошли в гостиную после ужина.

Все тем же безжизненным голосом Минни повторила историю, которую рассказала Лэму утром. Присяжные могли зрительно представить ее, стоящую в дверном проеме гостиной и наблюдающую, как Лоис Леттер сыплет белый порошок из старой французской табакерки в одну из чашек с кофе на подносе. Представить, как Лоис размешивает кофе, как добавляет сахар и коньяк, как несет чашку к столику возле кресла Джимми Леттера. Представить, как она заполняет табакерку лепестками розы и кладет ее в ящик стола.

В клубе стояла мертвая тишина. Каждое негромко произнесенное слово падало в эту тишину, будто камень в воду. В этот жаркий, душный день не один человек испытывал дрожь или чувствовал, как по спине ползет капля холодного пота. Все знали мистера Джимми. Пожилые уже не помнили, как долго. И жена мистера Джимми высыпала белый порошок в чашку с кофе и поставила ее там, где он возьмет ее и выпьет.

В этой странной тишине они слушали, как Минни Мерсер рассказывает коронеру, присяжным и всем им, что она поменяла местами чашки. Они все знали мисс Минни. Она учила их детей в воскресной школе и приходила в их дома как друг. За ее историей была жизнь, которую она вела у них на глазах сорок восемь лет. Внимание к жизни королевской семьи ничто по сравнению с вниманием к жителям деревни. Никому из деревенских жителей не могло прийти в голову, что мисс Минни говорит хоть слово неправды. Не приходило это в голову и коронеру, но он задал несколько вопросов, чтобы представителям прессы все было совершенно ясно.

– У вас не мелькнула мысль, что порошок, который миссис Леттер сыпала в чашку, мог быть не сахаром?

– Я подумала, что это сахар или что-нибудь сладкое – например, сахарин. Миссис Леттер иногда принимала лекарства для похудения. Я решила, что она подслащивает свою чашку – она любила очень сладкий кофе.

– А что вы подумали, когда она отнесла чашку к креслу мистера Леттера?

Голос Минни впервые дрогнул.

– Я подумала... миссис Леттер была зла на него. Подумала, что она... сделала это нарочно. Он всегда клал в кофе один кусок сахара. Вот почему я поменяла местами чашки.

– Это была единственная причина?

– Да.

Ее попросили опознать табакерку.

– Это из нее миссис Леттер высыпала порошок в кофе и потом заполнила ее розовыми лепестками?

Табакерка лежала на столе между ними, блестящая серебром и разрисованной крышкой – кокетливой французской Венерой с развевающейся голубой лентой, с розами в волосах и со смеющимся Купидоном, целящимся игрушечной стрелой из игрушечного лука. Красивая безделушка для хранения яда.

Минни посмотрела на нее и сказала: «Да».

Полицейский эксперт, который обследовал табакерку, показал, что обнаружил под розовыми лепестками белый порошок, приставший к бокам и ко дну табакерки. Были обнаружены следы морфия. Порошок оказался идентичен с образцами из ванной миссис Леттер.

Больше свидетелей не было.

Коронер быстро подытожил результаты дознания. Присяжные удалились. Начались негромкие разговоры.

Жители Леттер-Энда сидели молча. Даже не разговаривали друг с другом. Джулия бросила взгляд на Минни и понадеялась, что Минни не упадет в обморок. Джимми Леттер ни на кого не смотрел. Он сидел на крайнем сиденье в первом ряду, слева от него была сосновая стена, липкая от лака, справа кузен Энтони. Все видели только его затылок, может быть, иногда ухо и часть щеки. Джимми смотрел на дощатый пол. Доски слегка потрескались, в трещины набилась пыль. Из пыли вылез крохотный паучок и побежал по одной из досок. Через несколько дюймов остановился, замер и притворился мертвым. Джимми пристально наблюдал за ним. Побегит паучок дальше или останется на месте? Что заставило его вылезти из щели, почему он остановился и притворился мертвым? Что вынуждает людей делать все то, что они делают? Что заставило Лоис попытаться отравить его?

Паучок шевельнулся, пробежал еще около двух дюймов и снова притворился мертвым. Джимми не сводил с него глаз.

Присяжные совещались всего четверть часа. Старшина присяжных, рослый, добродушного вида фермер, заговорил очень медленно, веско, внятно. В руке он держал лист бумаги и читал по нему.

«Мы пришли к заключению, что покойная скончалась вследствие отравления морфием – что морфий находился в кофе, который она приготовила для своего мужа и поставила возле его кресла – что мисс Мерсер поменяла местами чашки, не зная, что в одной из них находится яд, и нисколько не виновна в произошедшем. Мы также убеждены, что мисс Мерсер хранила морфий под запором, и ее совершенно не в чем обвинить».

Раздались аплодисменты, их тут же остановил коронер.

– Это вердикт о смерти в результате несчастного случая.

– Да, сэр. Но мы хотим указать в протоколе, что, кроме миссис Леттер, тут некого винить. И мы хотели бы, если это уместно, выразить наше сочувствие мистеру Леттеру.

Джимми Леттер поднялся и вышел в боковую дверь. Энтони вышел вместе с ним. Через несколько секунд за ним последовали остальные члены семейства. Жители деревни Рейн принялись обсуждать самую большую сенсацию с тех пор, как солдаты Кромвеля ставили в церкви своих лошадей.

Глава 39

Энтони вышел из кабинета Джимми. Встретив Джулию и Минни, он не решался передать им поручение. Минни выглядела так, словно дошла до полного упадка сил, до упадка почти всего. Джулия спросила: «В чем дело?», и Энтони заговорил, обращаясь к ней:

– Джимми хочет видеть тебя, Минни, но ты выглядишь слишком слабой.

Минни Мерсер выпрямилась. Когда мы думаем, что дошли до полного упадка, всегда что-то остается. Она не могла найти сил для себя, но нашла их для Джимми.

Войдя в кабинет, Минни затворила дверь. Джимми стоял у окна, спиной к ней. Он не обернулся. Когда Минни подошла к нему, он подвинулся, освобождая ей место. Они сели рядом на диванчик. Джимми заговорил не сразу, и постепенно ее страх начал уходить. Страх, мучивший ее днем и ночью после смерти Лоис, что Джимми возненавидит ее за то, что она сделала. Минни совершила это без злого умысла, но, возможно, он никогда не сможет забыть, что это сделала она. Однако, будь у него такая мысль, она поняла бы это, сидя рядом с ним в окружающем безмолвии. Минни знала его так долго, так хорошо, любила так сильно, что Джимми не сумел бы скрыть этой мысли. Ей стало совершенно ясно, что ему нечего скрывать. Он был мучительно уязвлен, мучительно несчастен. Ему, ее бедному Джимми, требовалось утешение. И требовалась она.

Наконец он произнес:

– Скверное дело, Мин.

– Да, мой дорогой.

После очередной паузы он коснулся ее руки.

– Ты спасла мне жизнь.

Она словно бы утратила дар речи. Джимми тут же отвел руку. Через секунду заговорил:

– Я все еще не могу этого осознать. Я причинял всем громадное беспокойство. Все были очень добры ко мне. Скажи им, что я всеми силами постараюсь загладить то плохое, что причинил. Все были очень добры.

– Хорошо, скажу.

Джимми откинулся назад, к косяку окна. Минни поняла, что он испытывает облегчение – он сказал то, что сказать было трудно, и на душе у него стало легче. Она понимала, что он, в сущности, сказал: «Ты спасла мне жизнь. Я не стану кончать с собой». С ее души было снято самое тяжелое бремя.

Вскоре он заговорил о Ронни Стрите:

– Я сказал Элли – пусть привозит его в любое время после похорон. Ты не будешь против, если миссис Хаггинс станет приходить каждый день?

– Нет, не буду. Последние несколько дней она приходила.

Джимми потер нос привычным жестом.

– Если потребуется еще прислуга, устроишь все сама? Вы с Элли не должны перетруждаться. Джулия говорит, вы работаете слишком много. Устрой все так, как было раньше... Мин, ты не съедешь?

– Если я тебе нужна, нет.

– Ты всегда мне нужна. Возьми все в свои руки. Я не хочу здесь тех людей, которые приезжают, дворецкого и двух горничных. Займись этим, пожалуйста, – заплати им что-то и скажи, что мы заключили другие соглашения. Чужих нам сейчас не нужно. Только вы с Элли не должны перетруждаться – я не могу этого допустить.

– Джимми, я позабочусь обо всем. Если предложить, Конни Трейл будет приходить по утрам на час-другой. Это может оказаться кстати – пока Ронни не поправится полностью. У Элли появится возможность отдохнуть.

Они увлеклись разговором, так напоминая старые времена, что оба мысленно перенеслись в те дни, когда здесь не было Лоис.

Глава 40

Мисс Сильвер всегда возвращалась домой по завершении дела с чувством глубокой радости. Долгие годы она жила в домах других людей. А затем, вынужденная по возрасту оставить работу гувернантки, она стала существовать на несколько шиллингов в неделю из своих скудных сбережений. Из того жалованья, какое в то время получали гувернантки, много сберечь невозможно. Вспоминая об этом, а потом видя широко распахнутую дверь своей квартирки и стоящую в проеме верную Эмму, входя в гостиную с ее скромным комфортом – картинами на стенах, рядами фотографий в плюшевых, в чеканных, в филигранных серебряных рамках, напоминающих о дорогих друзьях, – мисс Сильвер неизменно радовалась. И еще больше ее радовала возможность разделять это с другими – разливать чай из викторианского серебряного чайника, раздавать бутерброды и маленькие пирожные, которые замечательно готовила Эмма Медоуз.

На другой день после возвращения мисс Сильвер из Леттер-Энда сержант Эббот заехал к ней на чай. Для него Эмма приготовила бутерброды трех видов, а также крохотные булочки, тающие во рту, и медовые соты, которыми обычно не угощала гостей.

Фрэнк посмотрел на все это обьединение и застонал.

– Если бы я приезжал так часто, как мне хочется, то растолстел бы, как старший инспектор, а тогда, скорее всего, мне бы не присвоили этого звания.

Мисс Сильвер приветливо улыбнулась ему:

– Мой дорогой Фрэнк, ты, если на то пошло, слишком худ. Угощайся, прошу тебя.

Он принялся за угощение.

На третьей чашке чая и, пожалуй, на десятом бутерброде Фрэнк прервал застольную болтовню мисс Сильвер. Слушал он ее рассеянно, но затем с трудом мог вспомнить, что она вела речь о разнице температур этого сентября и нескольких предыдущих. Протянув руку за очередным бутербродом, сержант спросил:

– Когда вы начали подозревать миссис Леттер?

Мисс Сильвер поставила свою чашку и потянулась за вязаньем. Она начала вязать первый чулок новой пары для Дерекы, и три дюйма резинки были уже готовы. Когда она принялась за дело, ее лицо выражало задумчивость.

– На этот вопрос очень трудно ответить. Конфликт между тем, что я могу назвать материальными и духовными фактами, казался разительным. Не припомню ни единого дела, где он был бы таким резким. Если смерть миссис Леттер считать самоубийством, то показания всех, кто ее знал, говорили, что она ни за что не оборвала бы жизнь, которой так полно наслаждалась. Если же она была убита, лишь три человека могли устроить так, что она, а не мистер Леттер, возьмет отравленную чашку. Это сам мистер Леттер, миссис Стрит и мисс Мерсер. Чем больше я думала об этих альтернативах, тем меньше могла принять любую из них. Я говорила о покойной со всеми членами семьи. Из многочисленных мелких черточек сложился портрет жесткой, решительной женщины, которая ни перед чем не остановится, добиваясь своего, – упорной женщины. Указаний на это было много. Холодная, расчетливая дама. Не того типа, что постыдится мужа или покончит с собой из-за того, что ее отверг мужчина, за которого при желании она могла бы выйти два года назад. У нее были собственные деньги, было великолепное здоровье и самоуверенность. Зато почти не имелось чувствительности и способности любить. Она была красивой, привлекательной для мужчин. Я никак не могла поверить, что она совершила самоубийство.

Фрэнк взял еще один бутерброд.

– Два разума, но одна мысль – у вас и у шефа! Два сердца бьются, как одно!

Мисс Сильвер питала слабость к бесцеремонным молодым людям. Она снисходительно кашлянула.

– Рассматривая другую альтернативу, я тоже пришла в растерянность. Если это убийство, значит, ее убили либо мистер Леттер, либо миссис Стрит, либо мисс Мерсер. И здесь физические

улики находились в противоречии с психологическими. Судя по первым, это мог сделать любой из троих. Судя по последним – никто из них. Я начну с Элли Стрит. Когда я поняла, как она несчастна из-за разлуки с мужем, как сильно хочет, чтобы он был принят в Леттер-Энде, я подумала о возможности того, что, видя в миссис Леттер препятствие к этому, Элли могла ее устранить. Я поняла, что она очень боится утратить любовь мужа. Элли казалась переутомленной и нервной. Собственно, дошла до того, что могло произойти нарушение душевного равновесия. Если добавить к этому, что на допросе мисс Мерсер показала: во вторник вечером аптечка была незаперта, поскольку она доставала крем для Элли Стрит, тебе станет ясно, что у меня была пища для размышлений. Как известно, вскоре после этого мисс Мерсер заметила, что пузырек с морфием стоит не на обычном месте. Я должна была задуматься, не миссис ли Стрит его переставила.

– И что?

Мисс Сильвер обратила на него проницательный взгляд.

– Я убедилась, что не в характере Элли Стрит совершать хладнокровное, предумышленное убийство. Она кроткая, не особенно деятельная, лишенная находчивости, инициативы. Думаю, она привыкла всю жизнь полагаться на свою сестру Джулию, очень умную и сильную девушку. Если бы Джулия Уэйн решила совершить преступление, то наверняка добилась бы успеха. К счастью для нее и окружающих, у нее твердые принципы и доброе, благородное сердце. Миссис Стрит относится к тому типу, что бездумно живут и страдают. Я не могла представить ее способной на обдуманное, жестокое действие. Не видела в ней отравительницу.

Фрэнк Эббот кивнул.

Мисс Сильвер продолжала вязать.

– Разумеется, у мистера Леттера был весьма серьезный мотив. Вполне естественно, что старший инспектор подозревал его. У него было очень сильное побуждение, ставшее причиной множества насильственных преступлений. При сильной супружеской ревности мало кто не станет подозревать оскорбленного мужа. Я сама полностью осознавала опасное положение своего клиента, но после того как он поговорил со мной, я отвергла мысль, что он отравил жену. Джимми Леттер испытывал сильные душевные муки, упрекал себя, так как боялся, что жена совершила самоубийство. Он цеплялся за единственную надежду, что я смогу доказать: миссис Леттер была убита. Я нашла его открытым, простодушным, как ребенок, с добрым, прощающим характером. Несмотря на все улики, я сочла его неспособным на убийство. – Она сделала паузу, кашлянула и сказала: – У мисс Мерсер тоже был очень сильный мотив.

Фрэнк приподнял брови.

– Вы считаете ее мотив очень сильным?

Мисс Сильвер кивнула:

– Да, Фрэнк, самым сильным, какой может быть у женщины ее типа. Она искренне любит мистера Леттера. Этого нельзя было не заметить. Думаю, что, к сожалению, ему это в голову не приходило. Он жил рядом с ней и так привык к ее присутствию и к ее привязанности, что не замечал их, пока она не собралась покинуть Леттер-Энд, из-за чего он, по всем отзывам, очень расстроился. Они вполне подходили друг другу и если бы поженились двадцать лет назад, для обоих это было бы великолепно. Учитывая это, ты поймешь, каким сильным мог быть мотив у мисс Мерсер. Она видела, что мистер Леттер очень подавлен, видел, как миссис Леттер стремится встать между мистером Энтони и мисс Джулией, видела, что ее поведение грозит разрушить семейство. Да, мотив мог быть очень сильным. Существовал еще тот несомненный факт, что Минни Мерсер испытывала более сильные душевные страдания, чем можно объяснить создавшимся положением. Я была убеждена, что она что-то скрывает, и что бы это ни было, оно причиняет ей громадные душевные муки.

– Вы не думали, что это сделала она?

Мисс Сильвер встретила его взгляд.

– Я не могла так думать. Подлинную доброту ни с чем не спутаешь. В случае с мисс Мерсер доброта была основным мотивом во всех ее мыслях и поступках. Она представляла атмосферу, в которой она жила. Мисс Мерсер глубоко страдала, но это было страдание невинности в присутствии зла. Это было моим постоянным впечатлением. И поэтому я дошла до того, что не могла признать смерть миссис Леттер результатом ни убийства, ни самоубийства.

– В отсутствие шефа мы, наверное, можем назвать это *impasse*¹¹. Знаете, он запрещает мне использовать французские слова. Считает это высокомерным.

– Я питаю большое уважение к старшему инспектору Лэму, – укоризненно заметила мисс Сильвер. – Он в высшей степени честный человек.

Сержант Эббот послал ей воздушный поцелуй.

– Оно ничто по сравнению с тем уважением, какое я питаю к вам. Продолжайте, достопочтенная наставница.

Мисс Сильвер еле слышно кашлянула.

– Право, мой дорогой Фрэнк, ты иногда городишь сущую чепуху. Когда я достигла, как ты выражаешься, этого *impasse*, я решила полностью отбросить внешние улики и руководствоваться только тем, что чувствовала и в чем убедилась в отношении затронутых лиц. Мы не ожидаем, что в царстве животных тигр станет вести себя как овца или кролик – по-волчьи. Писание гласит, что не собирают с терновника виноград или с репейника смоквы. Неодолимая страсть может толкнуть любого из нас на внезапное насильственное деяние, но тщательно обдуманное отравление отнести к этой категории нельзя. Оно непременно должно указывать на такие скверные черты характера, как эгоизм, чрезмерное самомнение, или, может, на их опасную противоположность – разъедающее душу сознание собственной неполноценности. Должны быть беспощадное пренебрежение к остальным, беспощадная решимость достичь желаемого, что бы этому ни препятствовало. Когда я начала искать эти черты, то нашла их все, за исключением комплекса неполноценности, у самой миссис Леттер. Все, с кем я говорила, подтверждали эту оценку ее характера. Даже по словам обожавшего ее и убитого горем мужа она представляла совершенно не считавшейся ни с ним, ни с кем бы то ни было, мешавшим исполнению ее желаний. Таким образом, в Леттер-Энде был только один человек, способный совершить хладнокровное, тщательно продуманное убийство.

Мисс Сильвер кашлянула, перевернула чулок Дерека и продолжала:

– Но этот человек сам был жертвой. Я начала думать, каким образом она могла стать жертвой собственного замысла. Вернулась к показаниям и обратила внимание на два факта. Мисс Мерсер наблюдала из дверного проема и видела, как миссис Леттер добавляет, по ее мнению, сахар или что-то сладкое в одну из чашек. Изначально я решила, что, наверно, это была глюкоза, внешне похожая на сахарный песок, но тут стала рассматривать вероятность того, что это был порошковый морфий. Мисс Мерсер как будто утверждала, что не видела, что произошло с кофейными чашками, когда она и миссис Леттер вернулись с террасы. Форма рассказа создавала впечатление, что мисс Мерсер сразу же последовала за миссис Леттер, когда та выходила из гостиной на террасу, но определенно это сказано не было, и я стала думать, что мисс Мерсер рассказала не все, ей известное, и что она могла поменять чашки местами. Я считала совершенно невероятным, чтобы миссис Леттер рискнула оставить обе чашки на подносе. Когда все заявили, что не помнят, кто поставил чашку мистера Леттера на столик возле его кресла, я подумала: вполне вероятно, что миссис Леттер сделала это сама. В таком случае мисс Мерсер должна была это видеть, потому что наблюдала за ней с тех пор, как миссис Леттер высыпала в чашку порошок, и до того, как она вышла на террасу. Я пришла к убеждению, что мисс Мерсер поменяла местами чашки. Причина ее молчания была очевидна. Она хотела оградить мистера Леттера от знания, что жена собиралась отравить его.

Фрэнк Эббот смотрел на нее с неподдельным восхищением.

– Она прямо-таки верх совершенства!

– Мой дорогой Фрэнк!

– Продолжайте, – торопливо сказал он, – я не хотел вас прерывать.

– Той ночью мисс Мерсер ходила во сне. Наверняка прошла бы по холлу в гостиную, но мисс Джулия вернула ее. Когда мисс Мерсер произнесла тоном глубочайшего горя «Что я наделала!», я убедилась, что нахожусь на верном пути. В следующую ночь, как тебе известно, она снова ходила во сне. И повторила события прошлой ночи. Мне стало совершенно ясно, что она берет воображаемую чашку с подноса и ставит ее у кресла мистера Леттера. Потом она вернулась, держа руку перед собой так, словно несла чашку. Она подошла к столу, на котором стоял поднос,

¹¹ Тупик (фр.)

и вытянула руку так, будто что-то ставила. Произнесла: «О господи, что я наделала!» – и я уверилась, что тайна раскрыта. На другое утро за завтраком мне представилась удобная возможность спросить, любит ли мистер Леттер очень сладкий чай или кофе. Когда я получила ответ, что он не кладет в чашку больше одного куса, я решила, что именно по этой причине мисс Мерсер поменяла местами чашки. А показания Полли не оставили сомнений, что миссис Леттер умышленно растолкла таблетки морфия в порошок.

– Как думаете, когда она их взяла? До сцены между мистером Леттером и мисс Мерсер вечером во вторник, когда последняя заметила, что пузырек с таблетками стоит не на месте?

– Да, она взяла их раньше, – щелкая спицами, ответила мисс Сильвер. – Возможно, когда вся семья сидела за завтраком. Вспомни, завтрак подали ей в комнату. Сцена в комнате мистера Энтони произошла ночью. Мысль избавиться от мужа, возможно, уже приходила ей, но, думаю, после той сцены миссис Леттер решилась на крайность. Очевидно, вся семья знала, где мисс Мерсер хранит ключ от аптечки. Миссис Леттер нашла морфий, взяла столько таблеток, сколько нужно, тщательно вытерла пузырек и поставила обратно, не в коробку, где он стоял, а на полку. Понимаешь, она была уверена – смерть мистера Леттера сочтут самоубийством. Поэтому и поставила пузырек там, где его будет легко найти. Перед обедом она измельчила таблетки и высыпала порошок в маленькую табакерку. Потом, в начале восьмого вечера, Глэдис Марш пришла к ней с рассказом, что мистер Леттер был в комнате у мисс Мерсер, просил чего-нибудь снотворного. Когда миссис Леттер услышала, что он брал пузырек с морфием, мисс Мерсер сказала ему, что это опасно, а он ответил: «Мне лишь бы заснуть, а там хоть совсем не просыпаться», то сочла, что все козыри у нее на руках. Только представь себе – если бы мисс Мерсер не поменяла местами чашки и мистер Леттер умер бы от отравления морфием, возник бы вопрос об убийстве? Глэдис Марш сообщила бы, что он сказал: «Мне лишь бы заснуть, а там хоть совсем не просыпаться» – показание, которое мисс Мерсер пришлось бы подтвердить. Он брал пузырек с морфием. И все сочли бы, что он покончил с собой. Местные присяжные вынесли бы вердикт о случайной смерти. Сочли бы, что он так хотел спать, что не думал о принимаемой дозе, – этот вывод подтверждался бы его собственными словами. Миссис Леттер, видимо, сочла, что ей открывается легкий и безопасный способ убийства. А потом мисс Мерсер поменяла местами чашки.

Фрэнк взглянул на нее с блеском в глазах.

– Нравоучительная история! – Затем добавил торопливо: – Как думаете, какое отношение имел к этому Энтони? Пошла она на крайность из-за него или ей просто надоел Джимми Леттер?

Мисс Сильвер кашлянула.

– Ты хочешь знать больше, чем я могу тебе сообщить. Я склонна думать, что миссис Леттер совершенно разочаровалась в браке и начала сознавать, что как бы муж ни любил ее, есть вещи, на которые он ни за что не согласится. Он не захочет покинуть Леттер-Энд и жить в Лондоне, ему не нравятся ее друзья. Насколько я понимаю, когда она выходила замуж, у нее были финансовые затруднения, и она была не уверена в исходе дела по завещанию ее первого мужа. Будь она уверена, что получит эти деньги, то наверняка предпочла бы Энтони Леттера. Она не любила его настолько, чтобы связать с ним жизнь без оглядки, но, став финансово обеспеченной, захотела его вернуть. То, что Энтони больше не любил ее и явно увлекся мисс Джулией, возбудило все своевольное упрямство ее натуры. Все, с кем я разговаривала, говорили о ней одно и то же. По-разному, но все сводилось к тому – если она чего захотела, то будет упорно добиваться этого.

Фрэнк потянулся за последним бутербродом. Через несколько секунд спросил:

– Вы воспринимали миссис Мэнипл всерьез?

– О, мой дорогой Фрэнк, очень всерьез. Разумеется, не как убийцу, а как благоприятное обстоятельство.

Миссис Мэнипл в роли благоприятного обстоятельства едва не рассмешила сержанта Эббота. Он с трудом придал лицу серьезное выражение и сумел произнести одно-единственное слово:

– Объясните.

Мисс Сильвер охотно стала объяснять:

– Я никак не могла допустить, что человек, устраивавший приступы рвоты, покушался на жизнь миссис Леттер. Результаты были очень слабыми, очень мимолетными. Но когда стала подозревать саму миссис Леттер, я поняла, что эти приступы навели ее на мысль об отравлении. На то, каким

образом подать яд. И то, что она искренне беспокоилась о себе, могло подвигнуть ее положить конец этому положению. Разумеется, это мои догадки. Я сама задаюсь вопросом...

Она умолкла, не закончив фразы, для нее это было необычно и возбудило живейшее любопытство у Фрэнка Эббота.

– Ну, нельзя же останавливаться на середине фразы! Каким вопросом?

Мисс Сильвер положила вязанье на колени, серьезно посмотрела на него и сказала:

– Иногда я подумывала, естественной ли смертью умер ее первый муж.

Фрэнк покачал головой:

– Знаете, шеф всерьез думает, что у вас есть личное помело. Он воспитан на сказках о ведьмах, и вы оживляете их неприятным образом.

Мисс Сильвер улыбнулась:

– Очень уважаемый человек. Мы с ним в превосходных отношениях. Но, думаю, у тебя есть что рассказать мне.

– Да, не очень много, но вот послушайте. Шеф отправил меня навести кое-какие справки. Я разговаривал с врачом, лечившим Даблдея. Видел, что иногда он не знал, что сказать. Даблдей был болен, но не так уж сильно. Он мог умереть так, как умер, но это произошло неожиданно. Сам врач уехал, и вызвали его юного партнера. Это был тот случай, когда на благоприятный исход приходилось девяносто девять шансов из ста, но в сотовом имелось что-то подозрительное. Разумеется, ни один врач на свете не захочет терять частную практику из-за такого надежного дела. Едва ли врач особенно задумывался о его болезни, пока не стало известно, что Даблдей написал новое завещание преимущественно в интересах миссис Даблдей и что родственники намерены его оспаривать. Думаю, вот тут врач не знал, что сказать, но у него не было никаких фактов, поэтому он отмалчивался. Вскоре он узнал с большим облегчением, что дело решили без суда. Его бы наверняка вызвали свидетелем, и думаю, ему бы этого не хотелось. Как вы понимаете, он сказал мне только, что Даблдей умер, когда он был в отъезде, по правилам это было и все. Мне пришлось читать между строк через очень сильную лупу, но я ушел с убеждением, что миссис Леттер уже играла в эту игру. Говорят, отравители не бросают своего занятия.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Когда приходишь к убеждению, что твои желания важнее человеческой жизни, всегда найдутся возможности применить это убеждение на практике.

Фрэнк восторженно уставился на нее.

– «И здравый смысл в ее час торжества!» – процитировал он и поспешно добавил: – Поэт Уордсворт.

Глава 41

Джулия бросила в выдвижной ящик три пары чулок и задвинула его. Она снова была в Лондоне, чувствовала себя усталой и совершенно разбитой. Распаковывать вещи не так утомительно, как упаковывать, но приятного в этом мало, и уезжаешь ты или приезжаешь, что-то непременно оказывается забытым. Джулия забыла зубную пасту – это означало, что нужно выйти из квартиры и купить новый тюбик. Когда только что переживешь трагедию в состоянии крайнего напряжения, в расстройстве из-за зубной пасты есть что-то жалкое.

Она раскрыла все окна, но в комнате все равно было жарко и душно. Пыли казалось необычайно много. Джулия взяла швабру, тряпку и принялась за уборку. Покончив с ней, подумала, не лучше ли было бы оставить пыль на месте – так много ее собралось на руках и лице.

Начала Джулия с рук: бессмысленно мыть лицо, если руки покроются от этого влажными черными пятнами, и тут раздался звонок в дверь. Она торопливо посмотрелась в зеркало. Лицо было грязным, но не очень – скорее потемневшим. Или, может, совсем не грязным, может, просто она так выглядела. Решила, что в конце концов сойдет и так. Вытерла частично отмытые руки, заметила, что от них на полотенце осталось черное пятно, и пошла к двери.

Безупречно опрятный Энтони посмотрел на нее с легким удивлением и спросил, почему она устроила весеннюю уборку. Конечно же, это был Энтони! Если бы она ждала его в своем лучшем платье в течение девяносто девяти дней из ста, он бы так и не появился, однако на сотый день, когда она была бы вся в грязи и пыли, квартира притянула бы его как магнит. Джулия сказала:

– Ты всегда появляешься, когда я грязная, но я как раз смываю грязь.

– Видимо, ее было очень много.

– Да, много. Тебе придется подождать или, может, сходишь купить мне тюбик зубной пасты? Свою я забыла.

– Очень не хотелось бы, но схожу.

Это дало Джулии время переодеться. Когда Энтони вернулся, она была совершенно чистой, опрятной.

Он широким жестом протянул ей пасту.

– Невесте от жениха!

Он ожидал, что Джулия рассмеется, но был разочарован. Она отнесла тюбик в крохотную ванную и вернулась с пятнадцатью пенсами в еще влажной и розовой от мытья ладони.

– Зачем это? – спросил Энтони.

– За пасту. Возьми, пожалуйста.

– Дорогая, это щедрый подарок – от жениха невесте, одна из житейских вещей, которыми я намерен одарять тебя.

Наступила напряженная пауза. Джулия при своем характере вполне могла бы и взорваться.

Опасный миг прошел. Она положила монеты на край письменного стола и сказала:

– Как хочешь. Можешь считать ее заблаговременным рождественским подарком, тогда тебе не придется ломать голову, что подарить мне через три месяца.

Энтони дал ей суровый отпор:

– Разве я делаю тебе рождественские подарки?

Джулия ответила:

– Нет – с тех пор, как у нас были рождественские елки.

Зачем она это сказала? Ее слова прозвучали одновременно с воспоминанием, какими безмерно приятными были те дни и какими безмерно далекими. Она словно бы оглянулась на далекую маленькую, яркую картину. Сильно побледнела и услышала, как Энтони сказал со странной ноткой в голосе:

– Зачем нам разговаривать стоя? Ты выглядишь совершенно усталой.

Джулия с радостью опустилась на диван и ощутила за спиной подушку. На какой-то сумасшедший миг она не представляла, что сделает. Она могла расплакаться, могла повалиться на

колени. Обе альтернативы казались до того унижительными, что о них невыносимо было думать. Джулия услышала свой голос:

– Слишком жарко для домашней работы.

Она увидела, что Энтони нахмурился. Последний раз они встречались на похоронах ранним утром неделю назад. Ужасно! Почему она не может думать о чем-то другом? Никто из тех, что были там, не захотят больше думать о них. Но, конечно, из головы этого не выбросишь. Джулии хотелось, чтобы Энтони не приходил. Хотелось, чтобы он ушел. Хотелось быть уверенной, что она не заплачет. И она ничего не могла с этим поделать.

Энтони нарушил молчание:

– Мое дорогое дитя, в этом кораблекрушении кое-кто уцелел. Например, ты и я. Разве тебе необходимо смотреть на меня так, словно мы не только мертвы, но и погребены? Немедленно перестань! Какими ты оставила других уцелевших?

Он с удовольствием заметил, что на ее щеки вернулся легкий румянец. Джулия поспешно ответила:

– Извини, я не хотела. Будь глаза у меня голубыми, все было бы хорошо.

– Дорогая, голубые глаза бы тебе не пошли.

– Знаю. Однако я не раздражала бы людей, глядя на них. Мне часто об этом говорят, но я постоянно забываю.

Энтони рассмеялся:

– Неудивительно. Нас задевает прикосновение к сердечным струнам. Оно всем не по душе. Улыбка помогает переносить эти касания. Сделай попытку! Как там Джимми?

Джулия с облегчением ответила:

– Определенно лучше. Знаешь, он не хочет брать деньги Лоис.

– Я и не думал, что возьмет.

– Да. Он написал адвокатам с просьбой принять меры для скорейшего возвращения этих денег Даблдеям. Это значительно улучшило его настроение. И Минни отлично его поддерживает. Постоянно прибегает к нему с проблемами, которые никак невозможно решить без участия мужского ума – с новыми прокладками для кранов в ванной, с составлением объявления, что нужен дворецкий, сколько составят дополнительные пять процентов в счетах прачечной, с просьбой убрать громадного паука из раковины в комнате служанки, потому что миссис Хаггинс ушла, а они с Элли сами не могут. Для него это очень полезно. Конечно, ему надо было бы давным-давно жениться на ней.

– Вряд ли ему это приходило в голову, – заметил Энтони.

– Наверняка нет. Но только подумай, от чего мы были бы в этом случае избавлены! На сей раз, могу сказать тебе, я позабочусь, чтобы пришло.

Энтони рассмеялся, но не перестал хмуриться.

– Оставь их лучше в покое.

– О, пока я ничего делать не стану. Все будет хорошо, пока Ронни и Элли там, но когда Ронни придется уехать на работу, и Элли вместе с ним, тут придется указать Джимми, что Минни никак не может оставаться и вести для него дом. Это будет очень неприлично.

– Ерунда!

– О, в деревне нет. Притом требуется только заставить Джимми подумать. Минни сделает его безмерно счастливым, и он заслуживает чего-то, чтобы все это загладить. Она тоже.

– Женщины совершенно бессовестны. Только и думают о том, как бы уложить несчастного мужчину, куда им хочется – в ягдаш.

– Это очень приятный ягдаш, – сказала Джулия мягким грудным голосом.

– Да, так вы нас туда и заманиваете. Всеми удобствами домашней жизни и кольцом в носу – приятным, крепким, нерушимым обручальным кольцом. У вас миллионы лет опыта, и вы превосходно научились этому, дорогая.

Когда Энтони произнес «дорогая», сердце у Джулии сжалось. Боль заставила ее выпрямиться и произнести:

– Так вот, у меня нет ни ягдаша, ни кольца – твой нос в полной безопасности. И чем скорее ты объявишь всем, что мы расторгли помолвку, тем больше я буду довольна.

Энтони поднял палец.

– О, этот твой характер, дорогая! Всегда считай до ста перед тем, как говорить. Это может слегка замедлить разговор, но лучшие медицинские авторитеты согласны в том, что лихорадочные спешки машинного века сокращают нам жизнь.

– Несмотря на это, люди теперь живут гораздо дольше, чем раньше. Помнишь, что мистеру Пиквику было всего сорок три года, и все говорили о нем как об «уважаемом старом джентльмене»?

– Дорогая, у нас общество не времени Диккенса. И мы говорим не о мистере Пиквике. Когда ты вспомнила о нем, чтобы перейти к другой теме, я собирался грациозно встать на одно колено и попросить тебя назвать день нашей свадьбы. После этого ты, само собой, подобающе покраснела бы, грациозно упала в обморок и оправилась бы настолько, чтобы заглянуть в каталог предсказываемых событий.

Вместо того чтобы покраснеть, Джулия сильно побледнела. Сказала:

– Перестань болтать ерунду. Нет смысла делать вид, будто мы помолвлены.

Энтони охотно согласился:

– Совершенно никакого. Да и вообще помолвки отвратительны. Дорогая, ты, кажется, меня не слушала. Я не просил сохранять нашу помолвку, я попросил тебя выйти за меня замуж.

Джулия гневно взглянула на него.

– А я сказала тебе, что не хочу больше притворяться! Я пошла на это только ради Джимми!

Энтони встретил эту вспышку гнева испытующим взглядом.

– Ради Джимми, вот как?

– Ты сам это знаешь! Для этого больше нет необходимости, так что, будь добр, оповести об этом всех!

Энтони подался вперед, сжав руками колено.

– Предполагается, что я бросил тебя или ты меня? Мне это следует знать, так ведь?

Джулия сдержанно ответила:

– Ни то, ни другое. Мы разорвали помолвку, так как я думаю, что семейная жизнь помешает моему писательству. Но, само собой, мы останемся друзьями.

Энтони расхохотался:

– Великий карьерный мотив! Дорогая, он совершенно устарел. Современная женщина может иметь мужа, несколько работ, детей, дом без прислуги и легко со всем справляться. Но я полагаю, нам нужно будет снять квартиру с гостиничным обслуживанием – помнится, Мэнни невысоко отзывалась о твоей стряпне.

– Я делаю все, как положено, но получается неважно, – угрюмо сказала Джулия. – Послушай, Энтони, хватит ходить вокруг да около.

Энтони немного помолчал. Потом подошел и взял ее за руки. Она сказала, что ей жарко, но он нашел их холодными как лед. Сжал их довольно крепко и спросил:

– Джулия, а если всерьез?

Откуда у нее взялись силы, она не знала, но смогла ответить:

– Нет.

– Это относится к тебе или ко мне?

Джулия сказала:

– К обоим.

Поскольку внутри у нее все дрожало, слова тоже вышли дрожащими. Она потянула свои руки к себе, и Энтони выпустил их.

– Ты меня не любишь? Или я тебя не люблю?

– Мы не... никто из нас...

– Дорогая, ты бесцеремонно лжешь! Я люблю тебя – очень люблю. Ты не знала этого?

– Неправда!

– Вот как? Помнишь, я спросил, что бы ты сказала, услышав, что я страстно люблю тебя? Так вот, я тебе это говорю. Я люблю тебя – страстно – и по-всякому. Не будь ты совершенно глупа, ты узнала бы это и без моих слов. Иди сюда и прекрати болтовню.

Некоторое время спустя Джулия сказала протестующим тоном:

– Ты даже не потрудился спросить меня, люблю ли я тебя. Может быть, нет.

– Тогда бы ты не позволила мне поцеловать себя.

– Ты не хочешь знать этого?

Энтони поцеловал ее.

– Дорогая, я не так уж глуп.

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Молодую хозяйку поместья Леттер-Энд,
красавицу Лоис, находят мертвой...

Кто из многочисленных членов
эксцентричного семейства мог подсыпать
отраву в ее кофе? Полиция выясняет, что
Лоис ненавидела вся женская половина
семьи. А по завещанию все деньги
достаются ее мужу Джимми...

Однако Мод Сильвер уверена: разгадка
тайны убийства в Леттер-Энде кроется
не в деньгах и не в завещании,
а в отношениях между его обитателями.

.....

Мод Сильвер поистине неподражаема!
«Daily Mail»

У Патриции Вентворт необычайный дар
придумывать совершенно
неожиданную развязку!
«The Scotsman»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-101410-0

9 785171 014100